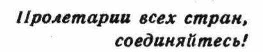

ОГОНЁК
№ 7 ФЕВРАЛЬ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

№ 7 (1964)

14 ФЕВРАЛЯ 1965

Сергея Тимофеевича Коненкова не назовешь затворником: его произведения, его мысли в постоянном людском обращении. Коненкову пишут сотни людей, почитай что из всех республик и краев необъятного Советского Союза. В мастерской выдающегося скульптора перебывали гости всех возрастов, всех рангов, со всех материков земли...

Девяностолетний мастер встречается с народом и вне стен мастерской; читателям «Огонька» знакомы его рассказы о путешествиях по родной стране.

На открытии юбилейной выставки Коненкова встречали тысячи взволнованных москвичей, десятки фотокорреспондентов и кинооператоров. Растроганный горячей встречей, Сергей Тимофеевич сказал: «Я благодарю Советский Союз за устройство выставки». Он не обмолвился: это справедливые слова. Жизнь и творчество Коненкова в поле внимания всего Советского Союза.

Фото М. Харлампиева.

Дьерди НЕМЕТИ

13 февраля исполняется 20 лет с тех пор, как Будапешт был освобожден от немецко-фашистских захватчиков. Проспект Ваци был одной из улиц, по которым в город вступили советские воины-освободители. Этот проспект — главная магистраль XIII района Будапешта, который носит название Андялфельд.

Каким стал этот район венгерской столицы через двадцать лет после ее освобождения, рассказывает журналист Дьерди Немети.

НОВОЕ ЛИЦО АНДЯЛФЕЛЬДА

«Гудит голос Красного Чепеля, Ваци-ут, ответь ему»,— так поется в одной из старых революционных песен.

Ваци-ут — проспект Ваци. Начинается он недалеко от Западного вокзала. По обе стороны его — заводы «Ланг», «Эдешюльт иззо», завод стальных изделий и труб...

Андялфельд, как и легендарный Чепель, всегда был центром рабочего движения. В буржуазной Венгрии он не фигурировал в путеводителях, жила здесь одна беднота. Тому, кто давно не был в этом районе, его не узнать.

На месте чахлого леска, где ночевали бездомные, теперь красуется новый жилой поселок имени Эрнста Тельмана.

Поселку имени Тельмана больше десяти лет; скоро его будут считать «старым». Новее и красивее дома, что строятся у моста Арпада. Больше окна, смелее цвета и формы, современнее квартиры. Здесь открываются школы, рестораны, красивые магазины.

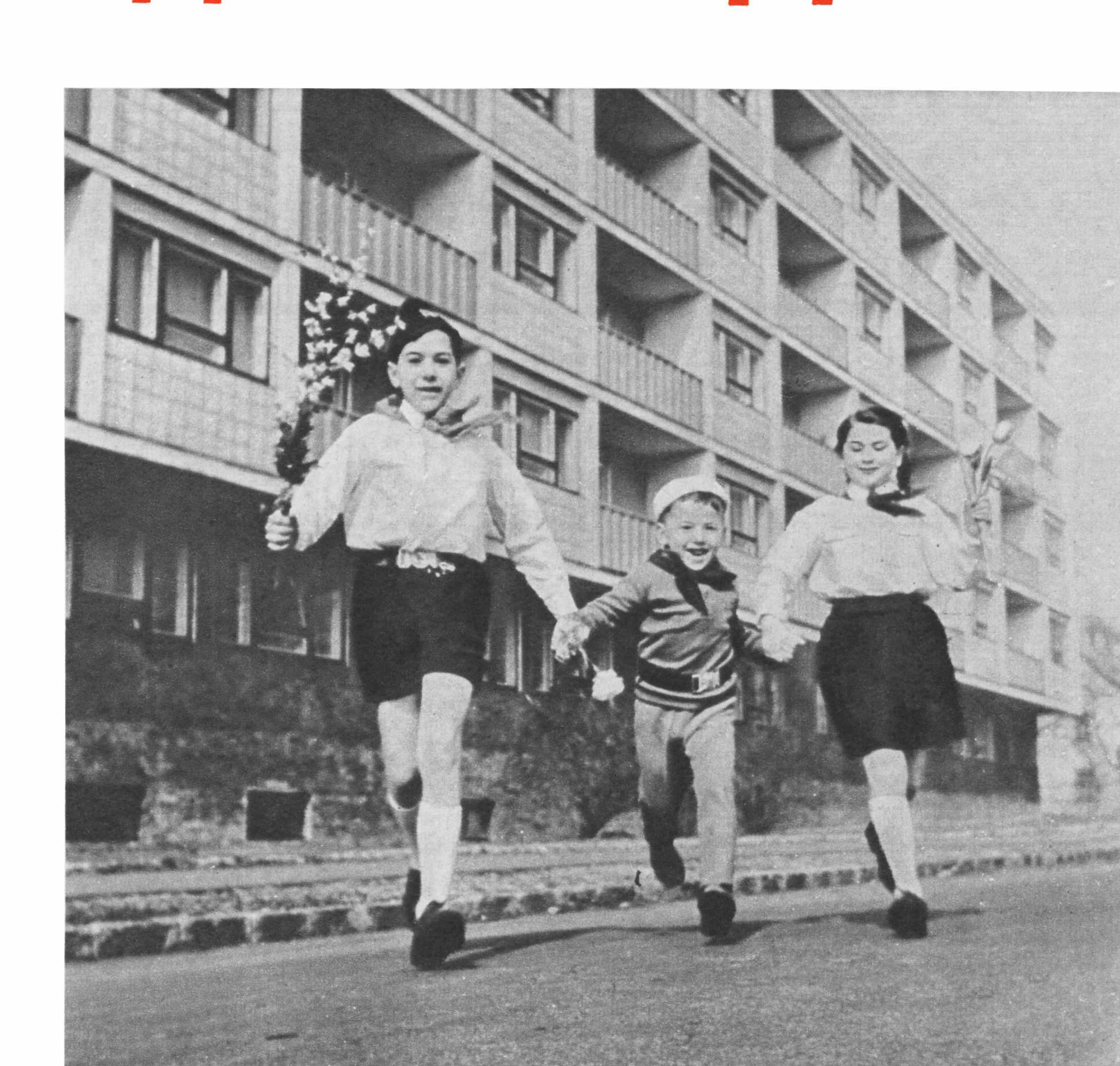
Даже одно перечисление изменений, происшедших за двадцать лет в жизни Андялфельда, заняло бы много места. Выстроены новый литейный цех на заводе «Ланг», огромный дом культуры, который назван именем великого венгерского пролетарского поэта Аттилы Йожефа.

Большая часть жителей района — новоселы. Новые квартиры, новая мебель. Во многих домах подъезды превращены в настоящие зимние сады; пальмы, филодендроны, забавные кактусы, украшающие лестничную клетку, говорят о том, что соседи здесь живут дружно.

Андялфельд с годами не старится, а, наоборот, становится все краше и моложе.

На снимках — **новостройки XIII района Будапешта.**

Фото Ирэн Ач.

А. Н. Косыгин и член Политбюро ЦК Партии трудящихся Вьетнама Премьер-Министр ДРВ Фам Ван Донг отвечают на приветствия встречающих на центральном аэродроме вьетнамской столицы.

Улыбками, рукоплесканиями,

ДРУЖБА, ЕДИНСТВО, СПЛОЧЕННОСТЬ

Демократическая Республика Вьетнам принимала на своей земле дорогих гостей — делегацию Советского Союза во главе с членом Президиума ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным.

«Вьетнамский народ питает самые искренние, самые глубокие чувства симпатии к советскому народу»,— сказал мэр столицы Демократической Республики Вьетнам товарищ Чан Зуй Хынг, обращаясь с приветствием к делегации Советского Союза.

Ярким подтверждением этих слов явился митинг, состоявшийся 7 февраля на площади Ба-Динь в Ханое. Тысячи вьетнамцев пришли сюда, чтобы сердечно приветствовать посланцев СССР

Советских гостей приняли Президент Хо Ши Мин и Премьер-Министр Фам Ван Донг. В сердечной и дружеской атмосфере проходили переговоры между делегациями Советского Союза и Демократической Республики Вьетнам.

Горячий отклик в сердцах вьетнамцев нашли слова Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина о том, что «Советский Союз, все социалистические страны, все прогрессивные силы солидарны с дружественным народом Вьетнама, который с оружием в руках дает решительный отпор империалистическим интервентам. Вооруженная борьба народов за свободу и независимость — это справедливая борьба, и она непременно закончится победой народов, поражением империализма».

Радиофото специального корреспондента ТАСС В. Будана.

Гневом преисполнены сердца советских людей — они решительно осуждают провокации американской военщины против Демократической Республики Вьетнам. На различных предприятиях Москвы прошли массовые митинги. Советские трудящиеся заклеймили позором действия агрессивных кругов США. У посольства Соединенных Штатов в Москве состоялась демонстрация протеста. В ней принимали участие вьетнамские и советские студенты, а также студенты из стран Азии, Африки и Латинской Америки. На наших снимках: демонстрация у посольства США в Москве.

Фото А. Пахомова.

приветственными возгласами встретил Ханой посланцев Советского Союза.

Переговоры между делегациями Советского Союза и Демократической Республики Вьетнам.

ПРОВОКАЦИЯМ — НЕТ!

Американский империализм совершил новое преступление.

Самолеты Соединенных Штатов бомбили и обстреляли территорию Демократической Республики Вьетнам. Сообщается, что есть человеческие жертвы, что американские летчики направляли удары по жилым домам и больницам.

Американский флаг был запачкан во многих авантюрах, измазан кровью во многих странах, где ландскнехты империализма США осуществляли различные послевоенные «доктрины». Ныне на этом флаге расплывается новое кровавое пятно. Нападение на социалистический Вьетнам ложится тяжкой ответственностью на руководящие круги США, спланировавшие и осуществившие это преступное деяние.

Во Вьетнаме американский империализм хочет защитить «право» грабить другие народы, диктовать им свою волю, решать их судьбы. Но этого права ему никто не давал, и он его никогда не получит!

Три с половиной миллиарда долларов, которые, по свидетельству американской печати, Соединенные Штаты вложили в свою южновьетнамскую авантюру, грозят превратиться в пшик. США рассчитывали воевать в Южном Вьетнаме чужими руками. Журнал «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт» писал: «Дело американцев — заставить вьетнамцев совершать то, что они должны, чтобы выиграть войну». Но так не получается. Даже в среде своих ставленников — продажной сайгонской группе генералов — они никак не могут отыскать надежную фигуру. А потери американских войск в Южном Вьетнаме становятся все ощутимее: только за прошлый год было выведено из строя около двух тысяч солдат. Южновьетнамские патриоты расширяют свои операции, их действия становятся все увереннее и жестче, и перед дядей Сэмом отчетливее и отчетливее вырисовывается картина краха.

Бессилие и злоба — вот что диктует американскую политику в Юго-Восточной Азии. Бессилие, злоба и еще жиденькая надежда на то, что расширение авантюры позволит оттянуть катастрофу.

Свои агрессивные действия США хотят спрятать за рассуждениями о «коммунистической угрозе», о своей заботе по поводу мира. Генерал Максуэлл Тейлор, посол США в Сайгоне, недавно публично жаловался, что его не понимают. «Даже моя собственная мать,— заявил он в интервью журналу «Лайф»,— говорит, что она не знает, чем я здесь занимаюсь». Тейлорова мама — это исключение. Потому что большинство людей на земле отлично знают род занятий этого американского генерала и его единомышленников. В Юго-Восточной Азии они хотят задушить патриотические движения и совершают разбойные нападения на независимые страны.

Советский народ решительно осуждает американские провокации против ДРВ. Напрасно думают авторы этих разбойных нападений, что они могут оставаться безнаказанными. У народа ДРВ есть надежные и сильные друзья!

По поводу агрессивных провокаций США Советское правительство заявило: «Перед лицом указанных действий США Советский Союз вынужден будет вместе со своими союзниками и друзьями принять дальнейшие меры для ограждения безопасности и укрепления обороноспособности Демократической Республики Вьетнам. Пусть ни у кого не будет сомнений в том, что Советский Союз сделает это, что советский народ выполнит свой интернациональный долг в отношении братской социалистической страны».

А. СЕРБИН

ПО КОМПАСУ — К КАТАСТРОФЕ.

Рисунок Ю. Черепанова.

Р. Я. МАЛИНОВСКИЙ,
Маршал Советского Союза

(Продолжение. Начало см. в № 6.)

II

Ранней весной 1937 года республиканская армия готовилась к проведению так называемой Харамской операции. Краткая предыстория ее такова.

В январе мятежники получили от германо-итальянских интервентов большое количество техники и снаряжения. К этому времени в основном была завершена переброска в Испанию итальянского экспедиционного корпуса, в первых числах февраля он уже участвовал в боях за город Малагу. Силы мятежников все более возрастали, тогда как республиканская армия ощущала острую нехватку оружия и людей. Испанские порты были блокированы разбойничьими действиями германских и итальянских военно-морских сил, а также вследствие контроля пресловутого Лондонского комитета по невмешательству. Не одно судно, направлявшееся в порты республиканской Испании, нашло себе могилу на дне Средиземного моря. Жертвами фашистских подводных лодок стали советские торговые суда «Комсомол», «Тимирязев» и «Благоев». В конце 1936 года Муссолини с цинизмом профессионального убийцы похвалялся, что с начала фашистского мятежа итальянские подводные лодки потопили судов общим водоизмещением свыше двухсот тысяч тонн.

Несколько позже, как об этом свидетельствуют материалы захваченных при разгроме германского фашизма секретных архивов министерства иностранных дел Германии, Муссолини и Франко заключили соглашение, по которому фашистская Италия обязалась обеспечить кровавому каудильо свою поддержку и «свою помощь для восстановления социального и политического порядка внутри страны», то есть для удушения Республики. Эти же документы свидетельствуют о том, что вкупе с итальянскими интервентами в тело республиканской Испании вцепился и главный вдохновитель войны на Пиренейском полуострове — германский фашизм. Благо, возможностей для этого было больше чем достаточно. День и ночь у лисабонской гостиницы «Авис», где обосновался штаб испанских мятежников, толпился всякий сброд — тут шла открытая вербовка «добровольцев» в армию Франко. Германские и итальянские пароходы, приходившие в тот же Лисабон, снабжали мятежников всем необходимым. Для удобства они даже были освобождены от таможенного досмотра и пошлин.

Силы были явно не равны. Но Республика сражалась. После удара, нанесенного мятежникам в ходе Махадаондской операции, испанские патриоты готовились к новому подвигу. Одновременным ударом с севера — из района Торрелодонес через Брунете — и с юго-востока — из района Ла Мараньоса на Мостолес — они решили разгромить армию мятежников, засевшую под Мадридом, и отбросить врага от столицы. Для проведения этой операции в республиканской армии было сформировано десять новых резервных бригад, которые намечалось усилить артиллерией (120 орудий), танковой бригадой и авиацией в количестве 100 самолетов. Эти бригады и должны были составить группировку, которой предстояло нанести главный удар.

Все было бы хорошо, если бы республиканскому командованию удалось сохранить в секрете свой замысел. Но задолго до Харамской операции о ней уже шли оживленные разговоры. По меткому выражению Михаила Кольцова, для шпионов в Испании была не работа, а отдых. Планы республиканцев, разумеется, тотчас же стали достоянием генерала Франко, который в то время как раз готовился к новому наступлению на Мадрид, причем с двух направлений: с юга — по восточному берегу реки Харама и с северо-востока — от Сигуэнса через Гвадалахару. Мятежники решили упредить удар республиканских войск (это привело к тому, что франкистам не удалось увязать задуманные операции в одно целое, и они протекали изолированно: Харамская — в феврале, а Гвадалахарская — в марте 1937 года, причем обе окончились полной неудачей). Республиканское командование еще не успело сосредоточить свои войска, как мятежники перешли в наступление через реку Харама севернее Аранхуэс. С первых же часов сражения их идея стала нам ясна: перерезать единственную хорошую шоссейную дорогу, соединяющую Мадрид с провинциями Новая Кастилия, Валенсия, а также с портами Средиземноморского побережья.

Завязались ожесточенные, кровопролитные бои.

Я мог бы по памяти нарисовать карту местности, на которой развивались харамские события,— так отчетливо запечатлелись они с тех давних пор... Река Харама, текущая почти строго с севера на юг. Именно к ней было приковано пристальное внимание той и другой сторон. Вот синие стрелы, обозначавшие направления вражеских ударов, пересекли извилистую линию водной преграды. К 12 февраля мятежники завершили форсирование реки и начали пробиваться на Мората-де-Тахунья и Арганда.

Сколько пришлось тогда поколесить по раскисшим глинистым дорогам — собирать и потораплививать резервы, укреплять стыки и фланги республиканских войск, помогать командирам бригад организовывать контратаки! Крепко пришлось поработать нашим танкистам, игравшим, пожалуй, главную роль в этом памятном сражении.

На одном участке десятикилометрового фронта противник бросил на позицию республиканцев несколько десятков итальянских танкеток. Дрогнули бойцы, помрачнело лицо командира пехотной бригады. А танки надвигались, поливая республиканские цепи свинцом своих пулеметов. Пришлось вызвать к месту боя быстрые и более мощные «Т-26».

— Но пасаран! Но пасаран!— в возбуждении кричал тогда командир бригады.

Да, там, где появлялись республиканские танки, фашисты не проходили.

Грозно урча и содрогаясь от выстрелов своих пушек, двинулись вперед наши бронированные машины. Что могли сделать с ними итальянские танкетки, вооруженные пулеметами! Вот вспыхнула одна вражеская машина, задымила вторая, третья.

Бойцы выскочили из окопов, подбрасывая вверх свои пилотки и береты,— испанцы не могут скрывать эмоций. Да и нам, людям, давно привыкшим к боям, трудно было удержать свою радость при виде поспешного бегства интервентов с поля боя. Грудь распирала гордость за советскую боевую технику, за наших людей, для которых высшее благо — выручить товарища из беды.

Кстати сказать, в ходе Харамской операции республиканские танки, оснащенные пушками, добились полного господства на поле боя. Итальянские машины, вооруженные лишь пулеметами, оказались против них совершенно бессильными. Фашисты могли противопоставить «Т-26» только немецкие противотанковые пушки, которых у мятежников было немало. Приходилось сначала подавлять их силами артиллерии, а затем уже пускать в прорыв свои машины. И все же наши танки понесли тяжелые потери.

Навсегда, наверное, запомнятся мне картины, когда наши машины врезались в атакующие цепи мятежников. Надо заметить, что на самых тяжелых участках фашисты пускали вперед марокканцев. Те шли в своих красных фесках, белых шарфах, в земляного цвета бурнусах под дикие воинственные выкрики. Хотелось крикнуть им: «За что проливаете вы кровь, темные, обманутые люди?»

Эта кровь, как и все другие преступления,— на черной совести фашизма. В наиболее напряженные дни потери мятежников на фронте исчислялись тремя-четырьмя тысячами солдат...

В ходе операции я понял, что мое место здесь, в войсках, где непосредственно куется победа. Поделился своими мыслями с Купером. Он согласился со мной. И вот я уже на командном пункте героя Испании Энрике Листера, назначенного командиром одной из первых дивизий Народной армии.

Как сейчас вижу эту встречу с ним. Мятежники пристрелялись к его командному пункту, расположившемуся в пастушеском домике. В домик угодило несколько снарядов — засуетились санитары, забелели бинты. Потом начался пулеметный обстрел... А он стоит передо мной во дворике, подтянутый, в лихо заломленной фуражке, при галстуке, и изучающе посматривает на меня: как, мол, тебе нравится такая музыка? Не начнешь ли кланяться пулям?

Советником к Листеру шел я, надо заметить, с известным опасением. Укрепилась за ним репутация командира храброго, тактически грамотного, но не терпящего постороннего вмешательства и тем более какой бы то ни было опеки. Владея немного русским языком (Листер побывал в Советском Союзе, был бригадиром забойщиков на строительстве Московского метрополитена), он посылал к чертовой матери всех, кто под горячую руку совался к нему с неразумными советами.

— Не сработаешься, Малино,— предупреждал меня кое-кто.

А я решил: «Сработаюсь». И теперь видел: Листер устраивает мне своеобразный экзамен.

Над головами, над чахлыми, безлистыми кустиками посвистывают пули. Мы прохаживаемся с Листером от домика до дворовой изгороди, от изгороди до домика. У Листера вид человека, совершающего послеобеденный моцион, я тоже показываю, что пули беспокоят меня не более, чем мухи. Перебрасываемся короткими деловыми фразами... От домика до изгороди, от изгороди до домика... Начинает смеркаться. Будто невзначай рассматриваю на рукаве рваный след пули.

— Полковник Малино!— с улыбкой восклицает Листер.— Мы еще

Р. Я. Малиновский на позициях республиканцев под Мадридом.

не отметили нашу встречу.— И подзывает адъютанта:— Бутылку хорошего вина!

Я никогда не был сторонником показной храбрости и тогда, на командном пункте, понимал, что наша рисовка друг перед другом ни к чему. Но, что поделаешь, разумная осторожность могла уронить меня в глазах этого храброго человека.

К удивлению многих, с Листером мы сработались очень хорошо. Я всегда старался щадить его самолюбие, давал те или иные советы так, что этого никто не видел, и никогда не превышал своих полномочий. Все решения он принимал единолично, а если ставил перед подчиненными боевые задачи, меня никогда не было рядом с ним.

Дивизия Листера вела ожесточенные бои несколько дней. Высота Пингаррон, за которую дрались та и другая стороны, несколько раз переходила из рук в руки. Помню, с каким волнением наблюдал Листер со своего командного пункта у Каса Сола за контратакой вводимой в бой 66-й бригады — последнего его резерва. Эта бригада была только что сформирована на гвадалахарском участке.

Теперь она здесь, на Хараме, принимает боевое крещение. Атакует бригада замечательно! Фашисты открыли по наступающим бешеный огонь всей артиллерии, даже зенитной, бойцы несут потери, но упорно идут вперед. На командном пункте Листера появляется молоденький советский капитан — инструктор при командире бригады. Он ранен, но лицо его сияет, когда капитан докладывает о том, как хорошо атакует бригада... Жаль, не запомнилась фамилия этого славного советского офицера...

Справедливости ради надо сказать, что в боях за Пингаррон хорошо дралась и 70-я бригада анархистов. Правда, советником пришлось назначить в нее заместителя командира танковой бригады товарища Петрова. Он-то и водил бригаду в атаку, причем все время находился в цепях наступающих с винтовкой в руках. Бойцы были в восхищении от храбрости камарада советико — советского товарища — и шли за ним вперед.

Помнится, не меньшие симпатии вызывал у испанцев и советский доброволец Павлито, под именем которого в 9-й бригаде Листера дрался с врагом ныне прославленный генерал, дважды Герой Советского Союза Александр Ильич Родимцев. Прекрасный знаток пулеметного дела, он воспитал тогда в бригаде целую плеяду мастеров меткого огня, а сам всегда был на самых опасных участках сражений. Кстати, первая звезда Героя засветилась на груди Александра Ильича там, под знойным небом Испании.

Нельзя умолчать и о героических советских женщинах, которые работали в те дни переводчицами у наших советников, о таких, как Мария Фортус, Елизавета Тихонова, Лида Лебедева, Ляля Константиновская и многие другие. Не могу без улыбки вспомнить об одном забавном случае.

На одном участке фронта республиканцы дрогнули и начали отступать. В общем, «чекете»[1] в полном разгаре. Находившаяся здесь же Мария Фортус решает остановить бойцов, поддавшихся панике. Но как?! И тут ей помогает знание испанского языка, вернее, даже испанского характера,— пусть при этом нужно поступиться женской скромностью. В суматохе бойцы вдруг слышат звонкий голос Марии Фортус:

— Кто это вас кастрировал?!

— Как кастрировал?— останавливаются, будто ошпаренные, бойцы.

— А так. Если бы вы не были кастрированы, вы были бы мужчинами и не бежали с поля боя!

И вот оскорбленные, красные от стыда бойцы вместе с Марией возвращаются назад и вступают в схватку с врагом.

...Харамскую операцию можно считать выигранной республиканской армией. Противник так и не смог овладеть важной в оперативном отношении дорогой. Правда, контрнаступление республиканцев не дало желаемых результатов с точки зрения территориальной, зато они сильно обескровили врага и разгромили все его резервы. В этом, пожалуй, главное. Мятежники уже не смогли оказать помощь итальянскому экспедиционному корпусу под Гвадалахарой. В марте он был буквально разгромлен республиканскими войсками.

Гвадалахара... По праву стала она символом доблести и мужества республиканских войск.

Итальянцы, упоенные легкой победой в Абиссинии и под Малагой, представляли себе эту операцию в виде прогулки по Сарагосскому шоссе. Планы командования итальянского корпуса выглядели как ни на чем не основанный календарь блистательных побед: темп наступления — 25 километров в сутки. 9 марта — Ториха. 11 марта — Гвадалахара. 12 марта — Алкала де Энарес, 15 марта — Мадрид.

Расчет на отсутствие сколько-нибудь серьезных республиканских сил на северо-восточном направлении и резервов, расчет на внезапность. Порядок построения корпуса, основанный на безостановочном движении вперед по узкой долине, ограниченной горным хребтом Самосиерра и берегом реки Тахунья. Три дивизии в затылок одна другой, четвертая —«Литторио»— в резерве...

Недооценка противоборствующих сил и переоценка собственных — самое опасное, что может быть на войне. Боевой порядок, основанный на голых предположениях,— гибель. Итальянское командование, уповая на мощь своего корпуса, сбросило со счетов такие «мелочи», как громадный патриотический энтузиазм республиканских бойцов, решивших предпочесть смерть сдаче Мадрида интервентам. Оно сбросило со счетов тот очевидный факт, что боевой порядок корпуса и условия окружающей местности позволяли республиканцам создать сильную оборону слабыми средствами и быстро подтянуть резервы.

Что и говорить, перевес в силах снова был на стороне интервентов: 8 марта в районе Мирабуэна они двинули пятнадцать вооруженных до зубов батальонов против трех слабо оснащенных батальонов 12-й республиканской дивизии. Но уже на следующий день сюда была переброшена 11-я интернациональная бригада с ротой танков. Маневрируя и действуя из засад, эти танки встретили интервентов жесточайшим огнем. Еще через день в сражение вступила 2-я бригада Листера и 12-я интернациональная. За три дня наступления фашисты смогли продвинуться на 30 километров вместо запланированных 25 ежесуточно.

Тем временем к месту сражения спешили резервы. 12 марта в составе республиканских войск уже действовали три республиканские дивизии и два батальона танков «Т-26» под командованием генерала Д. Г. Павлова. Одновременно на врага обрушились республиканские летчики на советских самолетах. Непрерывными бомбовыми ударами и пулеметным огнем они буквально разгромили ближайшие резервы интервентов.

Это был триумф республиканской авиации. Летчики вылетали на задания большими группами, и вели их лучшие, испытанные бойцы, крупные авиационные командиры, включая самого Игнасио идальго

[1] Труднопереводимое, но очень выразительное слово, означающее бежать, сбросив chaqueta — жакет.

де Сиснероса — начальника авиации Республики. Об этом человеке, выходце из богатой и высокопоставленной семьи, можно было бы рассказать много, но лучше всего о нем рассказала его жена Констансия де ля Мора в своей замечательной книге «Вместо роскоши». Да, всем фамильным привилегиям семья Сиснероса предпочла тяжелую борьбу за свободу родной Испании. Начальник республиканской авиации обладал качествами настоящего бойца и лично водил своих питомцев в наиболее ответственные полеты. И еще поручал это дело своему советнику, замечательному советскому летчику Якову Владимировичу Смушкевичу. Так было и в описываемые нами дни.

Вскоре республиканцы полностью завладели инициативой, и 18 марта они начали решительное наступление. Вот теперь темп движения частей итальянского корпуса действительно достиг 25 километров в сутки. Только это движение совершалось не вперед, а назад — вдоль все того же Сарагосского шоссе! Через несколько дней итальянский экспедиционный корпус перестал существовать. Кстати, большой вклад в его разгром внесли итальянцы-интернационалисты батальона имени Гарибальди.

Лично мне непосредственного участия в боях с итальянским экспедиционным корпусом принимать не пришлось. После Харамской операции я был назначен советником во 2-й Мадридский корпус, командиром которого был полковник Альсугарая, старый офицер королевской армии, но, кажется, честный человек, на совесть служивший Республике. А начальником штаба корпуса вскоре стал тот самый офицер, который впервые сопровождал меня на фронт под Мадрид, теперь уже подполковник,— Эстрада. Работали мы с ним дружно. Да и с Листером, с Лукачем не терял связи, наезжал к ним под Гвадалахару. Но все же дела заставляли почти неотлучно находиться в Мадриде. По этой причине так и не удалось мне свидеться со своим однокашником по академии имени М. В. Фрунзе полковником А. П. Фоминым.

Он прибыл под Гвадалахару в самый разгар боев. Я в это время был целиком поглощен Мадридом, только поговорил с ним по телефону и условился о встрече после боев. А полковник Фомин выехал на фронт. В деревне Трихуэке, наблюдая за ходом боя с колокольни, попал под бомбежку. И был убит. Такая печаль нахлынула, когда дошло до меня это известие!

Война есть война, и скорбные, тяжелые вести обрушивались на нас довольно часто. Незадолго до гибели А. П. Фомина мы потеряли на Южном фронте прекрасного артиллериста полковника В. И. Дмитрова, а позднее, уже на Арагонском фронте, на командном пункте генерала Вальтера был убит еще один наш замечательный товарищ — полковник Г. И. Пидгола. Сложил голову за свободу Испанской Республики легендарный генерал Лукач — Матэ Залка. Тяжелые, невосполнимые жертвы...

Итак, новое место работы. Появились новые заботы, нужно было привыкать к новым людям. Корпус вел в основном бои по обороне Мадрида. На некоторых участках, например, перед Аравакой, мы без особых усилий улучшили свои позиции. Пробовали выбить фашистов из Университетского городка, однако сделать это республиканцам так и не удалось.

Штаб нашего корпуса располагался в старом королевском дворце, сооружении столько же внушительном, сколько и знаменитом. Дворец этот знал на своем веку немало жестоких интриг, сопутствовавших всем поколениям испанских королей и описанных в свое время немцем Георгом Ф. Борном в известных «Тайнах Мадридского двора», за достоверность которых, впрочем, трудно поручиться. Во всяком случае, для штаба более удобное помещение трудно было найти. Возведенный на высоком восточном берегу реки Мансанарес, за которой раскинулся столичный парк Каса-де-Кампо, дворец, образуя глубокий внутренний двор, наполовину уходил в землю, а наполовину возвышался над городом своими двухметровыми стенами, от которых фашистские снаряды отскакивали, как горошины. Штаб корпуса располагался на первом этаже, обращенном в сторону города. Наверху же было самое подходящее место для наблюдательных пунктов. Там они и располагались, защищенные мешками с песком,— артиллерийский, оперативного отдела, представителей авиации и службы ПВО.

Со стороны города перед дворцом красовалась небольшая площадь, окруженная статуями королевских особ и утопавшая в цветниках, а за ней находился оперный театр, превращенный в артиллерийский склад. Невдалеке располагалась небольшая мадридская площадь Пуэрта дель Соль. Площадь обычно кишела людьми, что привлекало к ней внимание фашистских артиллеристов. Сюда частенько залетали снаряды — и тогда площадь моментально пустела, чтобы через несколько же минут снова забурлить оживленной толпой.

Своеобразно жил Мадрид. У стен его, обращенных в сторону противника, проходила передовая линия, и тут смерть косила людей, а несколько кварталов в глубь города — совершенно иная атмосфера: бойко торгуют магазины, вовсю работают кафе, кино, театр оперетты. Спектакль «Мухерес де Фуэго» («Женщины огня») не сходит со сцены, и зал битком набит солдатами. Наплевать, что над головой зияет оставленная снарядом пробоина и в нее заглядывают крупные южные звезды,— вентиляция лучше!

Дети играют на улицах в войну и посещают зоопарк, который никто и не думал закрывать. Разорвется снаряд — ребятишки шарахаются в подворотни, а потом снова выбегают, что-то крича и жестикулируя. Бывало и так, что после артиллерийского обстрела какой-нибудь курчавый малыш со сбитыми коленками лежит в луже крови и его подбирают, как солдата в бою.

На Гран-виа — четырнадцатиэтажная «Телефоника». Это центр международной связи. Здесь вас могут соединить с Москвой, Лондоном, Парижем, Лисабоном и даже с Нью-Йорком.

И здесь же, на «Телефонике», командный пункт республиканской авиации. Когда фашистские бомбардировщики прилетают бомбить Мадрид, офицеры вызывают своих истребителей, и над городом закипают жаркие бои. Отсюда же корректируется огонь республиканской дальнобойной артиллерии, отсюда изучает поведение противника оперативный наблюдатель штаба фронта.

Так живет и воюет Мадрид. Нормально работает метрополитен, но в его шахтах расположены и мастерские по изготовлению артснарядов. А в железнодорожных депо и мастерских республиканцы наладили даже производство прожекторов для борьбы с авиацией фашистов. Помню, в какой восторг пришли рабочие, когда под лучами их прожектора, проходившего испытание, загорелась толстая сосновая доска, а наш советский товарищ, замечательный интернационалист, зенитчик Н. Н. Подгорный дал прожектору высокую оценку.

В штабе 2-го Мадридского корпуса шла обычная боевая работа. Меня лишь удивляло, что никто не выезжал в войска и предпочитал наблюдать обстановку на участке корпуса из-за толстых стен дворца. Пробовал я говорить кое с кем по этому поводу, но мне невозмутимо отвечали:

— Зачем же ездить, если и так все видно?

Сдается, что я был жертвой остроумия. Однажды я заметил, что офицер из милициано не умеет читать топографическую карту, и хотел объяснить ему что к чему.

— Помилуйте!— отшутился он.— Зачем мне фотография местности, если перед моими глазами оригинал?

Исключение из офицеров корпусного управления составлял лишь комиссар корпуса Гонсалес Молина. Тот в компании со мной почти ежедневно бывал в передовых траншеях. Возле Университетского городка, попав под минометный обстрел, комиссар был тяжело ранен.

Живой достопримечательностью королевского дворца был дворецкий, вечно бродивший с огромной связкой ключей: комнат было неисчислимое множество, а доверить ключи кому-нибудь другому этот человек, носивший монашеское одеяние, не мог,— службу нес исправно. Вспомнился он мне потому, что одно время по вечерам с верхнего этажа кто-то сигнализировал противнику азбукой Морзе с помощью фонаря, и мы должны были сначала искать дворецкого с его злополучными ключами, а потом — того, кто подавал сигналы. В конце концов удалось обнаружить под крышей сигнальное устройство. От него шли два провода куда-то внутрь стены. Куда? Это, как мы шутили, осталось тайной мадридского двора. Провода перерезали, сигнализация прекратилась, а заниматься дальнейшими поисками злоумышленника было, откровенно говоря, некогда. Мы готовились к новому сражению.

Вскоре последовала так называемая Сеговийская операция. Самостоятельного значения эта операция не имела: республиканцы не ставили своей целью захват Сеговии, но имитировали такую цель с тем, чтобы отвлечь на себя силы мятежников из Бискайи и Астурии, где фашисты повели решительное наступление. Здесь, в горах Гвадаррамы, новые страницы в героическую летопись республиканской Испании вписали войска под командованием генерала Вальтера, основу которых составляла 69-я смешанная бригада и 14-я интернациональная. Однако интервенты подбросили свежие силы, и стороны вновь перешли к позиционной обороне.

Шел 1937 год. До нас, советских людей в Испании, уже начали доноситься смутные слухи о массовых арестах в среде партийного и командного состава, проводившихся на Родине. Не хотелось верить в это, но так было. Часто, собравшись вместе, мы мучились раздумьями над смыслом событий, о которых уже начала кричать западная пресса.

И все же, когда я получил приказ о возвращении в Советский Союз, моя партийная совесть никак не могла смириться с тем, что нужно уезжать, не сделав и половины того, что мог бы сделать. Когда я сказал об этом старшему советнику Г. М. Штерну, он поддержал меня:

— Я постараюсь, чтобы вы остались здесь.

И выполнил свое обещание. С добрыми напутствиями провожал он меня в штаб Центрального фронта, где мне предстояло работать.

III

В один из июньских дней 1937 года меня пригласил начальник Генерального штаба республиканской армии генерал Рохо. Мне не однажды приходилось встречаться с этим человеком, и он всегда производил на меня впечатление умного и храброго военачальника. Вместе с другими преданными Республике кадровыми офицерами он составлял счастливое исключение в среде тех бездарностей, а то и прямых предателей интересов испанского народа, от засилья которых так страдало дело защиты Республики. Выходец из бедной семьи, Висенте Рохо посвятил себя военному делу, преодолевая косность и рутину старой королевской армии, изучал стратегию, тактику, историю военного искусства и в свое время преподавал тактику в кадетском корпусе. А когда грянул фашистский мятеж, без колебаний стал на сторону Республики и во главе народных колонн храбро сражался на подступах к Мадриду, сражался с теми самыми дворянскими сынками, которым вдалбливал военную премудрость и которые обратили ее против своего народа. Можно ли удивляться тому, что Рохо, профессор кадетского корпуса, стал видным республиканским командиром и, будучи начальником штаба у бесславного Миахи, в сущности возглавил героическую борьбу испанского народа за Мадрид.

От души радовались мы, военные специалисты, при известии о назначении в мае 1937 года Висенте Рохо начальником Генерального штаба. Очень скоро мы почувствовали, что у кормила этого «мозгового центра» республиканской армии стоит дельный и очень нужный Испании человек.

Генерал Рохо принял меня в своем рабочем кабинете. Простая, ничем не примечательная комната. Лишь у стены — бронзовая скульптура Гонсалеса Фернандеса де Кордова, замечательного полководца прошлого, деятельность которого стала предметом глубокого изучения Висенте Рохо. Эта скульптура с выгравированной на пьедестале надписью «Гран Капитан» — «Большой капитан» — всегда сопутствовала ему.

Мы дружески поздоровались, и Висенте Рохо завел речь о положении на фронте.

— Посмотрите, полковник Малино,— говорил генерал, пригласив меня к большой настенной карте,— здесь от Самосьерры до Харамы занимает фронт мадридский корпус мятежников. Это весьма сильный корпус — пятьдесят пять тысяч солдат, триста орудий, сто танков. Сто самолетов могут поддержать мятежников. К тому же в Толедо и Талавера — резервы в десять тысяч солдат, а где-то здесь,— Висенте Рохо очертил район юго-западной Эстремадуре,— более крупные резервы, их численность нам пока неизвестна.

Все, о чем говорил генерал, я отлично знал, и невольно возникал вопрос: «Зачем он повторяет мне это?»

— Правда, фронт мятежников не сплошной, состоит из отдельных опорных пунктов. Каждый обороняется одним-двумя батальонами. Ко всему прочему и у нас сил немало, кое в чем мы даже превосходим противника...

Все понятно: в голове генерала Рохо возникала идея новой операции.

— Вы правы,— сказал я, продолжая мысль собеседника,— удар можно нанести отсюда, из-под Мадрида, на юг.

Рохо оживился:

— Мы, кажется, поняли друг друга. Не возьмете ли вы, советские военные специалисты, на себя труд разработать операцию? — И задумчиво произнес:— По-видимому, она будет называться Брунетской.

В ту минуту я был очень признателен генералу за доверие и от чистого сердца поблагодарил его за это.

— Лишь небольшая просьба к вам,— заметил я как бы мимоходом.— Позвольте нам не только разработать операцию, но и провести работу по сосредоточению войск.

По лицу Висенте Рохо пробежала горькая улыбка:

— Да, я понимаю, опыт Харамы... К сожалению, он ничему не научил наше командование. Вы имеете в виду, конечно, сохранение тайны? Что ж, согласен.

Так началась подготовка к Брунетской операции. Вскоре окончательно сформировался ее замысел: два армейских корпуса, нанося главный удар из района северо-западнее Мадрида, прорывают фронт мятежников, наступают на юг, через Брунете, затем Навалькарнеро и обрушиваются на мадридский корпус с тыла. Еще два корпуса наносят вспомогательные удары из районов севернее Аранхуэс и юго-восточнее Мадрида навстречу главным силам Центрального фронта. В результате важнейшие коммуникации мадридского корпуса должны были быть перерезанными, а часть вражеских частей — окруженными. После этого уничтожить их уже не составляло особого труда.

Мало-помалу начали сосредоточиваться резервные соединения фронта в районе к северо-западу от Эль-Пардо, почти до Эль-Эскориала. Разумеется, такая крупная перегруппировка войск была замечена всеми в штабе Центрального фронта.

— Что это вы там затеяли? — допытывался начальник штаба фронта Матальяна.

— Проводим большие тактические учения, войска надо тренировать,— невозмутимо отвечали ему.

Генерал Матальяна, очевидно, оценил организованные мною ранее учения со штабами частей и бригадами, поэтому успокоился.

Каково же было его удивление, когда за сутки до начала операции он узнал правду. Темперамент испанца этого перенести не мог, и Матальяна взорвался бурным негодованием. Как, от него скрыли операцию, которую он должен проводить!

На помощь опять пришел Висенте Рохо. Основной удар он, как говорится, принял на себя, а всем вместе нам уже нетрудно было успокоить огорошенного Матальяна. Тем более, что замысел операции ему пришелся по душе. В конце концов он пожал плечами и с улыбкой проговорил:

— Что за выдержка у вас, русских!

В ночь с 5 на 6 июля 5-й армейский корпус, а с утра 6 июля 18-й армейский корпус начали наступление. 11-я пехотная дивизия Листера, ночным маневром обойдя опорные пункты мятежников в Льянос и Кихорна (не зря упирал генерал Рохо на прерывчатость обороны мятежников!), на рассвете овладела Брунете. Тяжелее сложилась борьба за остальные укрепленные пункты, и мне спешно пришлось отправиться к месту боев.

Утром 6 июля республиканцы приготовились к штурму Вильянуэва де Каньяда. Но атака не принесла успеха, и командир корпуса Хурадо недоумевал:

— Ничего не могу понять. Все было сделано — и артиллерийская подготовка проведена и самолеты ударили. А толку нет.

Вскоре мне стали ясны причины неудачи. Здесь, под Вильянуэва де Каньяда, повторилась обычная ошибка, которую допускали республиканцы. Слишком велика была пауза между артподготовкой и атакой. Мятежники успели оправиться от потрясения, покинуть укрытия и отбить республиканцев организованным огнем.

— Очевидно, вы правы,— согласился со мной командир корпуса, когда я высказал ему свои соображения.

Дело было, однако, не только в этом. Уже в ходе повторной атаки я увидел, как плохо взаимодействовали пехота, танки, артиллерия и авиация. Пришлось заняться этим уже под вражескими пулями. К вечеру опорный пункт мятежников в Вильянуэва де Каньяда пал. На следующий день был взят Льянос, а 9 июля — Кихорна.

Тем временем командование мятежников успело подтянуть к месту прорыва резервы, в том числе снятые с Северного фронта лучшие дивизии. Фронт как бы застыл в форме мешка, который фашисты могли срезать фланговыми ударами. В этих условиях нужно было спешно принимать меры к устойчивой обороне. К счастью, враг не использовал выгоднейшей возможности окружения республиканских войск и 24 июля нанес фронтальный удар. Захват Брунете стоил ему больших жертв, а дальнейшее продвижение мятежников захлебнулось.

Спустя некоторое время, когда мы беседовали с генералом Рохо, он спросил меня:

— Кто, по вашему мнению, сражался лучше всех?

И я твердо ответил:

— Листер.

— А кто воевал хуже всех?

— Анархисты.

На самом тяжелом участке фронта у Брунете стояла дивизия Листера, и, как всегда, бойцы ее совершали чудеса героизма. В конце концов дивизия была совершенно обескровлена. Командование тщетно пыталось сменить ее свежими частями анархистов. Те не пожелали лезть в пекло.

— Сколько у нас еще проклятых «если бы»! — со своей горькой усмешкой резюмировал Висенте Рохо.— Если бы побольше военной грамотности нашим военачальникам, если бы побольше организованности!

Но в целом генерал Рохо остался доволен проведенной операцией.

— Мы снова отдали Брунете,— говорил он.— Но мы хорошо помогли Северу. Противник оттянул оттуда сорок батальонов, двадцать батарей, всю боевую авиацию. Северный фронт спасен, поздравьте нас.

Это было верно лишь отчасти. Брунетская операция помогла Северу, но спасти его не могла. Генералу Франко потребовалось еще несколько месяцев для осуществления своего плана захвата северных республиканских областей.

Международный империализм, отбросив всякую маскировку, в избытке снабжал армию Франко всем необходимым для удушения Республики. Причалы Кадиса не успевали принимать пароходы с военными грузами, исчислявшимися миллиардами марок. Что могли поделать герои Республики, вынужденные собирать обломки танков и самолетов, чтобы отлить из них сотню снарядов, что могли поделать эти беззаветные герои против мощной техники мятежников и интервентов?! Камня на камне не осталось от древней столицы басков Герники. Восемьдесят дней сражались баски на подступах к Бильбао в сверхчеловеческих условиях борьбы и, конечно, были задушены. Не могли выдержать бешеного натиска франкистов голодные и безоружные астурийские горняки, на которых сбрасывались тысячи тонн железа и стали. Город Хихон, последний редут Северного республиканского фронта, пал 22 октября 1937 года.

Каким же цинизмом нужно было обладать, чтобы при виде этой жесточайшей расправы сохранять политику «невмешательства»! Впрочем, истинная подоплека этой политики, проводимой реакционными кругами Англии и Франции, была совершенно ясна.

Мы помним, какими недобрыми глазами смотрели республиканские бойцы на зачаставшие в войска и штабы английские и французские военные миссии. Шпионские цели этих миссий ни у кого уже не вызывали сомнения. Английское правительство открыто стало на сторону мятежников, вступив в дипломатические отношения с бургосским правительством, а французское правительство пошло по этому пути еще раньше, когда декларировало закрытие франко-испанской границы. Политика «невмешательства» в дела Испании означала поощрение агрессий фашистских держав — Германии и Италии, невмешательство в черное дело Франко и прямое вмешательство в героическую борьбу испанского народа.

«Наши рабочие, наши крестьяне,— с негодованием говорила Долорес Ибаррури,— весь наш народ должен знать, какова была и есть позиция правительств этих стран. Необходимо, чтобы они знали о преступлении, которого мы никогда не простим виновникам его, когда Ирун пал из-за отсутствия патронов, в то время как в нескольких километрах от Ируна, за испанской границей, стоял эшелон, вагоны которого были наполнены миллионами патронов для ружей наших дружинников. Необходимо, чтобы наш народ знал, кто и почему задержал на французской территории самолеты, отправленные нашим правительством в помощь Бискайе, когда Бискайя страстно просила помочь ей, чтобы не пасть в неравной борьбе. Мы никогда не сможем простить преступлений, совершенных против Испанской Республики!»

Захват республиканского Севера дал в руки франкистам огромные преимущества. Теперь презренный коротышка, как прозвали испанцы генерала Франко, мог перебросить действовавшие здесь силы на другие участки, уже не ощущая угрозы, висевшей до сих пор над его тылом. Мятежники получили в свое распоряжение северные морские порты — Бильбао, Сантандер, Хихон, к которым подходили железные дороги и которые были доступны теперь для кораблей интервентов. К тому же предательство некоторых представителей высшего республиканского военного командования на Севере привело к тому, что из района Бильбао и Сантандер не было эвакуировано военное имущество, и оно попало в руки врага.

В этих невыгоднейших условиях армия республиканцев провела Теруэльскую операцию, предпринятую с целью срыва большого наступления мятежников и интервентов на Мадрид и отвлечения крупных вражеских сил с Гвадалахарского направления. Этот замысел благодаря проявленной франкистами (в который раз!) тактической безграмотности был блестяще выполнен. Но все же и Теруэльская операция в дальнейшем не получила достойного развития. Перегруппировав свои соединения с Гвадалахарского направления под Теруэль и обрушившись на республиканскую оборону во много раз превосходящими силами, противник не только ликвидировал весь успех республиканцев, но в итоге поставил их в невыгодное оперативное положение, получил свободу действий для подготовки крупной операции в Арагоне.

В конце 1937 года истек вторичный срок моего пребывания в сражающейся Испании. И снова передо мной встала дилемма: возвратиться в Советский Союз, покинув своих испанских боевых друзей накануне новых тяжелейших испытаний, или остаться, остаться по долгу, по велению сердца, но заведомо вызвав неудовольствие своих начальников?

Я выбрал второе.

Окончание следует.

Из итальянского блокнота

ВСТРЕЧА С ФОРНАРИНОЙ

Семен ШУРТАКОВ

Есть города, которые могут поразить воображение размахом и продуманностью планировки, могут надолго запомниться красотой архитектурных ансамблей или ошеломить величием памятников старины. Есть города-музеи, вроде знаменитой Помпеи,— ходишь по такому городу и будто читаешь каменную летопись истории.

Флоренция ничем особенным поначалу тебя не поражает и не ошеломляет — обыкновенный средневековый город: узенькие улочки, глухие каменные дворы; тесно, стена к стене понаставленные дома. Дома победней, дома побогаче; одни аскетически строгие, другие украшены башенками, портиками, аркадами.

Но, знакомясь с городом все ближе и ближе, шагая по его улицам и площадям, по набережной Арно, постепенно начинаешь проникаться ощущением поэзии, ощущением высокого, не умирающего в веках искусства. И не потому только, что еще со школьных лет знаешь, что с Флоренцией связана лучшая, наиболее зрелая пора итальянского Возрождения, что в этом прекрасном городе жили и работали великий Рафаэль и гениальный Леонардо, что вот на этой набережной, может, вот на том самом месте, которым ты проходишь, Данте впервые повстречал Беатриче, а по этой реке Микеланджело возил глыбы мрамора, из которого потом высекал свои бессмертные шедевры... Ты пока еще не был в музеях Флоренции и не видел ни этих шедевров, ни многого другого. Ты просто ходишь по городу, дышишь его воздухом и только еще как бы готовишь себя к встрече с великими мастерами. Но встреча эта происходит раньше, чем ты ее ожидал, и потому-то, наверное, впечатляет с особенной силой.

Кончилась узкая улочка, ведущая к центру города; ты выходишь на площадь. Выходишь и останавливаешься, изумленный и очарованный. Нет, тебя изумил и очаровал не фонтан, бьющий посреди площади, и не конный памятник рядом с ним,— мало ли найдется городов, площади которых украшены подобным образом! Ты увидел нечто совсем другое.

Перед величественным и суровым, с крепостными зубцами на стенах дворцом, увенчанным башней, вознесенной на стометровую высоту, стоят два мраморных колосса; на другой стороне площади, в лоджии, под сводами высоких — в трехэтажный дом — и в то же время легких, изящных арок — прекрасный бронзовый юноша. В одной руке он держит меч, а в другой высоко поднял отрубленную тем мечом женскую голову. Рядом с юношей — столь же прекрасные женские фигуры...

И ты потом только сообразишь, вспомнишь, что бронзовый юноша — это же знаменитый «Персей» Челлини! А мраморные атлеты — не менее, а, может, еще более знаменитый «Давид» и «Геракл» Микеланджело... Но это ты припомнишь потом, а в первую минуту будешь просто стоять и глядеть. Глядеть, испытывая непонятное и все более захватывающее тебя душевное волнение, какое испытываешь всегда, глядя на совершеннейшие творения человеческого гения. А еще и то прибавит тебе радости, что эти прекрасные творения не специально, не нарочно демонстрируются на площади, а как-то очень органично вписаны в нее. И в нее и во весь облик старого города, не изменившегося в этой части за последние пять веков. Только «Давид» поначалу покажется поменьше, пониже того, каким ты уже видел его в Москве в Музее изобразительных искусств имени Пушкина. Но это, конечно, не более как обман зрения. Все дело в том, что в Москве «Давид» стоит в зале музея, и как бы ни был велик тот зал, он все же остается залом. Здесь же красавец юноша стоит рядом с громадным и суровым, как крепость, дворцом, и залом служит городская площадь, а крышей этого зала — голубое небо...

Красивая, вся сплошь из старинных домов, улица и опять площадь, а на ней два, тоже старинных, храма.

Храмы прекрасны и сами по себе. Но если ты еще и внутрь войдешь, то, кроме алтарей, распятий Христа и прочих чисто церковных атрибутов, опять увидишь творения великих мастеров. И опять будешь долго глядеть на этот, еще пять веков назад оживший и по сей день не умирающий камень. И опять почувствуешь, что прикоснулся к чему-то великому и совершенному. Совершенному в той самой высокой степени, о которой ты, может быть, до сих пор даже и не знал, а лишь смутно догадывался.

И после всего этого музеи и картинные галереи Флоренции тебе покажутся не чем-то обособленным от города.

Они будут лишь как бы дополнять, дорисовывать его прекрасный и неповторимый облик. В них ты увидишь воплощенными на холсте или в мраморе все ту же высокую поэзию, высокие идеалы человеческой мысли, силы и красоты.

И не такая уж большая беда, наверное, что на многих холстах ты увидишь не флорентийцев тех времен, а рождающуюся из пены морскую Венеру, или бога солнца Аполлона, или прекрасную, как цветок, Флору, увидишь многочисленных мадонн. Великие мастера Возрождения именно потому и были великими, что живописали не просто мифологические или библейские сюжеты, а писали Человека, освобождающегося от мрака средневековья.

Рафаэль задал нелегкую задачу историкам живописи и искусствоведам, оставив слишком мало сведений о своей личной жизни. Знатоки творчества этого художника и по сей день спорят, например, кто послужил прообразом «Женщины под покрывалом», «Сикстинской мадонны» и некоторых других женских портретов: то ли возлюбленная Рафаэля Форнарина, то ли какая другая женщина. Но так ли уж важно это? Гораздо важнее, наверное, другое,— то именно, что произведения, подобные «Сикстинской мадонне», на долгие времена ставшей своеобразным эталоном всего прекрасного, светлого, гармоничного,— такие произведения мог создать лишь художник, кисть которого была вдохновляема великой и возвышенной Любовью. Любовью к женщине. Любовью к Человеку. Любовью ко всему светлому и прекрасному в человеке.

Не в этом ли прежде всего вечное бессмертие и «Сикстинской мадонны», и «Давида», и «Персея»?!.

И, находясь ли здесь, в картинных галереях, гуляя ли по городу, как-то странно и нелепо подумать о том, что в наши дни в некоторых странах, в Италии в том числе, искусством стали называть нечто никому не понятное и не дающее никакой радости, нечто бесчеловечное. Бесчеловечное в том прямом смысле, что оно не только не утверждает и не прославляет живую жизнь, живого человека, а начисто отрицает или до неузнаваемости уродует их.

Художническая кисть заменена пульверизатором, разбрызгивающим краски, или пистолетом, стреляющим в холст цветными пятнами, а резец — автогеном, сваривающим «скульптуры» из железного лома. Неужто человек нашего времени не заслуживает ничего лучшего?! Неужто он не заслуживает быть воплощенным в образах, столь же могучих и прекрасных, какие мы видим в творениях мастеров Возрождения?!.

...Пока ходишь по городу, то видишь его как бы по частям: вот площадь Синьории, а вот капелла Медичи; там видишь башню средневекового дворца, а тут шпиль столь же старинной колокольни. Чтобы увидеть город целиком, в один охват, надо поглядеть на него или с холма Сан-Миньято, что на левом берегу Арно, или с холмов Фьёзоле, которые находятся на некотором удалении от Флоренции.

Мы едем на Фьёзоле.

Улицы — чем дальше они от центра города, тем шире и просторнее. И чем новей район, тем и архитектура его все безличнее, все стандартнее... Но вот город кончился. Дорога запетляла среди густой зелени, среди богатых вилл, живописно утопающих в этой зелени. Впереди видны как бы прячущиеся друг за друга, синежелтоватые по вершинам и дымчато-зеленые у оснований холмы. Похожий пейзаж мы только что видели на полотнах Леонардо да Винчи и Рафаэля.

Накидывая на холмы одну петлю за другой, асфальтированная лента дороги постепенно подбирается к вершине Фьёзоле. Вот мы и у цели. Довольно просторная площадь, окруженная кафе, ресторанами, мелкими лавчонками, торгующими всевозможными сувенирами. От площади — дорожка на вершину холма; она оканчивается небольшим пятачком, с одной стороны обрывающимся в пропасть и потому огражденным каменной стенкой. Хорошо видный отсюда город лежит среди зеленой, цветущей долины, наглядно оправдывая свое красивое название [1]. Плавные его

[1] Флоренция в переводе значит цветущая.

Франческо Мельци. 1493 — около 1570.

ПОРТРЕТ МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЫ. Около 1520.

Доменико Манчини. Работал в 1510—1520 годах.

МУЖСКОЙ ПОРТРЕТ. 1512.

очертания — город застроен в основном трех-четырехэтажными домами — то в одном, то в другом месте словно бы взрываются остроконечными башнями церквей и колоколен, устремленными ввысь. И этот контраст, эти нацеленные в голубое небо башни придают общему спокойно-уравновешенному облику города гордую, несколько торжественную суровость. Особенно сильное впечатление производит громада купола собора Санта Мария дель Фьоре и розовая соборная кампанилла. Они как бы увенчивают город, сообщая его силуэту законченность, которая, наверное, и делает Флоренцию не похожей ни на что другое.

Среди разного люда, любующегося видом города, много молодежи. Мое внимание привлекла парочка: парню, видимо, лет семнадцать-восемнадцать, а девушке и того меньше.

То ли они наглядели уже на город, то ли им вообще интереснее было глядеть не куда-нибудь, а друг на друга, но в отличие от остальных стояли они у стенки спиной к городу и глядели друг на друга, будто и не было там, внизу, никакой Флоренции и вообще поблизости никого не было, а были только они двое, он и она.

Как только я заметил девушку, на память сами собой пришли строчки Блока, написанные им здесь, во Флоренции, может быть, на этих же фьёзольских холмах:

Вот девушка, едва развившись,
Еще не потупляясь, не краснея,
Непостижимо черным взглядом
Смотрит мне навстречу...

А еще мне показалось, что девушку я уже где-то видел — совсем недавно, может быть, вчера, а может, даже и сегодня. Такие лица запоминаются легко: девушка была поразительно красива. Так красива, что хотелось сравнить ее с рафаэлевской мадонной. Но стоило мне вспомнить ту мадонну, как я понял, что нет, эту девушку я не видел ни нынче, ни вчера, что вижу ее впервые. Показалась же она мне знакомой именно потому, что была очень похожа на ту мадонну великого Рафаэля, которую он писал со своей возлюбленной Форнарины. Отличало их разве лишь то, что моложе была эта Форнарина: взгляд ее прекрасных темных глаз по-детски беззаботен, а сочный белозубый рот полуоткрыт.

И парень, глядя в эти глаза, в эти полуоткрытые губы, должно быть, забыл обо всем и, как завороженный, потянулся к девушке и поцеловал ее.

Нет, это не был тот развязный поцелуй, какими теперь вошло в моду обмениваться молодым парочкам на людных площадях и улицах или даже, того лучше, на перекрестках, перед идущим транспортом,— в этом молодые люди почему-то находят особую сладость, особый шик...

Парень был явно не из таких. Но можно его понять. Трудно удержаться, чтобы не поцеловать такую красивую да еще и небезразличную к тебе девушку.

Из разговора, который у нас завязался, я узнал, что девушку по случайному совпадению так и зовут — Форнарина. Она работает на одной из текстильных фабрик Флоренции. Любит музыку, танцы. «А живопись?» — спросили мы. Девушка сказала, что в этом отношении она, наверное, очень несовременна, так как и абстрактную живопись и «модерную» скульптуру понимает плохо, чаще всего совсем не понимает. Говоря это, она развела руками и улыбнулась: не понимаю! А узнав, откуда мы, Форнарина с чисто итальянской живостью воскликнула: «О! Чайковский!..» И добавила, все так же улыбаясь, что музыку Чайковского она и любит и прекрасно понимает.

А я глядел на эту юную Форнарину, словно бы сошедшую с холстов художников Возрождения, и она казалась мне соединившей в своем образе и то время, которое уже минуло давно, и то, которое идет ныне. Я вдруг с особенной ясностью понял, что все виденное мной в картинных галереях Флоренции не просто и не столько великие музейные ценности, сколь живая жизнь, которая продолжается...

И теперь, вспоминая прекрасный город, я нераздельно с ним, как его живое олицетворение вспоминаю милую девушку на холмах Фьёзоле.

А еще, когда я вижу в других городах Европы железных или каменных уродов, выдаваемых за образы человеков, или заляпанные краской холсты, именуемые произведениями искусства, я очень жалею, что рядом с той юной Форнариной на фьёзольских холмах не оказалось тогда ни современного Рафаэля, который смог бы запечатлеть ее на полотне, ни Микеланджело, который бы изваял ее в мраморе. Ведь последующие поколения людей, судя о нашем времени по произведениям искусства, могли бы иметь о нас истинное, а не превратное представление.

На тридцать второй «Биеннале ди Венеция» главными «гвоздями» выставки, как известно, были произведения так называемого «поп-искусства», выполненные способом простого приклеивания реальных предметов — например, стульев, чайников, смятой постели и всякого чердачного хлама — к холсту, обрамленному пятнами и линейными схемами. Был выставлен исковерканный металл, эмалированный гипс, композиции из сукна, растительных волокон, дерева, плексигласа и прочих материалов, вплоть до пишущей машинки и ржавого мотоцикла. Демонстрировались покрытые масляной краской холсты с приделанными к ним лопатами, душевыми шлангами, деталями умывальника, смазочные масла и светящиеся краски...

И все это страшное духовное убожество выдается за «новое слово», новое течение в искусстве! Как бы в насмешку оно названо «поп-искусством», то есть искусством популярным, народным.

Модернисты всех толков и мастей, пытаясь подвести некую теоретическую базу под свое, с позволения сказать, творчество, пытаясь оправдать заумную сложность, а порой и абсолютную непонятность своих «творений», любят говорить о сложности современного человека.

Но кто сказал, что, становясь сложнее, человек становится менее прекрасным?!

И не уродство, а именно красота всегда была, есть и пребудет в веках истинной!

Неумирающее очарование

В 1772 году в Петербург из Франции прибыл драгоценный груз. В семнадцати деревянных ящиках плыли на судне «Ласточка» в российскую столицу картины Рембрандта, Рубенса, Рафаэля, Джорджоне, Тициана... Шедевры великих мастеров закупил для Эрмитажа знаменитый философ Дени Дидро. При распродаже богатейшей коллекции барона Ж.-А. Кроза он выбрал лучшее из лучшего, ее жемчужины.

Среди полотен были замечательные работы и тех мастеров, чьи имена не столь широко известны, как имена Рафаэля и Рембрандта. Сегодня любители искусства, может быть, впервые встретят здесь имя итальянского художника Доменико Манчини. Он был современником Джорджоне и Тициана, его творчество связано с началом XVI века — временем блестящего расцвета венецианской живописи эпохи Возрождения. «Мужской портрет» кисти Д. Манчини из коллекции Ж.-А. Кроза украшает эрмитажные залы по сей день.

Разум, воля и энергия — эти черты характера, излюбленного мастерами Возрождения, мы угадываем в юноше, написанном Манчини. Поза героя, энергичный поворот головы, гордый и умный взгляд раскрывают сдержанность и решительность, силу интеллекта.

Мастера Возрождения увлекались искусством античности. И в картине Д. Манчини немало античных моментов. Торжественно-архитектурные формы напоминают памятники древнеримского зодчества. В нише — статуя Венеры. Радость разумного превосходства человека над природой запечатлена художником в звучной красочной гамме портрета: горят сочные, глубокие винно-красные и золотисто-коричневые тона в одежде юноши и на его смуглом лице. Эти теплые цвета соприкасаются с холодным синим цветом, рождая ощущение бодрости, свежести и силы.

Другая эрмитажная картина — «Коломбина» — пленяет красотой форм прекрасного женского тела, певучестью линий, их ритмическими созвучиями, поэтической грацией.

«Коломбина» написана в начале XVI века — почти в те же годы, что и портрет Д. Манчини. Это эпоха титанов — Леонардо да Винчи, Рафаэля, Микеланджело. Автором картины считают художника Франческо Мельци — последнего ученика Леонардо да Винчи, которого очень любил великий мастер.

«Коломбина» имеет еще одно название — «Флора». Прекрасная женщина изображает богиню цветов и весны. Фоном картины служит грот, из расселин которого свешиваются цветы и растения. Удивительно точно, достоверно изображен каждый стебелек, выписаны листья и чашечки цветов.

Леонардо и его последователи пытливо изучали земной мир, его богатство и разнообразие. Такой «исследовательский» взгляд на мир типичен для искусства Возрождения, открывающего красоту и радость земной жизни.

Эрмитажная «Коломбина» и поныне вызывает большой интерес историков искусства. Спорят об ее авторе, о том, кого конкретно изобразил художник. Как бы ни разрешился этот спор, очарование картины не умрет, оно неизменно: художник постиг гармонию земного бытия человека и своим искусством донес ее до нас.

И. ПРУСС

ПОМОГИТЕ НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Украинскому «Огоньку», как окрестили его читатели, идет 25-й год. В прошлом году он стал еженедельником, в этом — увеличил объем. За последние два года тираж «Украины» увеличился втрое. Около шести тысяч читателей еженедельника — за пределами Украины, а несколько сот — за рубежами родной земли.

Но обратиться с письмом к своему собрату, «Огоньку», побудило не желание рассказать о растущей популярности еженедельника «Украина», а препятствия, стоящие на пути популяризации журнала. В Целинном крае, в Казахстане, в Сибири, на Кубани, на Дальнем Востоке живет и трудится много украинцев, недавно уехавших на освоение целинных земель и на всесоюзные комсомольские стройки.

Тысячи наших земляков выписывают книги, газеты и журналы, которые выходят на Украине. Но многочисленные наши корреспонденты сообщают о трудностях, связанных с подпиской. Наш читатель из Ярославля И. Е. Ксензенко подписался на полгода на журнал «Украина» и неожиданно вместо журналов получил обратно денежный перевод. Работники «Союзпечати» Ярославля мотивируют это тем, что цена журнала повысилась. «Казалось бы,— пишет Ксензенко,— было бы правильным своевременно сообщить, что цена журнала в связи с увеличением объема увеличена и необходимо внести дополнительную разницу — 1 рубль 30 копеек. Но Ярославское агентство решило иначе, лишив меня возможности получать журнал».

Подобных случаев, к сожалению, немало. Вот пишет наш читатель из Ростова-на-Дону И. И. Сосновый. Он подписался на год на еженедельник «Украина» в отделении связи № 36 города Волгограда, указал свой ростовский адрес, прошел месяц, а читатель не получил ни одного из пяти номеров журнала. Авторы других писем жалуются: мы желаем выписать ваш журнал, а в отделениях связи отвечают, что такого журнала нет в каталоге.

Просим Главное управление «Союзпечати» Министерства связи СССР помочь нашим читателям. Кстати, мы неоднократно обращались непосредственно в управление, но никогда не получали ответа с указанием принятых мер.

И еще одно. В Москве есть гостиницы «Киевская» и «Украина». Павильон УССР на Выставке достижений народного хозяйства, украинский книжный магазин на Арбате. Наши земляки из Москвы пишут, что ни по одному из указанных адресов не бывает в розничной продаже журнала «Украина». Такое положение и в розничной торговле «Союзпечати» в Целинном крае, откуда также идут письма.

Наш журнал внесен во всесоюзный каталог подписных изданий. Увеличился спрос на еженедельник. Просим помочь нашим читателям регулярно получать его.

Василь БОЛЬШАК,
главный редактор журнала «Украина»

Музыкальный этаж.

СЛУЖБА ХОРОШЕГО НАСТРОЕНИЯ

Ю. КРИВОНОСОВ

Фото автора.

Чашки в горошек

Девчат было четверо: Алла, Зина и две Любы. Им непременно хотелось взять эти чашки — красные в белый горошек. Но таких чашек на пункте проката не хватило: заказ был слишком велик — пятьдесят чашек, столько же блюдечек и двенадцать кофейников. С магнитофоном дело обстояло проще: он требовался один. В конце концов решили взять другие чашки, тоже симпатичные.

Я заинтересовался, для чего требуется такая уйма посуды, и девушки рассказали, что они из Донецкого техникума общественного питания, их группа устраивает вечер под названием «Огонек-улыбка», на который приглашена группа из другого техникума, и если я пожелаю, могут пригласить и меня. Через три дня я оказался в обществе шумном и веселом, где были песни, танцы, кофе и конфеты, много улыбок и ни капли вина.

Правда, руководительница группы немножко беспокоилась за гостей — ее питомцами были девушки, а приглашенные — сплошь мальчишки из техникума промышленной автоматики. В детально разработанную программу вечера, которую, кстати говоря, вели те же Алла, Зина и две Любы, стихийно вклинивались мальчишечьи номера. Особенно заволновалась руководительница, когда ребята, сгрудившись вокруг гитары, запели о парне, приходящем на свидание «как всегда, немного пьяным», но выяснилось, что пьян он был от любви, и тут уже пол-

Чашек в горошек не хватило.

ностью рассеялись последние остатки тревоги.

Словом, «Огонек» удался на славу, и прокатные чашки и кофейники сделали свое благое дело.

Нужно сказать, что в Донецке прокат понимают значительно шире, чем просто равнодушную выдачу различных вещей, спрос на которые увеличивается к праздникам и спадает в будни.

Есть в городе прокат для самых маленьких: на специально отведенных площадках в распоряжении малышей семьдесят педальных автомобилей, десятки велосипедов и самокатов, различные игры и игрушки. Нравится ли такой прокат ребятишкам, можно не спрашивать: достаточно послушать дружный рев в вечерние часы, когда неумолимые папы и мамы уводят их к таким скучным вещам, как умывание, ужин и сон.

В Доме быта на Макеевском шоссе на третьем этаже мир звуков, доступный каждому, желающему научиться играть для себя. И называется это музыкальный салон. Салон располагает восемнадцатью пианино, десятком баянов и аккордеонов — приходи в отдельный класс и играй за небольшую плату, совершенно не обязательно иметь дома инструмент. Да к тому же здесь с детьми занимаются квалифицированные преподаватели. Сейчас сюда ходят триста семьдесят ребятишек, а горсовет планирует в скором времени открыть еще один такой музыкальный салон.

Чтобы уже закончить рассказ о прокате, передам слова одного человека.

— Прокат—отличная вещь, если его с умом поставить. Мы его в

«Огонек-улыбка».

городе собираемся расширять, и народ к этому делу, конечно, приучим, люди свою пользу всегда увидят. Есть тут у нас еще одна идея. Летом наши горожане ездят отдыхать на Азовское море — благо рядом, немногим более сотни километров, так мы хотим там сезонный пункт проката открыть: все, что для морского отдыха необходимо,— получай! И людям облегчение: лишнего не тащить,— и нам выгодно.

Заведующий добрыми услугами

Зовут этого человека Николай Сейфетдинович Фехардинов. Нормального человеческого быта он за всю свою жизнь не имел, потому что был он воином, воевать начал еще на Хасане, а продолжал везде, где приходилось драться советским летчикам.

Ушел командир авиаполка на пенсию, да не на покой. Стал он, человек всю жизнь не имевший нормального быта, печься о быте тысяч незнакомых ему людей.

Николай Сейфетдинович заведует Бюро добрых услуг, большим и многосторонним, призванным семнадцатью различными путями облегчать жизнь людям. Иными словами, оно оказывает семнадцать видов услуг. Вам могут прислать няню: присмотреть за ребенком или больным,— электрика: починить проводку,— уборщицу: прибрать в квартире... Бюро предоставляет в распоряжение автолюбителей несколько охраняемых стоянок и, кроме того, одну оперативную — у стадиона «Шахтер»: на время спортивных соревнований здесь скапливается до шестисот машин, и, как уверяют, по количеству автомобилей можно определить, интересная ли будет встреча, и даже предугадать результат матча. Естественно, больше всего загружена стоянка в дни выступлений команды «Шахтер»!

В Бюро обращаются люди из дальних мест, просят купить и вручить от их имени подарки своим друзьям и родственникам. В тот день, когда я зашел в Бюро, прибыли переводы из Риги и Челябинска, и Николай Сейфетдинович тут же прикинул, от кого и кому подарок, и что бы мог один человек подарить другому, ведь купить что попало — проще пареной репы и чистый формализм.

И вообще, как мне удалось узнать, бывший летчик — человек дотошный и напористый. Высмотрел площадку возле планетария, вполне удобную для установки детских аттракционов, съездил в Ростов, посмотрел, как они это у себя устроили, и заодно уточнил в Ейске, на заводе парковых аттракционов, все насчет заказа. Сейчас «пробивает» этот вопрос у городского начальства.

Жаль только, что не всегда бывает достаточно одной напористости. Дважды обещал горсовет дать для Бюро новое помещение, да оба раза забирали под фотографию и парикмахерскую — заведения, впрочем, тоже нужные. Так и ютится Бюро в тесном и неприветливом помещении, в стороне от главной улицы. А ему бы быть в самом центре: такое уж это учреждение!

Но вообще-то бытовикам на городские власти сердиться грех: площадью не обижают. Недавно вступило в строй несколько домов быта — это красивые двух- и трехэтажные здания, ослепляющие ярким блеском своих стеклянных фасадов, удобные, современные.

Некоторые из них еще пахнут краской. Отдаются под павильоны бытового обслуживания первые этажи новых домов. И дома быта и павильоны — это комплексы мастерских и ателье, которые дали возможность поломать извечные строения возле базаров — синие фанерные памятники ушедшей эпохи «кустаризма». Постепенно ликвидируются мелкие мастерские — дело ставится на промышленную основу. Вот часовщики — их теперь собрали в единый цех,— под одной крышей шестьдесят семь добрых колдунов, призванных следить, чтобы время на земле текло с положенной ему точностью. Остались в городе только несколько приемных пунктов, где могут на ходу поправить стрелки или еще какую-нибудь мелочь сделать, а серьезный ремонт — в цех. Мастера, конечно, довольны: светло, удобно и сподручно все в новых зданиях, только работай. И стараются люди.

Медная пуговица и железные гвозди

Только за последние три года в Донецке открыто сто тридцать мастерских, и в этом году к ним прибавится еще с полсотни.

Фотоателье «Любитель» развернуло консультационный пункт и обработку материалов энтузиастов фотографии. И уже есть задумка создать на этой основе городской кинофотоклуб.

Врачебно-косметический кабинет всерьез взялся за задачу сделать жителей города поголовно красивыми, и недалек тот день, когда на окраинах, по существу, новых районов, откроются еще 2—3 таких же кабинета.

Создано Бюро гражданских обрядов—организация, обслуживающая свадьбы, дни рождений, проводы в армию.

Но все ли так хорошо?

В павильоне быта Петровского района мне показали большущий, светлый, но пустой цех ремонта крупных электробытовых приборов: холодильников, стиральных машин, пылесосов и прочего. Станков нет, инструмента нет, транспорта нет, телефона нет. На чем привезти и отвезти, например, холодильник? Как справиться людям, готов ли их заказ? И чем, собственно, выполнять этот заказ?

Помещения дает горсовет, оборудует их и снабжает областное управление бытового обслуживания. Первый делает свое дело исправно, второе — не всегда.

В одной мастерской ремонта обуви я увидел, как сапожники, чертыхаясь, откусывают клещами половину гвоздей — вместо пятнадцатимиллиметровых им дают тридцати. Деревянными гвоздями почти не пользуются: их нет да и колодок для обуви новых моделей тоже нет, никто не следит, чтобы поспевать за модой. А деревянный гвоздь в сапожном деле — штука весьма полезная, что доказано многовековой историей.

В том же Петровском районе в окружении терриконов стоит ателье индивидуального пошива. Создано оно сравнительно недавно, а уже ему тесно — восемьдесят мастеров работают тут буквально «плечо к плечу»,— спрос велик, от заказчиков отбою нет: здорово шьют петровцы. Выезжают на шахты принимать заказы и сдавать готовую продукцию. Шьют с одной примерки, и клиенты довольны: быстро и хорошо.

Есть при ателье салон полуфабрикатов — рациональное, прогрессивное начинание. А народ из полуфабрикатов шить не хочет. Консерватизм? Нет! Просто брак поставляют под видом полуфабрикатов.

Да и в ателье люди приходят большей частью со своим материалом, сами же ателье снабжаются плохо. Есть такая организация — Укркоопектсильторг, это она и старается: что получше — в магазин, что залежалось — в ателье.

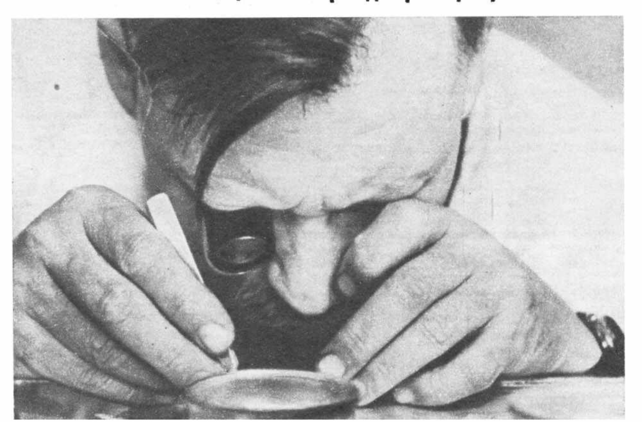
Заведующий ателье Наум Ильич Гутин с горечью рассказывал об этих всех бедах, а в заключение протянул на ладошке сияющую медную пуговицу с начисто отвалившейся державкой:

— Видите, даже пуговиц хороших прислать не могут. Стыдно перед людьми: сдавали готовое пальто, примерил человек, стал пуговицу застегивать, а она отвалилась с треском! Позор! А ведь от пуговицы тоже зависит хорошее настроение. Не правда ли?

Тринадцать тысяч кинескопов в год восстанавливают в цехе телеателье № 1. Проблема самой дефицитной детали телевизора для Донецкой области решена.

Виктор Митрофанович Гаквенко — один из шестидесяти семи часовщиков Бюро добрых услуг.

ПРАВДА КРЫЛАТА

Недавно я видел захватывающие кадры фронтовой кинохроники. Горстка наших солдат, защищая безымянную высоту, не дрогнула под нарастающим огнем. Кинооператор почти в упор снимал атакующих гитлеровцев и выстоявших защитников высоты. И невольно рождалось чувство преклонения перед отвагой советских людей в боевых гимнастерках и перед храбрым человеком с кинокамерой в руках.

Подобное же чувство я испытал, читая книгу Всеволода Кочетова. Беспощадная правда — вот одно из главных достоинств этих повестей, рассказов, очерков. Все, о чем в них говорится, не только увидено воочию, но и прошло сквозь сердце будущего писателя, тогда фронтового журналиста.

Правда правде рознь. Можно, запутавшись в нагромождении натуралистических подробностей, искренне уверять: «Это же правда!» А можно за внешней сдержанностью увидеть золотые души людей. Настоящая правда крылата.

И ленинградцы — ополченцы дивизии полковника Лукомцева, вчерашние рабочие, инженеры, геологи, люди других, сугубо мирных профессий — все это живые люди. Непоказной патриотизм вошел в их плоть и кровь. Такие люди не могли не выстоять.

Фронт и тыл в книге настолько неразрывны, как это могло быть в осажденном Ленинграде. В. Кочетову удалось правдиво передать неповторимую атмосферу ленинградской эпопеи с ее нечеловеческими трудностями и невиданным массовым героизмом.

Поэтичен образ весеннего грома орудий (рассказ «Гром в апреле»), которые били по фашистской артиллерии для того, чтобы спокойно мог заседать пленум райкома, посвященный восстановлению родных заводов. Запоминается романтическая концовка рассказа: «...Все, не сговариваясь, поднялись с мест, и в звоне стекол, в грозовых раскатах возник «Интернационал». С особым чувством люди пели о великом громе, который в эти минуты там, за линией недалекого фронта, рвал в клочья небо над сворой пришлых псов и палачей».

Романтика в произведениях Всеволода Кочетова органично сплавлена с суровым реализмом. Он не боится нелегких испытаний, а порой и беспощадного дыхания близкой смерти. Но настоящий коммунист, по метким словам Дмитрия Фурманова, и умирать должен агитационно. Герои «Годов фронтовых» верят в будущее, живут им и, если надо, гибнут во имя его.

В очерке, завершающем книгу Кочетова, рассказывается о цене шестидесяти журналистских строк. Журналист простудился, ползая по болотам, а его репортаж был вытеснен более важным материалом. Казалось бы, бессмысленный труд? Нет! «...Когда поправлюсь, снова будет какое-нибудь срочное журналистское задание, и снова отправишься куда угодно — за шестидесятью, за тридцатью очередными строками, и, снова, может быть, они полетят в корзинку. А все-таки необыкновенно интересно ходить за ними».

Не будь этих 60—30 строк, возможно, не было бы потом и повестей и романов.

Владимир ФЕДОРОВ

Всеволод Кочетов. Годы фронтовые. Повести, рассказы, очерки. Воениздат. 1964.

В МИРЕ ЧЕСТНЫХ ЧУВСТВ

Читатель хорошо знает Сергея Васильева как поэта-лирика. Знает он его и как поэта-публициста, выступавшего не раз на страницах «Правды». И, наконец, хорошо известен он остроумными пародиями на собратьев по перу. Едва ли есть жанр, в котором он себя не только не пробовал, но и утвердил. Его книга «Поэмы» — дополнительное тому свидетельство.

Поэмы С. Васильева прежде всего отличает интересный и значительный замысел. Каждая из них — это страница, а порой и несколько страниц жизни нашей страны. Они читаются глазами героев поэм — мудрой русской женщины Анны Денисовны, именем которой названа поэма, открывающая книгу; озорного Ваньки Выдры, беспризорника и сорвиголовы; человека железной выдержки и целенаправленности, партизана гражданской войны Александра Черенка. Поэта ведет пытливая заинтересованность в жизненном пути своих героев.

Поэмы его населены яркими, интересными и чаще всего добрыми людьми. Но миру хороших и честных чувств у него неизменно противостоит другой — враждебный и отживающий. В противоборстве этих двух начал, в трудном утверждении нового строя мыслей и стремлений развивается обычно конфликт поэмы. Для всей книги, если брать ее в целом, характерен чрезвычайно широкий охват событий. Интересен в этом отношении «Портрет партизана» — цикл поэм о пути в революцию «человека из низов».

Каждая поэма заключает в себе свой образный мир, свой язык, свою речевую стихию. Вы не спутаете классически строгий стих «Первого в мире» — поэмы об Александре Можайском — с озорными ритмами «Выдры»; дерзко введен в музыкальный ключ мотив блатной песенки:

Жил да был на свете Ванька Выдра.
Кличку эту сам себе он выбрал.
Был на вид он неказистым,
Но зато по части свиста
Мастером немалым Выдра был.

Мягкая лирика «Девушки в красном» соседствует с терпким юмором солдатского сказа «Чей огонь жарче горит?», философский «Рассказ о разрушенной поэме» — с накаленной публицистикой военных лет. В этой книге С. Васильев выступает как мастер эпической формы.

Сергей НАРОВЧАТОВ

ГЕРОИ ПОВЕСТИ — СПОРТСМЕНЫ

Мне хочется порадоваться вместе с читателем этой только что появившейся в книжных магазинах повести[1]. Может быть, потому, что многие годы своей жизни я отдал спорту, а позже воспитанию нашей физкультурной молодежи, а может быть, потому, что довелось мне воевать в фашистском тылу и многое пережить, подобно одному из героев книги. Так или иначе, но она мне понравилась. И читается она легко, с интересом.

Перед читателем раскрывается мир журналистики и спорта. Что автор со знанием дела рассказал о первом, естественно — он писатель, но он сумел достоверно и убедительно рассказать и о втором.

Спорт, занимающий основное место в книге, показан точно — без прикрас и без преувеличений, без послаблений и «заигрывания», как это частенько еще встречается в книгах на эту тему. Но что особенно ценно, это то, что не спорт занимает главное место в жизни героев повести. Они живые, увлеченные молодые люди, влюбленные не только в спорт, но и в свои профессии, в жизнь.

И то, что А. Кулешов рассказал так достоверно о тренере Лугового Ростовском, о тяжелой его судьбе, о его высоком патриотизме и гуманизме, показав, какой ценой досталась советскому народу победа, делает повесть вдвойне достоверной.

Война унесла многих наших замечательных спортсменов, в том числе моего друга и боевого товарища Григория Пыльнова, которого нетрудно узнать в повести под именем Гриши Пылина. Все мы, спортсмены старшего поколения, стремились быть чемпионами и рекордсменами, а когда настал час, мы, не колеблясь, сложили борцовки или туфли с шипами и ушли защищать Родину.

Вот этой теме и посвящена повесть Александра Кулешова. В том и состоит главная победа Александра Лугового — победа над самим собой, что пусть не сразу, пусть в мучительной борьбе, пусть не один, а с помощью многих друзей он понял: спортом занимаются не ради чемпионских титулов. Им занимаются для того, чтобы быть сильным и смелым, служить своему народу.

Автор повести касается в ней многих вопросов — спортивной честности, журналистской этики, любви и дружбы. Не буду пересказывать повесть читателям — они сами сумеют оценить ее.

Алексей КАТУЛИН,
заслуженный мастер спорта,
заслуженный тренер СССР

[1] А. Кулешов. Победил Александр Луговой. Издательство «Физкультура и спорт». Москва. 1964.

«ВОСПОМИНАНИЕМ ЖИВЕТ ДУША МОЯ...»

Время пребывания А. С. Пушкина в Михайловском (1824—1826 гг.), носившее официальный характер ссылки, скрашивалось для него знакомством с семьей П. А. Осиповой — владелицы Тригорского, имевшей от первого брака с Н. И. Вульфом сына Алексея и дочерей Анну и Евпраксию. Это общество молодежи, щедрой на выдумки, доставляло поэту немало приятных минут.

Дочь Осиповой от второго брака впоследствии вспоминала: «Все сестры мои были в то время невестами, и из них особенно хороша была Евпраксия».

Молодая красавица отвергала все ухаживания и рвала посвященные ей стихи. Все, кроме стихов Пушкина, к которому она была неравнодушна.

Евпраксия была душой тригорского общества, первой выдумщицей, играла главные роли в домашних постановках опер Россини и мастерски варила жженку. Поэт Н. Языков так вспоминал об этом: «Как хорошо тогда мы жили! Какой огонь нам в душу лили стаканы жженки ромовой!»

«Евгений Онегин» был закончен, издан, обрел славу, и вместе с ним обрела вторую жизнь его героиня Ольга Ларина. В этой героине, как полагали некоторые биографы поэта, воплотились черты Евпраксии Вульф. Этим же объясняют надпись Пушкина на подаренных Евпраксии четвертой и пятой главах «Онегина»: «Твоя от твоих»,— что должно было выражать связь ее личности с образом Ольги Лариной.

Пушкин всегда вспоминал своих тригорских друзей и посвятил им в «Путешествии Онегина» такие строки: «Везде, везде в душе моей благословлю моих друзей. Нет, нет! нигде не позабуду их милых, ласковых речей...»

«Воздушной Евпраксии», как называл он младшую сестру, поэт подарил на память медальон в виде книжечки с изумрудом на обложке. В книжечку он вложил записку на французском языке, а на обратной стороне обложки сделал надпись: «Воспоминанием живет душа моя».

В 1831 году Пушкин женился на Гончаровой, а Е. Н. Вульф вышла замуж за барона Б. А. Вревского. В поздравлении к свадьбе Пушкин пожелал ей «всего доступного на земле счастья, которого столь достойно такое благородное и нежное существо».

В последний раз Е. Н. Вревская встретилась с Пушкиным накануне его дуэли с Дантесом, за обедом у брата ее мужа.

А какова судьба медальона? В одной из эстонских газет была напечатана заметка о нем в связи со столетием смерти Пушкина. С тех пор о медальоне ничего не было известно. Долгие поиски привели меня в Тарту, Эстонской ССР. И тут я узнал, что медальон от семьи Вревских перешел впоследствии в семью Подчекаевых, а записка — в Пушкинский дом Академии наук. Мне посчастливилось держать в руках позолоченную книжечку, на переплете которой сияет драгоценный камень и горят пушкинские слова: «Воспоминанием живет душа моя».

Жительница Тарту Елена Викторовна Подчекаева любезно предоставила мне возможность сфотографировать эту реликвию.

Борис СМИРЕНСКИЙ

Евг. ПОПОВКИН

Почетный гражданин

Почетный гражданин города Симферополя Герой Социалистического Труда Н. А. Симоненко.
Фото Н. Козловского.

«...Бывает так, что на горизонте мелькнут журавли, слабый ветер донесет их жалобно-восторженный крик, а через минуту, с какой жадностью ни вглядывайся в синюю даль, не увидишь ни точки, не услышишь ни звука — так точно люди с их лицами и речами мелькают в жизни и утопают в нашем прошлом, не оставляя ничего больше, кроме ничтожных следов памяти».

Грустные чеховские строки эти вспомнились, как только я сел за стол, чтобы написать о человеке, с которым встретился осенью прошлого года. Правда, все было не так, как писал Чехов. Совсем по-иному. Глубокий след оставил в душе этот человек. Немного мы с ним виделись, и времени прошло уже достаточно, а не забываются и черты его лица, и добрая улыбка, и умная, неторопливая речь, и подкупающая скромность, и в то же время разительная сила его обаяния.

Недавно ему присвоили звание почетного гражданина Симферополя. Заслуги Николая Афанасьевича Симоненко отмечались до этого и коллективом, в котором он трудится, и государством. Три правительственные награды Николай Афанасьевич получил за мужество и героизм на фронтах Отечественной войны. Трудовые подвиги его отмечены в 1953 году орденом Ленина. Ему присвоено звание почетного железнодорожника. В 1959 году вручена Золотая Звезда Героя Социалистического Труда. Был Николай Афанасьевич делегатом XXII съезда партии. Участвовал во Всесоюзном совещании железнодорожников в Кремле, где его избрали в президиум совещания.

И вот Николая Афанасьевича Симоненко увенчали алой лентой почетного гражданина Симферополя.

Почетный гражданин! Кто достоин этого звания?

...Человек, внесший наибольшую лепту в созидательный труд. Тот, кто уже сегодня живет и работает по-коммунистически. У кого никогда слова не расходятся с делом. Для кого интересы коллектива, Родины ближе, чем его личные заботы. Человек, на которого может равняться молодежь.

Почетный гражданин!.. Старожилы Симферополя помнят, как в дореволюционные годы толстосумы и чиновники казенных учреждений с усердием домогались у городской управы причисления к сословию, как тогда говорилось, почетных граждан. Совсем иные требования предъявлялись тогда к людям, носившим этот титул.

В пожелтевших от времени комплектах дореволюционных крымских газет и журналов то и дело встречаются имена знатных обывателей Симферополя.

Стремление заполучить соблазнительное звание «почетного» побуждалось не только и не столько честолюбием. Еще со времен Екатерины II «именитые граждане» специальной «жалованной грамотой», а позже и царским манифестом 1827 года ставились над остальными обывателями. Читаем справку: «Они были свободны от телесного наказания, им дозволялось иметь сады, загородные дворы, ездить в карете парою и четвернею; не запрещалось заводить фабрики и заводы, всякие морские и речные суда».

Мы вспоминаем с почетным гражданином города Николаем Афанасьевичем Симоненко все эти суетные, канувшие в небытие дела спесивых воротил старорежимной Руси, и он с чуть приметной усмешкой разводит руками:

— Ни фабрик не заимел, ни карет...

У Николая Афанасьевича — пассажирское вагонное депо. Оно одно из лучших, если не самое лучшее, в великой советской железнодорожной державе. В этом немалая заслуга его начальника Николая Афанасьевича Симоненко. Впрочем, заслуга — это само собой. Заслуга — следствие. А причина — талант руководителя, связанного с народом не по долгу службы, а всей судьбой своей.

...Николаю Симоненко шел одиннадцатый год, когда до Синельникова, где он родился, поселка металлистов, железнодорожников, паровозных и вагонных мастерских, докатилась весть о свержении царя. Октябрьская революция открыла перед пареньком широкую дорогу. Но не такой уж легкой она оказалась. У отца, Афанасия Карповича, вокзального носильщика, кроме будущего почетного гражданина, было еще пятеро — обычных, требовавших и внимания и денег немалых. Не пришлось Николаю думать об учебе. Надо было и прокормить себя и на рубашонку, на штаны заработать. Начал он свою трудовую жизнь батраком. Нанялся на хутор к кулаку Кущевскому. По имени братьев-куркулей и хутор назывался Кущевский.

Мог бы еще не окрепший паренек и сломиться и не выбраться от злыдней, но ничего, выдюжил.

— Пахал, сеял, косил. Кизяки за скотиной убирал. Всякую тварь годувал. И вшей прохарчия немало... Что вспоминать?..

Да, так было. Простых и легких дорог в жизни нет. И не согласился бы Симоненко на легкую. Не тот характер. А трудные, они чреваты всякой неожиданностью, и риском, и разными другими событиями, в которых смерть не такая уж редкая гостья.

Случайно, как это бывает на фронте, уцелел он под Ленинградом. Дело было ночью, в сентябре сорок второго. Гитлеровцы взяли в клещи клочок родной русской земли, на котором сражалась горстка советских воинов. Старшину Николая Симоненко вражеская мина ранила в голову и в руку. Друзья изловчились, вынесли его из окружения к своим.

Военный госпиталь в городе Сокол, близ Вологды. Кое-как подлечившись, Симоненко снова на фронте. Он железнодорожник. В те военные годы железнодорожникам было нисколько не легче, а подчас намного тяжелей, чем солдатам в окопах.

— Так уж сложилось,— говорил мне Николай Афанасьевич.— Вся наша семья накрепко связана с железной дорогой... Старший брат, Матвей, работал помощником машиниста, сейчас на пенсии. Другой брат, Савелий,— кочегар на паровозе. Еще один, Александр, осмотрщик вагонов. Об отце говорил уже: носильщик, грузчик... Вот и Сережка, наверное, будет потомственным железнодорожником...

Последние слова были адресованы трехлетнему внучонку Николая Афанасьевича, безропотному и молчаливому участнику нашей беседы. Будущий железнодорожник сперва добросовестно позевывал, затем поклевал носом и, презрев свои житейские блага — обещанное дедушкой мороженое, иллюстрированный журнал и цветные открытки с видами Крыма,— сладко уснул.

Маленький Сережа оказался рядом не случайно. У деда заканчивался отпуск, видеть внука придется редко, а Сережа, как легко было заметить,— любимчик.

О своей семье Николай Афанасьевич говорит охотно и с гор-

достью. Сначала мне показалось это странным, потому что Симоненко — человек скромный и хвалиться своими заслугами не станет. Но потом я понял и эту гордость и желание распространиться о делах семейных, потому что не такие уж это семейные дела, скорее социальные. Короче говоря, наши общие дела и общие завоевания. Николаю Афанасьевичу с неимоверным трудом удалось закончить в Запорожье десять классов, а потом всего один курс техникума. Родных сестер Николая Афанасьевича, Варвару и Анастасию, отец из-за скудных заработков учить по-настоящему не сумел, так они и прожили домохозяйками.

А вот дочери Николая Афанасьевича — другое поколение, другая судьба. Дочерей три. Они закончили среднюю школу, получили высшее образование. Александра работает начальником планового отдела в одном из крымских учреждений; избрали ее секретарем парторганизации. Другая дочь, Дина, заведует учебной частью школы, принята в кандидаты партии. Тамара после окончания Крымского медицинского института — врач железнодорожной лечебницы.

— Три дочки, три зятя, три внука да дед с бабушкой. Целая бригада! — молодо смеется Николай Афанасьевич.— По праздникам и выходным дням, конечно, за одним столом собираемся... Тут есть о чем поговорить.

Сорок первый год работает на железнодорожном транспорте Николай Афанасьевич Симоненко. Сколько трудностей, испытаний было! Перенес да еще крепче стал. На подходе к шестидесяти годам не растерял ни душевного богатства, ни жизненной энергии, ни страстной увлеченности делом. И когда ему предложили оставить уже налаженное, передовое депо и взяться в Симферополе за новое, он коротко ответил:

— Что ж, надо, так надо...

В конце пятьдесят третьего года Николай Афанасьевич принял дела, а в апреле следующего года депо вступило в строй.

Собственно, «принял дела» звучит чересчур солидно.

— Не было даже телеги, а о кранах или о каких других механизмах только подумывали.

Сейчас Симферопольское вагонное депо получило знамя горкома партии на вечное хранение. В 1960 году присвоили рабочему коллективу звание предприятия коммунистического труда.

Приезжали сюда посмотреть, поучиться многие железнодорожники. Были из Франции, Германии, других зарубежных стран. Многим даже не сразу верилось, что можно в такой короткий срок сделать то, что представало их взору.

Деповский коллектив еще в конце 1963 года достиг того уровня, который был запланирован на конец семилетки.

Я спрашивал Николая Афанасьевича, как все же стало депо передовым. Он пожимал плечами.

— Работали. Ничего такого выдающегося. Будни. Разве все до мелочей вспомнишь?..

Тогда-то и пришли на память грустные чеховские строки. Были и есть такие люди, о которых говорит писатель. Но есть и другие. И мимолетная встреча с ними надолго врезается в память. Быть может, навсегда. Люди помнят об их делах, наверное, лучше, чем они сами.

Человек и время

Это были очень старые часы. Такие старые, что даже самые старые жители Тарту помнят их всё на том же месте — на башне Тартуской ратуши. 180 лет! А часы ходят, да еще так точно, что в эпоху современных электрических часов продолжают хранить приоритет в указании времени. Правда, не все и знают, какая механика прячется в башенной камере за циферблатом...

Не знал этого и Петер Тиллеман до тех пор, пока в начале века из Кёльна не привезли новый часовой механизм, а старый выбросили в ратушный чулан. Тиллеман был еще мальчишкой тогда и только учился часовому ремеслу. Посмотрев механизм в чулане, он даже разочаровался вначале. Подумать только! Стрелки, которые как бы передвигала невидимая рука самого Времени, оказывается, приводились в движение колесами из обыкновенного дерева! Но тут же он и понял, как это было удивительно, какая точность и влюбленность в работу нужна была для того, чтобы вырезать из дерева тысячи зубчиков, заставляющих работать механизм.

Мастера установили новые часы, но колокола решено было оставить. Их голос, гулкий и сочный, умел будить не только жителей маленького городка, но и далекое эхо. Петер Тиллеман привык к звону часов. Он часто прислушивался: ага, сейчас... И вот разливаются по городу четыре мелодичных удара, означавших начало нового часа. А удары тоном пониже сообщают, сколько прошло этих часов с начала суток.

Когда меняли механизм, Тиллеман стоял у ратуши и смотрел, как прилаживали друг к другу зубчатые колеса — от крохотного колесика до огромного «главного колеса», как укрепляли ударные молоточки. Потом мастера сложили свои инструменты, и старший из них торжественно сказал: «На счастье!» Он завел часы, поставил стрелки на место, и с башни зазвучало спокойное, точное и вечное: тик-так, тик-так...

Кажется, именно с этого момента жизнь Петера Тиллемана оказалась навсегда связанной с ратушными часами. Правда, в ту пору он был еще очень молод, и не сразу ему доверили сложный механизм. Но и этот день наступил, и вот уже пятьдесят лет он холит и лелеет ратушные часы, которые по сей день ходят с точностью необыкновенной.

Часы эти видели, как менялось время, менялись люди. Было в жизни Петера Тиллемана и такое. В один июньский день 1940 года при большом скоплении народа на ратушной площади, при полыхании красных рабочих знамен он передвинул стрелки на час вперед, и, благо никто не слышал, сказал вслух: «Ну-ка, поживите теперь по новому времени!».

Часы пробили торжественно и звучно новое время, а внизу шумел и аплодировал народ.

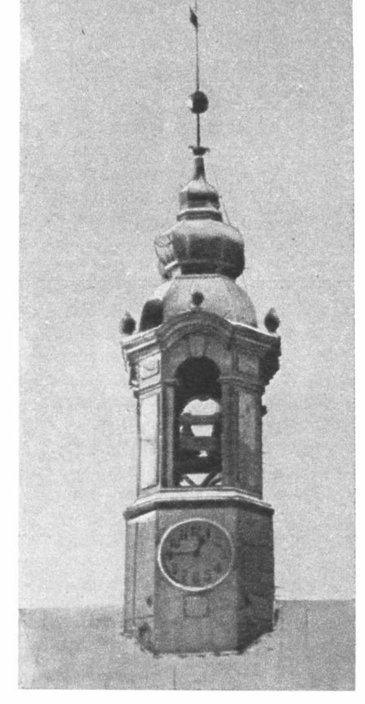
...Городок ремесленников и кустарей, городок студентов — бурши из буржуазных семей, стал городом промышленности, науки и культуры.

Петер Тиллеман состарился и ушел на пенсию. Теперь, если погода хорошая и не ломят кости, он любит подняться на холм Тоомемяги и мимоходом взглянуть на часы. Мимо бежит молодежь в университет, в сельскохозяйственную академию, и каждый поглядывает на его старые часы. Свидания, между прочим, как и в старину, нынче назначаются тоже тут, под ратушными часами...

Хороший глаз должен наблюдать за часами. В один прекрасный день Тиллеман повел на башню молодого человека, к которому долго присматривался. Он нашел, что парень сведущ в механизмах и ему можно поручить судьбу часов. Петер Тиллеман рассказал ему историю часов и научил обращаться с каждым колесиком. Парень этот — Геннадий Поом — работает шофером в Тартуском горисполкоме, а горисполком как раз и помещается в старой Тартуской ратуше. Каждое утро, прибыв на работу, Геннадий взглядывает на башню — конечно, там все в порядке. Но так должно быть еще очень много лет, и Геннадий по всем правилам тиллемановского искусства несет службу тартуского времени.

Андрес ПЛООМПУУ

Фото Виктора Сальмре.

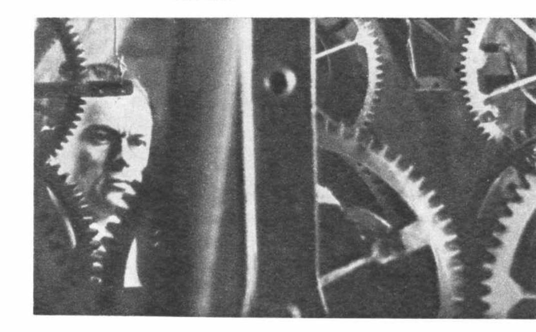

Часы на ратуше.

50 лет Петер Тиллеман отслужил часам.

Теперь стал к часам Геннадий Поом.

КАЛЕНДАРЬ ИСКУССТВА

Вы хотите узнать о русском скульпторе Ф. И. Шубине? Со дня его рождения исполняется 225 лет в мае этого года. В этом же месяце будет праздноваться шестидесятилетие Михаила Александровича Шолохова и отмечаться 325-летняя дата великого фламандского живописца Питера Пауля Рубенса.

Из календаря на 1965 год — «В мире прекрасного»,— который выпущен издательством политической литературы, вы узнаете о Пабло Пикассо и японском художнике Кацусике Хокусае, в этом календаре вы найдете интересные сведения о новом быте, о современной эстетике, о вавельских гобеленах, прочитаете слова Гете и Листа о Паганини, увидите ноты вальса Александра Сергеевича Грибоедова — ведь он был хорошим музыкантом. И, пожалуй, одно из самых больших достоинств календаря — это иллюстративная часть; на каждом листе с одной стороны репродукция, с другой — текст: короткие статьи, литературные зарисовки, рассказы о живописи, скульптуре, архитектуре, музыке, театре и кино. Прекрасная живопись, произведения графики, скульптуры, кадры из кинофильмов украшают календарь.

И можно только пожалеть, что тираж календаря всего 225 тысяч экземпляров. А ведь он может заинтересовать каждую семью.

Н. ВОЛКОВА

НА КАБАНА С МЕШКОМ

Лев ШЕРСТЕННИКОВ

В самом деле, на кабана идут с мешком и веревочкой. Неводом, точнее длиннющей сеткой, ловят зайцев. Выходят в горы вязать снежных барсов. Или светом приманивают лягушек. На лошадях возят по горам козлов, а то и вовсе на своих плечах носят. Сооружениями, очень напоминающими мышеловки, ловят кошек — камышовых, рысей и других представителей этого племени. А при встрече с тигром меняют ружье на рогатину, чтобы не попортить красавцу шкуры. Жалуются, что редко найдешь в пустыне ядовитейших кобру или гюрзу, встреча с которыми, вообще говоря, может оказаться последней.

Чудаков этих зовут звероловами. Кого они ловят, перечислять длинно. Из всех представителей рычащих, блеющих, летающих и пресмыкающихся, которых мы видим в зоопарках, добрая половина животных родилась на воле. Их поймали эти люди.

И еще. Лоси в Подмосковье, зубры и бобры в Белоруссии, некоторые виды копытных... От человека они видели много худого. Столько, что были обречены на вымирание. Человек торопится исправить последствия своей былой недальновидности.

Снимки, помещаемые на цветной вкладке, сделаны у фрунзенских звероловов, у которых я побывал в январе.

* * *

— Собака, она каждая по своей линии. Вот Бельчик — то искач. Он всегда первым свинью учует. Только ветерком накинуло — она! — Митя приподнимается на кошме с незагашенной самокруткой в руке, застывает, принюхивается, изображая Бельчика. — Увидел кабана — тяф. Голос подал — все, ждет подмоги... А вот Тарзан — уже брач. Первым ни за что не учует, зато услышит голос Бельчика — ага, там! — уши во так, аж повизгивает и — туда. Догонит кабана и в ухо его вцепится. Тут и Бельчик идет на подмогу и другие начинают рвать.

По избе разливается чуть теплящийся свет «летучей мыши», заправленной соляркой. От этого света загорелые лица кажутся еще темней, а позы звероловов напоминают неясную репродукцию с перовских «Охотников». Тепло и ужин после морозного дня разморили. Но еще не дремлется, и самое время посумерничать под попыхивание цигарок. До утра, до свету времени много, часов двенадцать. Успевается и дневные дела подытожить и завтрашний поиск кабана оговорить, но больше разговор о собаках. Как поведут псы, еще не видавшие охоты? Да не отвыкли ли старики — главари своры и надежда охотников? Да и кабан не подведет ли, не ушел ли в пески, где его хоть брать и нетрудно, да не скоро сыщешь. Следа не видно, потому что снег лег редкими плешинками, да и те расходятся под припеком солнца.

В избе нас пятеро. Алексей Звягинцев, самый опытный и самый нешумный, — бригадир. Голубев Александр — охотовед, а потому даже главнее бригадира. Но это на тот случай, если где нужно показывать документы или решать хозяйственные вопросы. Дмитрий Иляхин, а проще Митька, тоже из местных, охотник. Вообще-то он работает в лесничестве, но большую тягу имеет к охоте и ловле. Вот и пристал к ловцам. Самый молодой по возрасту и по опыту Виктор Крамарев, в прошлом шахтер, слесарь, солдат. Дальше уже я. Но я не в счет.

Когда заканчивает говорить один, рассказчиком незаметно становится следующий.

— А было это году в пятидесятом, вскоре после войны. Тем, кто здесь жил, — просто горе: выйдут кур покормить, а фазаны все и сожрут. Вот не поверите, на двор залетали. — Голубев говорит, что рубит. Привирает, наверное, по-охотницкому. Но Алексей согласно кивает.

— Бывало, идешь — шух, шух, шух — захлопали крыльями, да жирр-рные. Пять-шесть штук, а то и все восемь. Что же, потому что! — добавляет Голубев для убедительности свою присказку. — Или сидит на ветке петух, собака внизу тявкает, а он только — цок, цок, — охотовед вытягивает шею и через плечи заглядывает то влево, то вправо, — знаю, мол, что не достанешь.

А как-то, лет десять назад, зима лютая была, снегу навалило выше брюха лошади. Видел однажды: шли тэки, архары через перевал. Сотнями, сотнями, сотнями... Вот когда жалко, фотоаппарата не было, такое не каждый раз в жизни увидишь... Что ж, потому что!

Гаснет огонь в лампе. Ребята уже спят, только попыхивает красное пятнышко голубевской папироски.

...Разве можно будить человека в такой предутренний час? Еще не рассвело, но облака уже подрумянились. Далеко за степью, за камышами, за голубеющими льдом протоками раскаляется солнце. Воздух холоден, но не морозен. Проснувшиеся псы встречают на крыльце, потягиваются и трутся боками о твои колени.

Алексей притопывает сапогами, поправляет складки на поясе, нож, патронташ, ружье — все ли ладно? Голубев уже продувает мотор своего «линдровера» — машины, в которой смешались крови многих мастей. В кузов — клетки, веревки, мешки. Остается там же разместить собак, да так, чтобы они не успели сцепиться. Впрочем, сегодня путь недальний, псы пойдут вместе с лошадьми, одну из которых доверили мне.

Чу — речка шальная. То разбрасывается узячками на несколько километров, то лед бурунит, ломает, если где ей тесновато, то кызыл-су — красную воду, ту, что не поместилась под ледяным панцирем, пустит поверх льда, а то и совсем заплутается в песке, исчезнет. А где бывает такой лед? Местами, как вода бежала, так и стала, не замутившись ничуть. Тут она спокойно текла. Совсем гладкая, как зеркало. А вот бурунилась — так волны и застекленели, и камышинки вмерзли рядком, как плыли. Шевелит зелеными листьями водоросль подо льдом, а эта вмерзла, и жучок рядом тоже застыл.

Ступать на такой лед боязно: а вдруг вода? Шажок, другой. Нет, держит. Скользит по дну тень, взметывая черных рыбок, только в изломах видишь, как силен лед, крепок.

Собаки сначала боялись ступать: куда ж по воде-то? Потом привыкли, что и воду за лед принимать стали. Джулька дважды сегодня не удержался от полыньи. Дрожит, шерсть вздыбилась, а на морде будто написано: ну как же это?

...Алексей делает рукой знак и манит. В камыше свежие покопки — кабанья столовая. Перевороченная земля еще черна, только блестки инея слегка посеребрили ее.

— Сегодня ночью были... Бельчик, катай, катай!..

Катай — значит ищи, Бельчик понимает. Он ныряет в камыши, выныривает снова и опять уходит. Псы тянут носами воздух. Но много ли скажет городской собаке запах степи?

Метрах в пятидесяти от покопок на снежном лоскуте отпечатки копыт. Одними глазами Алексей указывает:

— Кабан... Побольше центнера.

Нет, нам «старик» не нужен. Такой и собак посечет и сам сгорит: массивен, жирен, бегает трудно.

Осторожно цокают по льду лошади, вздрагивая шкурой, когда оскользаются. Т-с-с... Двойная штрихпунктирная строчка. Штрих — копытце по воздуху шло, бороздило снег, точка — отпечаталось. Штрих — ш-ш-ш-у, точка — шук. Ш-шук, ш-шук, ш-шук... Легко бежал кабанчик. Подсвинок, годовичок.

— Услышишь, Белый тявкает, ноги не держи глубоко в стременах. Не дай бог, выскочит свинья под лошадь. В седле не удержишься, так чтобы в стремени не запутаться, если поволочет...

Алексей трогает поводья, и лошади рысцой трясутся по следу. Т-с-с...

Стоим. Сейчас все — слух. Только далекий треск камыша — идет Бельчик — да легкое постукивание молоточков в ушах от напряженного ожидания.

Секунда, десять, пятнадцать.

И вдруг: тяф!..

Едва не вываливаюсь из седла. Орлик, зараженный примером Алексеевой лошади, чуть ли не с места переходит в галоп. С треском рвутся камыши. Собачья братия, услышав голос Бельчика, устремилась вдогонку...

И снова: тяф!

Теперь подальше. Да и камыш пошел частый. Собаки толкутся, но идти не решаются. Виляют хвостами: мол, не можем туда. В таком камыше кабан — хозяин положения: идет по камышу, что шило, не тряхнет травинки.

— Секач это, — бросает Звягинцев. — Тот, что пудов на восемь. Поросята метаться начинают, если собаку почуют. А то и вовсе станут — собьются в кучу. А этот вон как ровно уводит собаку. Не торопится, опытный...

Выходит, ошибся Бельчик. Не пошел по следу подсвинка.

...Зимний день быстро коротеет. Зарозовелось солнце, подбираясь к концу своего пути. Да и нам путь недальний: прочесать пару аралов, камышиных островков, а там степью километра с четыре.

— Катай, живо. Ну, Бельчик...

Не могу понять, что рассмотрел бригадир. Под ногами лошади — серая земля. На покопки не похоже, и следа не разгляжу, а бригадир словно по невидимой нитке ведет лошадь, всматриваясь в землю.

А-ауф... Не Бельчик ли? И уже совсем отчетливо: гав...

Теперь держись. Камыш не густой. Собаки хорошо пошли.

Камыш оборвался. Теперь видны зверь и преследующая его свора. Тарзан почти рядом. Уступает кабану не больше корпуса, но не берет зверя. Знает, его место — свинячье ухо. Кабан косится, клацает челюстями: жаль, некогда пропороть паршивую собачонку.

У-ух! Алексей вскидывает ружье, бьет в воздух.

Мгновения кабаньего замешательства достаточно, чтобы Тарзану повиснуть на ухе. Не просто бежать с такой сережкой. Все больше искривляется путь — в левую сторону, где висит пес.

Новый выстрел — говорят, это называется психической атакой, — и собаки мгновенно облепляют перепуганное животное. Кабан пытается еще отбиться, но падает на лед и распластывается, как новичок-конькобежец.

...Я не заметил, когда Алексей соскочил с лошади, очутился на кабане и как умудрился стянуть ему ноги веревкой. Помню только бешеные, налитые кровью кабаньи глазки да тяжесть брыкающейся в мешке туши, которую пришлось нам тащить к машине. Ничего. Своя ноша не в тягость.

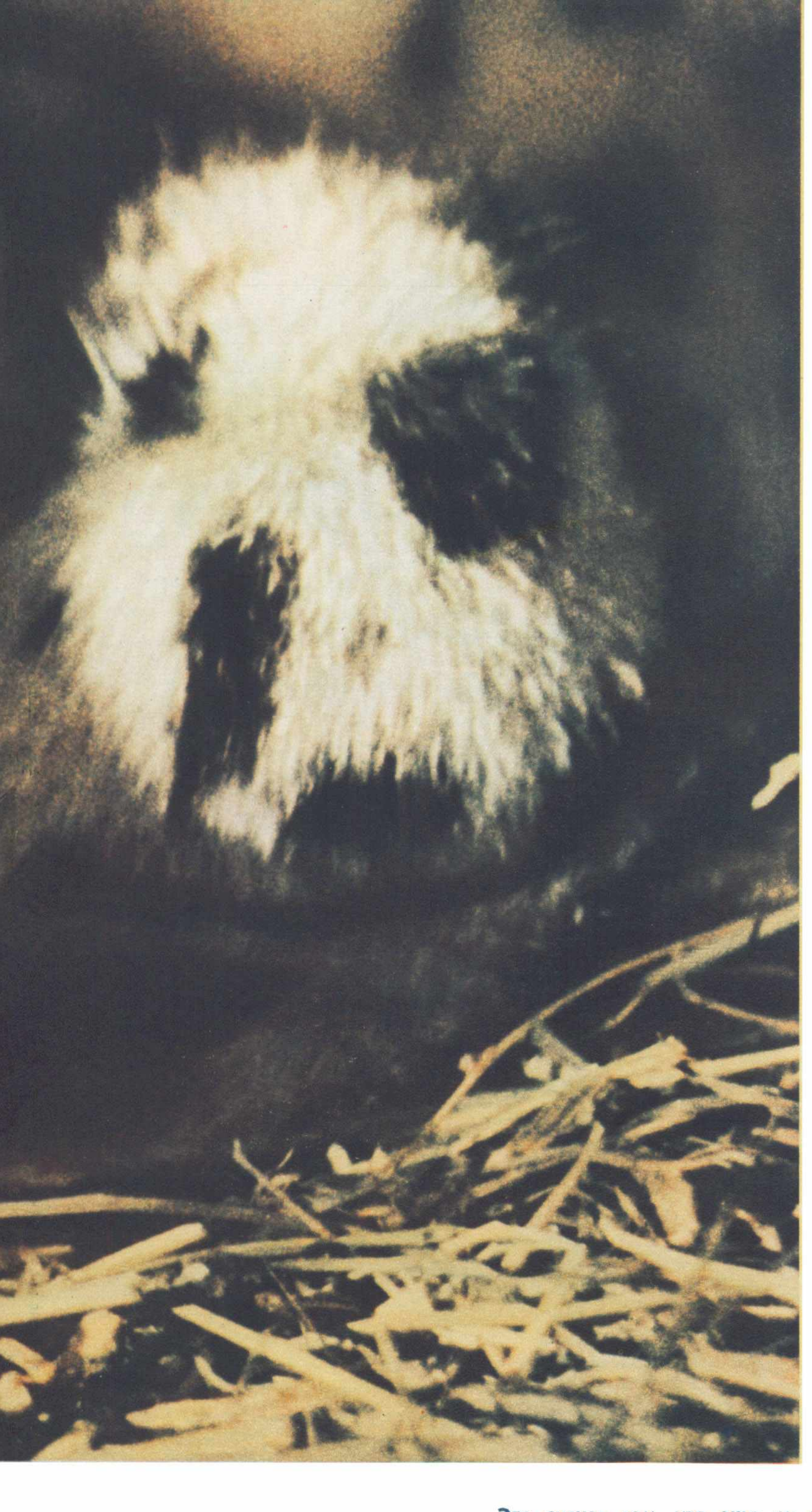
Долина реки Чу — Фрунзе.

За степью, за камышами, за голубеющими льдом протоками раскаляется солнце.

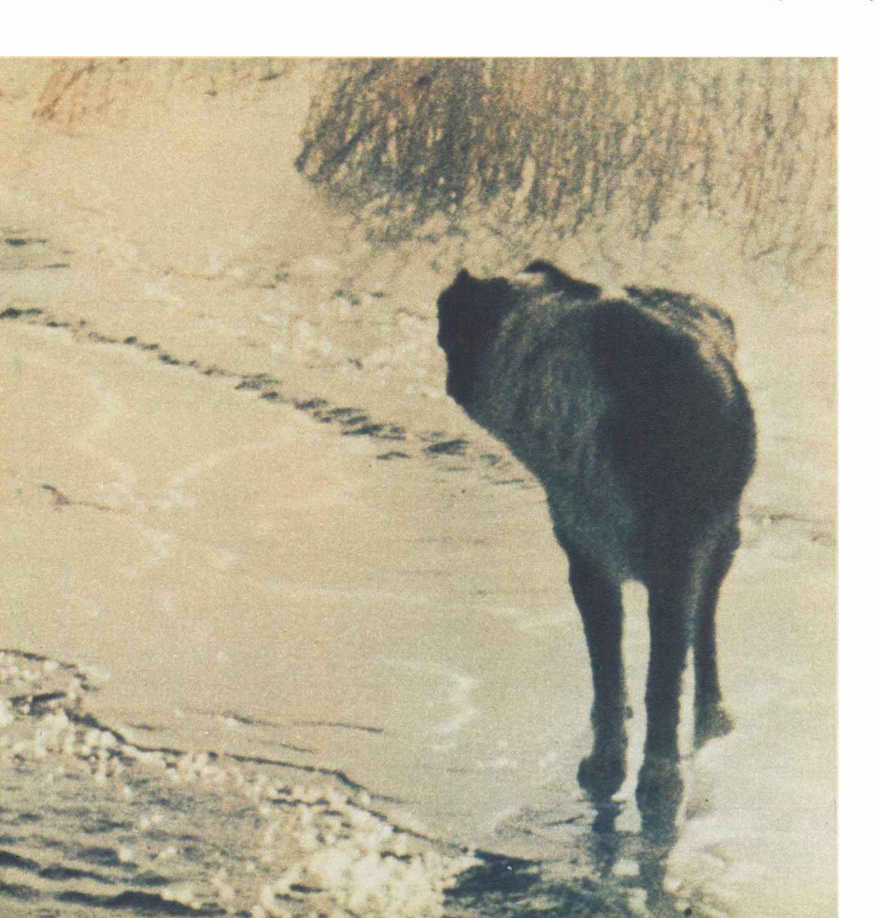
Кабан еще пытался отбиться от собак...

Гроза Тянь-Шаня, красавец снежный барс, усмирен.

Припадешь к речной струе, бьющей из-подо льда,— как заново родился.

Это сигнал тем, кто еще не вернулся. Ждем вас!

«Бемби»...

...и его бескрайние владения.

Г. ЛЕОНИДЗЕ

ЧИРИК И ЧИКОТЕЛА

РАССКАЗ

Гравюры А. Брусиловского.

Читатели недавно узнали народного поэта Грузии Георгия Леонидзе с новой стороны — как интересного прозаика. В 1962 году вышла на грузинском языке книга его рассказов-воспоминаний «Волшебное дерево», в которой поэт пишет о «виденном и пережитом в грузинской деревне времен своего детства».

Один из этих рассказов мы публикуем ниже.

Были и в нашей глуши знаменитые люди! Вот хотя бы дьякон Шабашела, муж писаной красавицы Зизилы. Когда Зизила надевала по какому-нибудь случаю праздничное грузинское платье, дьякон изумленно разводил руками и возглашал в восхищении: «Затмила краса твоя небо ясное, и хвалами, тебе расточаемыми, полнится весь божий свет! И как это ты уродилась такой красивой?»

Кто еще? Старик военный, выживший из ума, подслеповатый Гитара-майор, когда-то любитель песен, а теперь весь высохший, как трут, что нарос на старом, трухлявом пне, глухой — хоть над самым ухом кричи, не услышит!

— Немало таскал-возил меня буйный мир, но и я волочил его, как собачий хвост!—шамкая, хвалился он, и хихикал, и кашлял вперемежку...

Дальше: Чампура Чамапуридзе, знатный едок, любивший поесть наперегонки, об заклад — кто больше съест, и опорожнять турьи рога...

Чампура мог часами рассуждать о том, что слаще: лосось, темная форель или усач на виноградном листе? Что вкусней: севрюга, осетрина или сом под уксусом с киндзой? Куриная чихиртма или бозартма из ягненка? Хлеб-соль на лотке, зелень на деревянном блюде, огурцы, остуженные в роднике, старый сыр, баранья голова, рыбка-цоцхали на листьях, шашлык с кровью?.. Ах! И душистая струя из запрокинутого носатого кувшинчика!..

— Кто посмеет сказать, что в этом красном вине не таится благодатная частица солнца? Зачем же тогда вкушать его со святым причастием?

Вечно его томила жажда, и казалось сладостной музыкой бульканье вина в узком горлышке. Нагрузившись, захмелев, выходил он неверным шагом из духана.

— Сытная еда и доброе вино — вот на чем свет держится! Ешь с охотой, пей с душой, смейся весело! — Таковы были заповеди, которым следовал Чампура.

Любитель рыбных блюд, он чуть что заводил разговор о сальянской рыбе. Хорошо прокопченная шемая, свежая и соленая икра — черная или красная! — это были постоянные предметы его бесед, раздумий и вожделений.

Кто еще? Тотош, тот, что крал из ниши полуразваленного храма деньги, пожертвованные святыне!

Духанщик «Чарирама». В его духане часто можно было встретить завзятого тамаду с неизменным рогом в руке, имя которого было Петр, но почему-то все звали его Павлом. Неутомимо молол язык этого тамады!

«Трын-трава», о котором говорили, что он самого черта за руку поддерживал, когда черт учился ходить.

Кондро — завидущий глаз, сквалыга, скопидом, тот, что по ночам отцеплял от часов маятник, чтобы не износился! Шкаф стенной был у него всегда на запоре, хотя там ничего и не хранилось, кроме одной тарелки, да и то — разбитой, скрепленной проволокой.

Провизор Анта, который однажды пять дней ходил с задавленным мышонком в башмаке; бог весть зачем забрался к нему в башмак мышонок, а Анта и не заметил, только на пятый день вытащил его. Этой историей он хвастался точно каким-то подвигом. Ступни у провизора были огромные, он выписывал калоши из Варшавы, потому что у нас его размера нельзя было найти.

Ну, а еще кто? Как кто? Самых главных-то я и забыл! Два моих ближайших соседа, Чирик и Чикотела.

Знаете, что такое Чирик? Слыхали прибаутку? Тот на жердь, другой в клетку, а Чирик скок на ветку.

И Чирик и Чикотела ютились по бедности в старой сторожевой башне. Когда у одного кипело-бормотало лобио в горшке, запах киндзы, что крошили для заправки, слышен был за столом у другого. Чикотела жил в верхнем этаже башни, а Чирик — под ним, в нижнем.

Чирик всех ловчей и пронырливей. И наш Чирик был человек бывалый — охулки на руку себе не клал!

Был у Чирика единственный сын, по прозвищу Кикрикико. Собирались мы, ребята, на пригорке окрай деревни и, напрягая глотки, вопили что было мочи: «Кикри-ки-ко-о!» Шустрый был паренек, на все руки — и притом незлой, покладистый.

Чирик был разумный человек и работяга — для всех готов потрудиться, никому в просьбе не откажет. С рассвета до сумерек крутился рук не покладая и только приговаривал: «Господи, во имя твое!»

О Чирике говорили: это такой человек — положит иголку, а найдет лемех! Работал он, завернувшись в рваную чоху. Мозолистые руки его не знали отдыха, и все же он был в числе беднейших. О том, чтобы копить добро, откладывать в кубышку, он и не помышлял: единственной его заботой был хлеб насущный. Был он не горд, но и в обиду себя никому не давал. «Поступай со мной по справедливости, а Христа ради мне от тебя ничего не надо! — говорил он каждому.— И будем радоваться, пока ходим вместе по белу свету!»

Был у него виноградник величиной с ладонь, и в нем десяток — другой кустов. День-деньской крутился он среди лоз, холил и охаживал их, изводился над ними: подставлял и менял колья, опылял, обрезал, прививал, полол, перекапывал землю, лечил кусты серой, опрыскивал купоросом, поливал, караулил... Каждый вьющийся побег, каждое колечко виноградной лозы готов он был нежить и лелеять. Бывало, даже ласкал, целовал лозы. Гостя, заглянувшего к нему в виноградник, он встречал с грудой плодов на деревянном блюде — угощением садовника. Свежие фрукты, только что сорванные, обрызганные утренней росой, приковывали взгляд. Меж виноградных кустов рядами посажены были у него плодовые деревья, как это делалось в старину.

Вечером, по дороге из виноградника, он проходил мимо нашего дома. Под мышкой у него неизменно торчала охапка выкошенной и выполотой сорной травы.

Войдя к себе во двор, он весело возвещал жене:

— Ну и побеги пустил виноград — есть чем полюбоваться! Увидишь, какие будут крупные

кисти! Черными вóронами облепят кусты гроздья саперави!

Гордостью Чирика была его крутобокая кобылка. Другой скотины у него отродясь не бывало.

Хоть и беден он был, но весел неизменно, улыбчив, ласково-приветлив, речь свою пересыпал шутками.

— Один олень другому пук травы на лугу поднес; хоть и было ее каждому вдоволь, а все угощенье — уваженье! Может, травой мы бедны, так хоть привета друг для друга не пожалеем! Самое главное богатство грузина — это привет, доброе слово!

Повстречавшись со мной, мальчишкой, он всегда здоровался первым:

— Привет тебе и долгих дней твоему отцу! Мир и благодать!

Что ж из того, что нет у меня коровы? А все эти дойные оленьи важенки разве не мной в лес пущены? Стоит мне только свистнуть — тотчас к моему порогу сбегутся! — говаривал Чирик, усмехаясь в седеющую бородку.

Вечером, когда пригоняли стадо, он выходил навстречу к околице, как будто и ему, как другим крестьянам, надо было увести домой свою скотину. Он шел по узкому проулку, размахивая руками, и взгляд его все время убегал к стаду.

— Сюда, ко мне, Джварела, Миреша, Бугия, Шавтвала! Осторожно ступайте, Марцвала, Гвиния, Орбия, Шинда, Лага, круторогое мое стадо! Не поломайте во дворе лоз, не общипайте прививок, не помнúте кукурузы!

— Выходи, Демфила, становись, да тише ты, не расколоти мне посуды! — И крутил в воздухе руками, словно не зная, к которому из животных броситься, каким из них заняться.

— Выходите, доиться пора, вот подойник наготове!

Он даже не смеялся — казалось, сам верил своей выдумке!

Войдя во двор, он кричал жене:

— Эй, старуха, давай сюда ведро, подои корову!

Жена, если была в духе, улыбалась, а если нет, то отзывалась хмуро, со вздохом:

— Охота тебе шутить! Детей своих не жалеешь! Вот опять улеглись спать в этакую рань, ничего не евши!

Чирик очень любил жену, а в детишках души не чаял.

— Лучше нож себе в грудь всадить, чем на голодных детей смотреть!

Но... хлеб у них неизменно кончался по весне, и до следующего урожая они ели сорванные в поле незрелые колосья, подсушивая их на огне, кое-как сводили концы с концами...

— Хлеба, хлебушка! — то и дело взывали дети к матери.

— Разве меня «Хлебушка» зовут? Вот я вас! — прикрикнет, бывало, на них мать, и сама-то полуголодная.

Совсем не походил на Чирика Чикотела. Чирик был крупный, крепко сбитый, в теле, с черными, густыми усами, а Чикотела без единого волоска на лице, сухой и длинный, как жердь, голенастый, как цапля. И шапка на нем стояла торчком.

Бесприветный, пасмурный, недружелюбный, насупистый человек был Чикотела, вечно озабоченный, точно все бремя мира взвалили на него. Посмотреть на его лицо — точно в ненастный день в окошко выглянуть! Тоской от него веяло, словно от крепостных развалин. И всегда-то он был недоволен, вечно жаловался: то на дождь, то на жену, то на свойственников, а в первую голову на соседей и пуще всех на Чирика. А уж упрям был, неуступчив... И язвителен, злоязычен: никак не хотел понять, что злые речи — зима, а ласковое слово — лето. В деревне он слыл скрягой: говорили, что просяного зернышка из горсти не выронит! Словом, даже в крестные его никто не хотел звать, так и не было у него ни одного кума!

Удивительно, во дворе у него дерево тянулось к дереву, ветвь обнималась с ветвью, цветок миловался с цветком, а сам Чикотела ненавидел соседей и больше всех — Чирика, которого считал чуть ли не кровным врагом. Говорили, что это от зависти, что Чикотела завидует плодам чужого труда. Сам он был бездельник и лежебока, любитель праздников и святых дней. Боялся работы, бегал от дела; любил пройтись по деревне, поглазеть на белый свет, а зимой не имел в доме ни одной хворостинки на растопку!

Набожный был лентяй, ни одного господнего дня не пропускал — двунадесятых, передвижных... Праздников в то время было много! Да и кто мог осудить богопослушного Чикотелу, скажем, в мае? Четвертого мая — «птичий день», потом седьмого — вынос плуга в поле и богомолье; на те же примерно дни приходился еще один, храмовый праздник, а в ближайшую пятницу был особый день — «градоотводный» с молитвой об избавлении от града, потом общий деревенский пир — «братчина», и так весь месяц проходил в праздности и веселье.

Не знаю, чем объяснялось такое обилие праздников в мае, но весенняя природа сама способствовала этому. В нашем дворе дух захватывало от запаха сирени, ирисов и роз. Воздух был пропитан медовой сладостью липового цвета, акации... А над всем властвовал пьянящий запах цветов пшата. Поди и гни спину в такое время! Так что, может, и прав был хмурый Чикотела.

А вот у веселого Чирика не хватало времени для пиров и богомолья! Ни одного дня праздного он себе не выкраивал — так и трудился, не разгибаясь. А от работы делался еще добрее, еще ласковей.

У Чикотелы была одна только замарашка — дочка Тетруа, больше не народил он детей. Может, оттого и был таким лентяем Чикотела, что не надо было ему кормить много ртов.

Однажды приснилось Чикотеле, будто в кладовке у него громоздятся горы каменной соли, горшки с топленым маслом, головки сыра, кожаные мешки с икрой... Очнувшись, он лихорадочно шарил около себя, ища все это пригрезившееся добро... Точно кто-то тайно слизнул его богатство, обокрал Чикотелу! И долго еще прикрывал он себе глаза ладонью, надеясь вернуть прерванную грезу...

И еще мечтами о прошлом жил Чикотела.

На деревенской площади, смешавшись с крестьянами, собравшимися, чтобы потолковать о том о сем, он рассказывал о прошлом своего рода, когда-то знавшего, по его словам, лучшие дни. Деды его, оказывается, были так богаты, что даже имели собственных крепостных.

Многие, наверно, и не знают, что в далекую старину в Грузии встречались крестьяне, владевшие крепостными!

— Кто ж не слыхивал, какими богатеями были мои деды и прадеды? Среди крестьян таких редко и встретишь! Крепкая семья, нерушимая, как скала, дом, полный достатка, — все в поте лица, честным трудом добытое... Закрома ломятся от хлеба, всякой снеди полно в кладовых, на семена отдельно отборное зерно, кувшины в марани полны вина! Прапрадед мой «Пехдида» — «Большая нога» — шестьдесят голов одних буйволят в стадо выгонял! Собственного плугаря держал, особого виноградаря, своего пастуха!

— Вы на меня так не глядите, ребята! Все у нас было домашнее, свое: и холст, и рядно, и сукно, а уж ковры и джеджимы [1] ткались десятками. Мыло, и то дома варили. И масло из подсолнуха выжимали — не видали у нас во дворе старые жомы и маслобойные жернова? И в Агзеван гоняли арбы за каменной солью! И в Сальяны ездили за рыбой. Вы на меня так не смотрите, ребята. У нас перед домом каменная соль грудами громоздилась, хоть башню из нее складывай! В погребе меха, набитые икрой, сыром, маслом топленым...

— Хоть бабушку Тавтуху спросите, ежели не верите! Когда она в наш дом невестой пришла, дед мой на свадьбе ее дружек сплошь икрой угощал, подносил им полные чашки, с верхом! Вы на меня так не смотрите, ребята! Жизнь у нас в доме кипела... Всего было в избытке! Да только мы свое отпировали, истратили дарованное нам судьбой богатство, не сумели сберечь. Вот и остались ни с чем! Что ж тут поделать? Вы на меня так не смотрите... Вот оно что!

Правду говорил Чикотела или нет, никому было не ведомо. Бабушка Тавтуха, столетняя, замшелая, выжившая из ума глухая старуха, в свидетели не годилась. А больше никто ни-

---

[1] Ковровая ткань.

когда не заикался о былом богатстве рода Чикотелы. Да и какое было дело людям до чужого да еще исчезнувшего богатства! Сказано, чужой чужого покойника будил — думал, что спит!

— Это он грезит наяву! — улыбались соседи. А между тем прислушивались к рассказам Чикотелы и в душе верили ему.

Однако главным предметом разговоров Чикотелы, к которому он постоянно возвращался, был Чирик и тяжба с ним. «Чирик хочет присвоить мою землю!» — твердил он.

— Горит у меня душа, точно табак в трубке, тлеет внутри. Одолел меня Чириков виноградник, передвижка межей, спор из-за клочка земли! Не могу я молчать, не могу не бороться с ним! Не пройдет беда безбедно, коли цел бедовый корень! Вовремя надо водой огонь заливать!

Бедняге Чирику было вовсе не до тяжб и ссор, да и не понимал он, чего от него хотят... Но зависть неодолима! Зависть и злоба овладели сердцем Чикотелы.

Раньше, говорят, плевел в пшенице никогда не бывало. Но однажды кто-то проходил мимо соседского гумна, глянул на высокую кучу зерна, одобрительно покачал головой... Он даже взял из кучи горсть пшеницы, и тут шевельнулась у него в душе зависть. Зерно он бросил обратно в кучу, но горсточка эта превратилась в плевелы, и сорное зерно выросло вместе с новым урожаем. С тех пор развелись плевелы на полях и угнездилась злоба в человеческом сердце.

Спор Чикотелы с Чириком был из-за границы Чирикова виноградника. Участки у них были смежные, и Чикотела считал сопредельную полоску соседского сада своей.

— Наши угодья поровну отмерены, а он средь бела дня прирезает себе мою землю, засаживает ее лозами, лезет ко мне во двор — просто нож к горлу приставил! Но не будет этого! Сквозь игольное ушко протиснусь, а не дам ему своего добиться! — выкрикивал Чикотела грозные и ядовитые слова.

А между тем совесть у Чирика была чиста. Все то, в чем обвинял его Чикотела, ему и во сне не грезилось. Всякий раз, как завязывалась между ними перепалка, Чикотела выносил из дому какую-то длинную, пожелтелую, намотанную на кизиловую палку бумажную полосу — он называл ее «утвердительной грамотой» — и, потрясая ею в воздухе, вопил в исступлении:

— Здесь все прописано, какие промеж нас настоящие рубежи и грани!

В купчей крепости и в самом деле были обозначены границы усадьбы: «Со стороны горы — две осины, что растут над ручьем; граница снизу — молодой дубок. Дальше вниз — большие орехи, а еще пониже — три тутовых дерева. Это и есть границы. Вровень с ними, на берегу реки, еще две осины от одного корня».

Поди и ищи сейчас, через двести лет, те осины — парные, от одного корня, — тот дубок, те большие орехи, те тутовые деревья! Да от них и следа и памяти уже не осталось! Ведь купчая была писана во времена царя Ираклия... Простодушные ее составители, сами о том не подозревая, двести лет тому назад положили начало вражде двух соседей. И хотя, по их словам, грамота была составлена «по правде» и «без пристрастия», и притом «накрепко, навечно, неизменно, неоспоримо, бесповоротно и окончательно», и силу имела «для правнуков и потомков», именно эта нелепая купчая крепость стала причиной раздора между соседями. Ведь она, эта грамота, спутала все границы и межи!

Вот из-за этой злосчастной границы между виноградниками цеплялся к Чирику крохобор Чикотела. В своем озлоблении он был готов на все, не гнушался и неприглядных путей. Вечными сварами и руготней он донял, например, беднягу Чирика так, что тот не выдержал и срубил огромное ореховое дерево, бросавшее тень на соседские владения...

Однажды забрела в виноградник к Чикотеле молоденькая соседская курочка-несушка: Чикотела пришиб ее колом. В другой раз он по злобе срубил под корень пять кустов Чирикова будешури, протянувших свои побеги над его кровной землей!

Не раз решал доведенный до отчаяния Чирик продать свой виноградник или даже совсем переселиться из нашей деревни, бежать от недруга, но когда находился покупатель, слезы наворачивались ему на глаза, не хватало духу отдать чужаку этот орошенный потом клочок земли, этот холеный и лелеянный сад...

— Что это за напасть, откуда она взялась на мою голову? Когда это я зарился на чужое? Господи, и зачем ты породил такого злыдня — ведь озорник, лиходей, вереда! Точно порчу на меня напустил!

А Чикотела желал Чирику гибели и истребления со всем потомством.

— У-у-ух! — стонал он порой в бессильной ярости, не в силах примириться с самим существованием своего врага.

— У-у-ух! — точно все нутро у него было исколото, изранено, изрублено; не раз он осушал — раньше времени! — чашу за упокой Чирика, и тогда сердце у него разгоралось жарче кузнечного горна. Судорожно сжимая кулаки, позеленев и дрожа от ненависти, он только мычал: «М-м-м!» — и призывал, чтобы одолеть недруга, свою «былую силу», хотя никогда не отличался телесной крепостью и удалью.

— Куда тебе против Чирика! Не думай на него лезть — не одолеешь! Ты и с виду вон какой слабенький, тебе ли с Чириком равняться? Дюжего ты выбрал себе врага, богатырского плеча!

— Ну-ка, глянь на эту маленькую речушку! — Чикотела показывал на наш деревенский, тихо журчащий ручей.— Сколько она вырвала с корнем орехов, лип, тополей весной, в половодье? Помнишь? Видал? Ну, так что ты мне еще говоришь? Эх, уж если я сорвусь с привязи...

— Нет, нет, ты лучше будь с Чириком потерпеливей!

— Верные слова! — присоединялись к советчику другие.

— У-у-у! Жизнь без света, без радости! — стонал точно от жгучей боли Чикотела.

— Над иным человеком счастье так и кружит, во лбу у него сияет, а моя доля спит где-то посреди дороги, растянулась, бесстыжая, в пыли, и горя ей мало!

Проходили годы. Чирик и не думал умирать, напротив того, плодился и размножался, недавно родились у него еще две девочки-двойняшки.

— Бросим ворошить былое, толковать о нем не стоит! — советовали Чикотеле.

— Не сломить меня всей вашей рати! — отвечал в сердцах, повысив голос, посредникам упрямый Чикотела, закованный в непроницаемую броню своей ненависти.

— У-у-у! Крови Чирика хочу напиться! — гудел он на своей башне, сбрасывая залетевшего к нему снизу петуха.

— Что у вас вышло, чем ты его обидел? Из-за чего ваши раздоры? — спрашивали добродушного Чирика, а тот только пожимал плечами и говорил спокойно:

Соловей сказал: «Не знаю,
Что приспичило дрозду,
Изругал, завел вражду,
Прицепился на беду».

Однажды миролюбивый, покладистый Чирик сам заговорил напрямик с Чикотелой:

— Чего ты на меня кидаешься? Точно я у тебя жемчужные пуговицы с рубахи спорол!

Чикотела стал вместо ответа размахивать у него перед носом своей грамотой. Она развевалась в воздухе и снова сама собой навивалась на кизиловую палку.

— Вот оно, свидетельство моей правоты! Здесь все написано!

— Не знаете вы, — обращался он к соседям, — да, не знаете, что это за жадный человек! Как он передвигает по ночам границу своего виноградника все дальше на мой участок! Да нет, он не перестанет пакостить мне до второго пришествия!

Иные из соседей, те, что поехидней, подзуживали его:

— Враг вражды не позабудет!

— Не давай ржаветь кинжалу — жаль булатного клинка!

— В этой грамоте обозначены правильные рубежи, да никто верить не хочет! — со стоном отзывался Чикотела и добавлял — что только не сорвется с языка у человека с уязвленным сердцем и взбаламученной, желчной

душой:— Надо кончать! Нынче осенью не держать в руках Чирику чаши с молодым вином!

И при этом ворочал полными тоски глазами.

А что же Чирик? И в ус себе не дул! Радовался на зреющие, тронутые уже синевой, виноградные кисти. «Этой осенью надо посадить еще с десяток кустов ркацители»,— думал он вслух, и люди поддакивали: «Да, этот хоть в пустыне виноград вырастит!»

— Господи солнцеликий, будь милостив! — твердил Чирик свою неизменную молитву. Недосуг ему было лаяться с соседями, изводиться в распрях.

Зато Чикотела был неутомимый смутьян.

— Вон он, тащится, чтоб его ничком похоронили! — говорил при виде Чирика, почернев с лица, Чикотела.

А Чирик, незлобивый Чирик не мог удержаться от смеха...

— Чего он сам себя терзает, нелепый человек? Все мы, люди, дети праха; день — да твой, живи без страха!

А Чикотела не унимался:

— О-ах! Увидеть бы мне его развороченные ребра, камни, его кровью обрызганные!

— Что ты душу свою отягчаешь, несчастный человек!— сердилась на него жена, добрая и богобоязненная Ташнеура.

— Так почему же я богом забыт, судьбой изобижен? Где моя удача, скажи? — плачущим голосом прерывал жену вечно отлынивающий от дела Чикотела.— Так почему уже у нас ничего нет за душой? Разве не Чирик виноват в нашей бедности? Сердце у меня иссохло!

Ташнеура, с языка которой стекал только мед, а не желчь, оправдывала добряка соседа, но возмущенный Чикотела яростно напускался на жену:

— Разве он не передвинул ко мне межу? А откуда взялись те пять лоз вдоль самой границы?

— Дались тебе эти пять кустов! Разве пятью виноградными кустами семью прокормишь? — возражала незлобивая Ташнеура.

— Почему не приберет смерть моего врага? Он должен раньше меня уйти, да, да, он, Чирик, должен на том свете открыть передо мной черную дверь! — никак не хотел утихомириться Чикотела.

— Довольно, перестань, лютая твоя душа, бурливый человек! — отвечала Ташнеура.

Забрав свое трепало и шерстяную кудель, она уходила во двор, присаживалась у розового куста — это было ее любимое место — и крестилась, вздыхая:

— Святой Георгий, заступись за нас!

Чикотела охал, стонал, мычал, а потом шел к соседям изливать свои горести, жаловаться — облегчать душу...

— Не сгибайся перед бедой, плечи к земле пригнетет! Выскажи, что у тебя на сердце камнем лежит! — раззадоривал его хитрый сосед.

Чикотела выкладывал во сто крат больше, а того не хотел знать, что, когда котелок закипит, варево убежит и его же ошпарит.

В этой постоянной распре из-за чужого достояния проходили отравленные желчью дни Чикотелы. Был и такой случай, когда жизнь обоих, и Чирика и Чикотелы, висела на волоске.

Через один из Иорских рукавов, что струился в ивняках и камышовых зарослях, был перекинут вместо моста сухой осиновый ствол. Это была единственная дорога через Иори. И вот на этом неверном мостке встретились в одно прекрасное утро оба стародавних врага. Бог весть, какая беда должна была разыграться на той сухой осине... Но гордец Чикотела и не подумал посторониться. Не опуская взгляда, пошел прямо через мост и на самой середине, не удержавшись на ногах, бултыхнулся в воду.

Чирик прошел с улыбкой по свободному мосту и скрылся в винограднике.

На другой день Чикотела учинил в деревне целый розыск.

— Не узнал ли кто? Не рассказывал ли? Не радовался ли?

Однажды среди зимы, когда крестьян в занесенной снегом деревне одолело безделье, соседи решили помирить врагов. Два почтенных человека, Иванэ Гочиклапа — Глотай-поросся и Беция Батиквлепа — Гусещип, вызвались быть посредниками и отправились к тяжущимся.

— Довольно раздоров, что было, то сплыло, кто старое помянет — тому глаз вон!

Но ничего из этого не вышло: Чикотела уперся, раздулся так, как будто на нем свет клином сошелся.

Чирик, по-грузински легконравный и невозмутимый, успокаивал посредников, глядя на них смеющимися глазами:

— Оставьте этого пустобреха в покое, пусть раздувается, как жаба! Все равно злобы из него не вытравишь!

И вдруг в один прекрасный день случилось чудо! Разлетелась по деревне весть об их примирении, хотя никто поначалу не хотел ей верить!

А дело было, оказывается, вот как.

Во время жатвы на дальнем Азамбурском поле, далеко за рекой Иори, Чикотела простудился и занемог. Кое-как он перебрался вброд через реку и поплелся к деревне. Да только по пути его совсем разобрало, подкосились колени, и он повалился в жару, словно пьяница после бражной ночи, на обочину дороги: авось, какой-нибудь добрый человек, проходя мимо, подымет его и отведет из жалости домой! Но ни прохожих, ни попутных арб не было видно. Так и валялся бедняга в чистом поле — волчьей сытью, вороньей добычей. Солнце уже закатывалось, до деревни было далеко... Чикотела, скованный лихорадкой, громко стонал в отчаянии.

И вот в ту самую минуту, когда последний краешек заходящего солнца скрылся за горами, показался со стороны Иори верховой. И знаете, кто это был? Уж, верно, догадались! Чикотела затрясся в испуге, сжался в комочек, забрался с головой под шинель, словно черепаха в свой панцирь. Господи, хоть бы его не увидели!

Чирик приблизился к лежавшему, вздрогнул, смутился... и продолжал свой путь, как бы ничего не заметив. Томившийся в жару Чикотела сначала даже обрадовался. Но ведь Чирик был последней его надеждой: пройди он мимо, и, чего доброго, можно было в самом деле попасть волкам на зубы! Однако Чирик, после недолгого колебания, повернул лошадь, соскочил с нее и подошел к больному.

— Что это с тобой стряслось, бедолага? — спросил он неуверенно.

— Да ничего...— робко отозвался Чикотела.

Чирик, недолго думая, подхватил под мышки своего заклятого, а сейчас пристыженного, прячущего глаза врага, посадил его на лошадь позади себя и пустился в путь, к деревне. Да еще по дороге наставлял его: держись крепче, обними меня за пояс, не то еще свалишься с лошади...

Чикотела сидел, набрав в рот воды, и только старался не слишком сильно стиснуть, не обеспокоить своего бывшего недруга. В деревне поднялся переполох. Соседи глазам не хотели верить! Сначала даже подумали, что Чирик подрался с Чикотелой, одолел его, связал и привез, чтобы сдать старосте.

— Чирик пленника добыл! — кричали со всех сторон.

Да, было смеху! Целый месяц забавляла эта история наших сельчан.

Чикотела сложил оружие. Замолчал, перестал поносить Чирика, да и что еще ему оставалось делать? Он и сам был поражен поступком врага!

А вскоре на голову Чикотеле свалилась новая напасть. Помните, я говорил, что была у него единственная дочка-замухрышка? Так вот, пока я добирался до конца своего рассказа, эта девчонка-замарашка подросла, оперилась, вошла в тело, грудь у нее под кофточкой налилась... И получилась из нее девушка на диво, голубка-хохлатка, резвая лань, румяное яблочко, белолицая,— недаром зовется Тетруа,— синеглазая, чернобровая, с долгими ресницами...

И — чего не наболтает сорочий язычок — однажды среди дня Чикотела спустился в виноградник и, обходя его, услышал вдруг среди густой листвы нежные слова:

«На израненное сердце локон свой мне положи!»

Чикотела прислушался.

«Подхвати меня, унеси меня!» — ворковал нежный голосок.

Чикотела осторожно раздвинул листья винограда и увидел, боже, что он увидел! Над самой границей, разделявшей виноградники, стояли, обнявшись, его дочка Тетруа и сын Чирика Кикрикико — да-да, сплетясь в объятии, и притом так тесно, что и саблей не разрубишь!

Сначала Чикотела пришел в изумление, потом в ярость, гаркнул: «Ах ты, бесстыдница, вот я тебя!..» Парень и девушка понеслись, со всех ног, прямо через виноградник, ломая с треском лозы и колья; сколько упало кустов! Чикотела стоял на месте, словно одеревенев, и не мог выговорить ни слова. Тут только он понял, почему вечно льнула и липла его дочка к соседскому парню. Понял — да уж поздно! Ох, беда, дочка врагу достанется — к тому дело идет! — а за ней и виноградник! Совсем упразднятся граница и межа! У Чикотелы ведь больше не было детей — только одна эта девка! Скорей он согласился бы провалиться в преисподнюю, на самое дно, да что тут поделаешь? А Ташнеура обрадовалась свыше меры: Кикрикико ведь был всеобщим любимцем!

Через неделю Чирик снял крышку с запечатанного винного кувшина... Теперь уж никуда не денешься: обоим, Чирику и Чикотеле, надо было сидеть рядышком за свадебным столом, целоваться с винными чашами в руке, называть друг друга братьями... Так оно и случилось.

Спустя несколько лет я сам видел, как двое дедушек, взяв с двух сторон за руки маленького внучонка, учили его ходить под цветущим миндальным деревом.

Так любовь взяла верх над враждой. Краток век вражды и злобы — в том проклятье их от века!

Этот несмышленый птенец, этот малыш, что вышагивал, спотыкаясь и переваливаясь, следом за двумя стариками, окончательно похоронил своими пухлыми ручонками долголетнюю рознь двух застарелых врагов!

Прошли года. Много, много раз алым светочем проплыло солнце над нашим селом. Много скатилось с неба звезд. Выпило время силу Чирика и Чикотелы...

Совсем ослабел — как малое дитя!— сломленный трудами долгой жизни Чирик. Во главе семьи стал Кикрикико. Но старик ни за что не бросал своего любимого виноградника, хотя тот давно уже стал общим достоянием. Но Чирик не видел никакой разницы. Напротив, он теперь совсем переселился в виноградник — не выходил из него ни днем, ни ночью, там и спал в шалаше. Никак не могли отговорить его ни сын, ни внук, ни соседи... По-прежнему он кружил над лозами, выхаживал кусты своей усталой, но искусной рукой...

— Что ж, значит, такая у него страсть! Пусть сердце потешит!— говорили родные.

Но вот однажды весной, на пасху, разнеслась по деревне скорбная весть: Чирика не стало!

Оказывается, он и в пасхальную ночь не захотел расстаться со своими любимыми виноградными лозами. Засветил восковые свечи, устроил себе на чистом платке меж лоз пасхальную трапезу, обошел с литанией вокруг виноградника, потом присел под кустом, сложил руки на груди и скончался...

Наутро внук пошел навестить набожного деда, отнести ему крашеные яйца—и застал старика мертвым!

А что же Чикотела? Закрыв лицо своей остроконечной шапкой и глотая слезы, он причитал: «Брата я потерял — родней родного!» Да и самому ему уже виделась зияющая могила... Через неделю схоронили и Чикотелу рядом с Чириком.

Один сосед — с виду сочувствуя, а в душе без ехидства—качал сокрушенно головой: «Что бы им обоим в один день помереть — не пришлось бы родным дважды поминки справлять!»

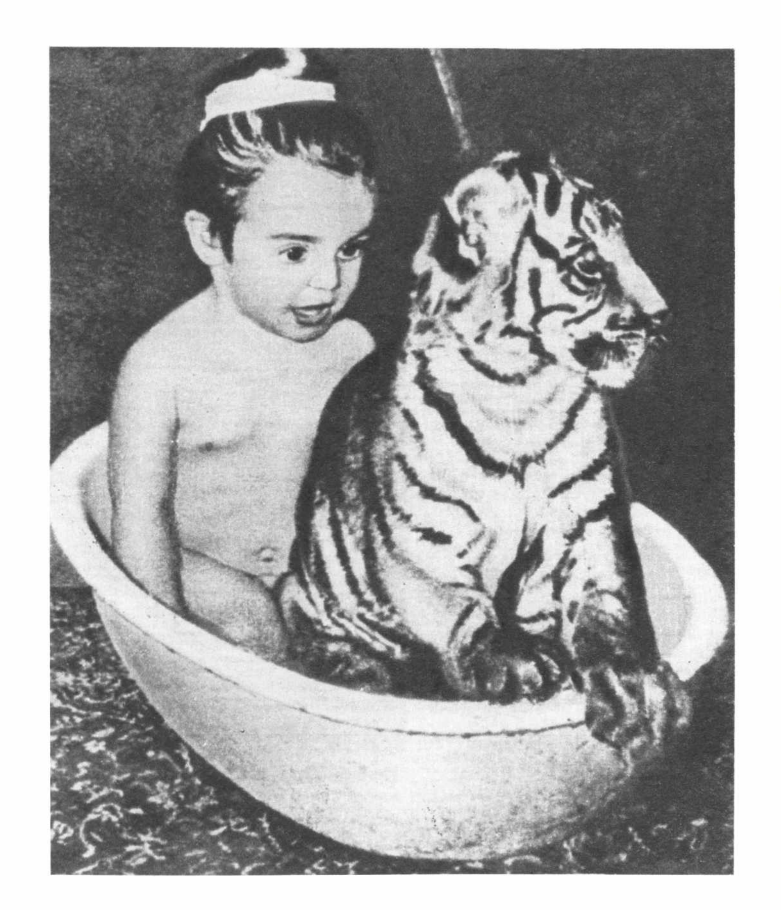
Мне как ближайшему в прошлом соседу сообщили в город, просили присутствовать на похоронах. Но что-то помешало мне, я не смог отдать старикам последний долг. И от этого осталась у меня как бы заноза в сердце. Немало я провел радостных часов около них в детстве, и немало они оказали дружеских услуг нашей семье.

И мне захотелось описать историю вражды и любви Чирика и Чикотелы, чтобы хоть этим отдать долг их теням; кто улыбнется над моим рассказом, а кто призадумается...

Перевел с грузинского Э. Ананиашвили.

ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

В ОДНОЙ ВАННЕ

Ребенок и тигр в одной ванне? Невероятно, скажет читатель. Однако для маленькой Салли Дуган дикие звери стали постоянными участниками ее игр. Дело в том, что мать Салли работает дрессировщицей в одном из английских цирков, который часто навещает девочка. Она очень подружилась с животными. Родившийся в цирке тигренок стал любимцем девочки. Салли учится верховой езде и особенно любит прогулки на спине слона.

УСПОКОИЛ...

Директор одной из американских гостиниц решил подбодрить печально сидящего у входа чистильщика:

— Не вешай голову, старина! Мы должны быть оптимистами! Я тоже когда-то чистил ботинки, а сейчас у меня отличный отель...

— Это хорошо, — ответил безрадостно чистильщик.— Только я уже был директором отеля и вот сижу здесь...

МУЖЬЯ ОБЕСПОКОЕНЫ...

В Австралии культивируется новый вид спорта, за который прежде всего ратуют женщины. Речь идет о метании скалки для раскатки теста. Недавно в Австралии были проведены даже международные соревнования по этому виду спорта, в которых, помимо хозяев, приняли участие команды Англии и США. Выиграли австралийки. Победительница в метании скалки показала результат 37,5 метра. Австралийские мужчины с нескрываемым опасением следят за развитием нового вида спорта и той ловкостью, с какой женщины обращаются с этим твердым кухонным реквизитом...

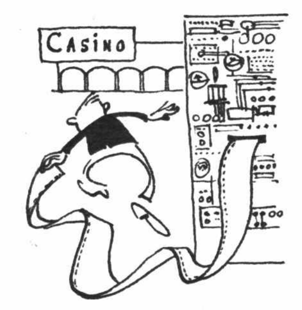

ОРИЕНТИР — МАМА

На окраине норвежского портового города Бергена в последние годы возник жилой район из нескольких сотен стандартных односемейных домиков. Они так похожи друг на друга, что порой и взрослому трудно отыскать свое собственное жилище. С детьми дело обстояло еще хуже. После занятий в школе ученики блуждали по улочкам микрогородка в поисках собственного домика. Обеспокоенные родители на общем собрании пришли к оригинальному решению: на дверях каждого дома вывесить большой фотопортрет мамы.

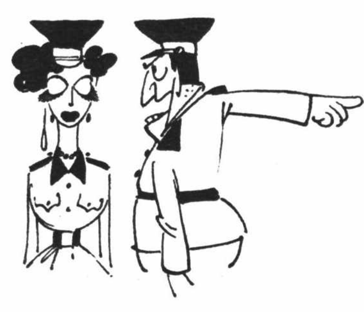
РУЛЕТКА И ТЕХНИКА

Два инженера из ФРГ решили применить электронно-вычислительную машину для подсчета наибольшей вероятности выигрыша в рулетку. Они заложили в машину 20 тысяч чаще всего выигрывающих сочетаний цифр. Машина выдала им наиболее оптимальный вариант ставок. Хозяева казино не на шутку встревожены.

ВОЕННАЯ ДИСЦИПЛИНА

Рядовой израильской армии Офарин Маргалит (в Израиле женщины проходят срочную службу в армии наравне с мужчинами) не поедет в Лондон на международный конкурс красоты, где будет выбираться «Мисс мира». Войсковое начальство не разрешило Офарин Маргалит участвовать в конкурсе.

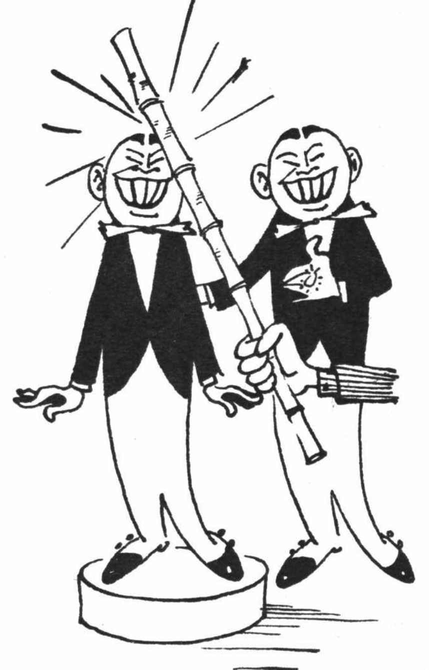
ОКРАСКА ЗУБОВ

«Покупайте зубную пасту только нашей фирмы! Гарантируем однодневную окраску зубов в любой цвет по вашему желанию». Такая реклама принадлежит одной английской фирме, которая выпускает зубную пасту различных цветов — розовую, золотистую, перламутровую, желтую, оранжевую...

ДУШЕВНОЕ РАВНОВЕСИЕ...

В здании управления электротехнического концерна Мацузита (Япония) установлены в натуральную величину фигуры руководящих работников и ведущих специалистов концерна. Рабочие и служащие в случае необходимости могут выразить свое недовольство начальством при помощи бамбуковой палки!..

МЕДАЛЬ... ЗА ПЬЯНСТВО

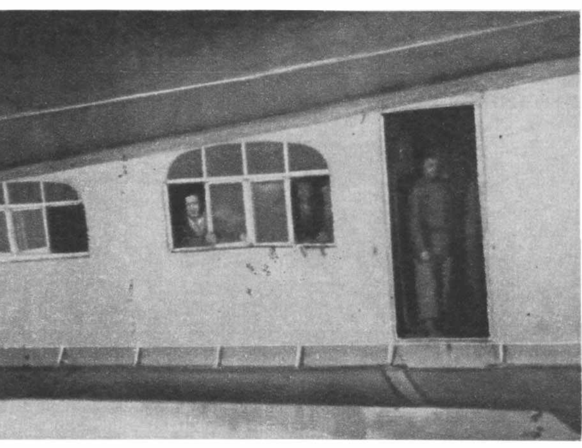
Недавно, работая над архивными материалами, я обратил внимание на необычную медаль. Оказывается, при Петре I пьяницам, которые попадали в тюрьмы, вешали на шею чугунную медаль весом в 17 фунтов (6 кг 800г) с надписью: «За пьянство».

В. КОГАН

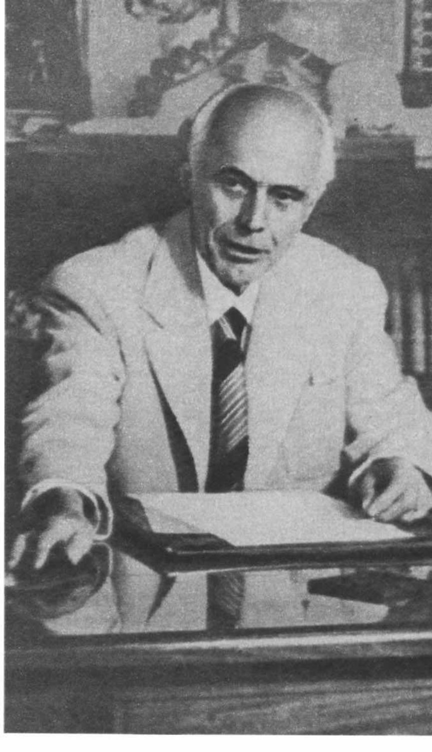

ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

Гондола дирижабля.

УМБЕРТО НОБИЛЕ ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ «ОГОНЬКА»

Петр ЧУМАК

Профессор Умберто Нобиле. Рим.

ДИРИЖАБЛИ ВЕДУТ В ПОДНЕБЕСЬЕ

Волшебный ковер-самолет из древней русской сказки оставил в нашей детской памяти драгоценные ощущения плавности, свободы полета и возможности обозревать с высоты дух захватывающие, безбрежные дали, а теперь эти же самые свойства уверенно обретает современный поднебесный вездеход — дирижабль.

Впервые мне удалось увидеть дирижабль летом 1931 года на Земле Франца-Иосифа, в бухте Тихой, куда прибыла наша полярная экспедиция на ледокольном пароходе «Малыгин». В то время Советская страна еще не имела своих дирижаблей и Советское правительство использовало немецкий для аэрофотосъемок в Арктике, а попутно и для почтовой связи. На «Малыгине» было тогда специальное почтовое отделение, которым ведал будущий «хозяин Северного полюса» Иван Дмитриевич Папанин. Для него почта явно была поводом для настоящей вылазки в Арктику.

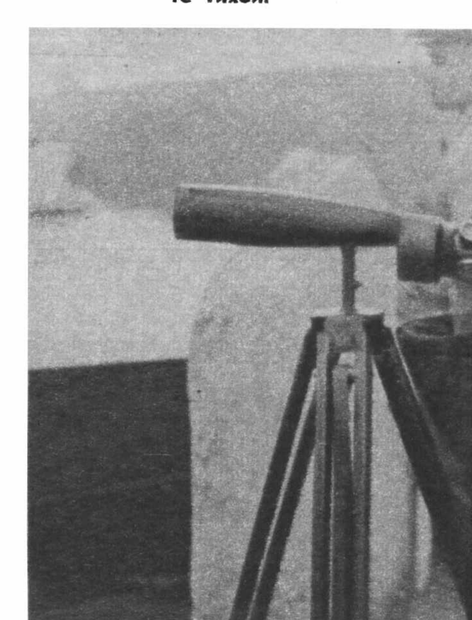
Более суток мы напряженно ожидали прибытия дирижабля. На позывные «Малыгина» он не отвечал. Погода стояла удивительно спокойная, зеркальная гладь воды была под стать предстоящей торжественной встрече. Вдруг у самого горизонта выделилась маленькая черточка — мгновенно все пассажиры, команда и сам капитан выбежали на палубу, а находившийся в числе туристов итальянский дирижаблестроитель и навигатор Умберто Нобиле, как притянутый магнитом, припал к морскому биноклю. Он лихорадочно всматривался в быстро приближающийся воздушный корабль, который словно вырастал на наших глазах. Легко и красиво маневрируя, этот гигант в четверть километра длиной сделал над нами круг — в окнах гондолы показались четко лица — и, как на пружинах, плавно, почти вплотную опустился на поверхность океанской воды.

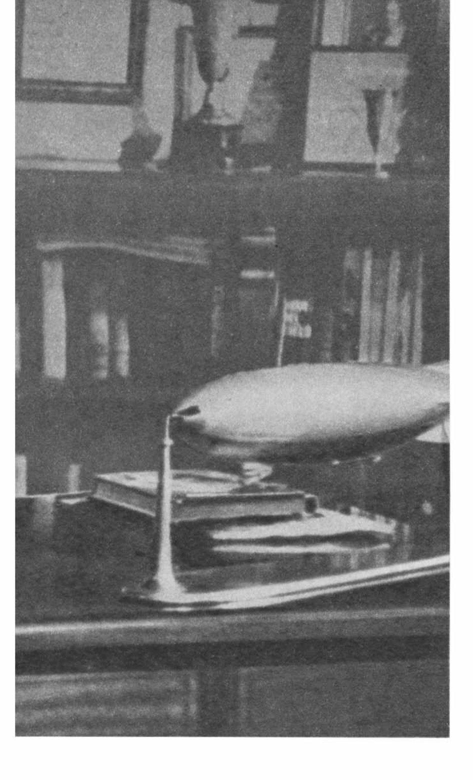
— Шлюпку!—раздалось над водой, и это было первое и единственное русское слово с дирижабля. Матросы вместе с Папаниным бросились в заранее подготовленную лодку, а вслед за ними в последние мгновения метнулся в воздухе Нобиле. И тут мы увидели, как в спешке была принята советская почта и как навалом сброшена была в лодку заграничная— в мешках. Послышались тревожные немецкие голоса, второпях были вытащены из воды брезентовые ведра-якоря. Опасность сразу определилась: из пролива по течению устремились к гондоле узкие, хищно приближающиеся ледяные поля. Их внезапное появление заставило дирижабль быстро приподняться над водой. Он немного повис, чуть задержался и сразу поднялся вверх, а затем его громадное, такое воздушное тело прошло над нами, и мы, словно со дна фантастического аквариума, смотрели на него, закинув головы, как зачарованные. Не верилось, что в глубине таинственной Арктики нас посетило только что ускользнувшее, как сон, видение.

В окрестностях, казалось, еще дрожал серебристый прощальный сигнал гостя. Еще долго не могли успокоиться обезумевшие птицы, черной тучей носившиеся над базальтовой красавицей—скалой Рубини, спугнутые со своих базаров: ведь они тоже впервые увидели дирижабль.

Мы все привычно вернулись к своим неотложным делам; только Нобиле как-то изменился, в его темных пытливых глазах еще глубже затаилась тоска. Он, по-видимому, страдал, будучи не в силах забыть недавно происшедшую с ним трагедию, когда им сконструированный дирижабль «Италия» погиб на его глазах в районе Северного полюса. Это событие переживал весь мир. Пересиливая себя, Нобиле старался находить отрадное утешение в научных работах на «Малыгине», да и само пребывание в бескрайней Арктике исцеляло его душу. С первого же дня он заявил о своем непременном желании стоять на вахтах, вести научные наблюдения, причем очень старательно, даже с излишней аккуратностью вносил в журнал свои записи. Ему очень понравилась наша повседневная товарищеская атмосфера в экспедиции и весь распорядок на «Малыгине», а когда он сошел вместе с нами на берег Земли Франца-Иосифа, то

Умберто Нобиле наблюдает за посадкой дирижабля на воду в бухте Тихой.

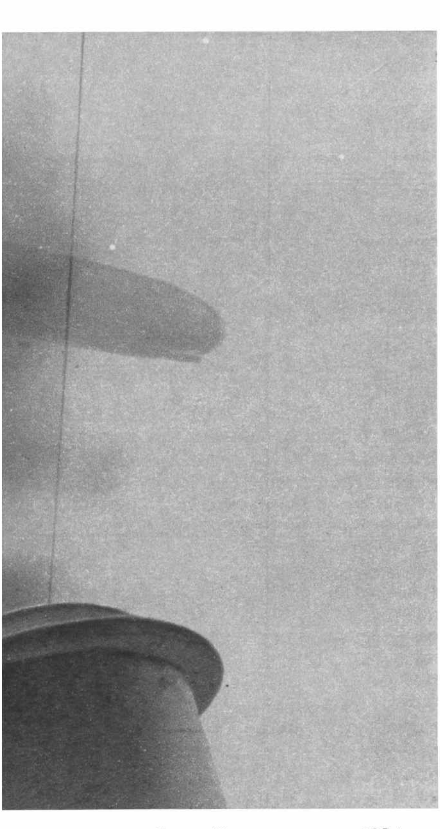

и здесь у зимовщиков бухты Тихой он увидел те же самые характерные черты. Нобиле сидел за праздничным столом, внимательно вслушивался в непонятные ему русские застольные речи и возгласы, но как только хозяева и гости встали в едином страстном порыве и запели международный гимн борьбы и побед «Интернационал», то и Нобиле вместе с нами поднялся, преисполненный необычайных переживаний, и хотя он молчал, глаза же его горели, и по его лицу южанина катились крупные слезы. Это были, как видно, слезы чистой радости, еще не утраченных надежд и неукротимой воли человека, готового на подвиги.

Наша экспедиция пришла к концу. Мы вернулись в Архангельск и тепло расстались с Нобиле. Но вскоре нам стало известно, что по инициативе рабочих московских заводов началось строительство эскадрильи советских дирижаблей и что на «Дирижаблестрое» стал работать в качестве научного консультанта Умберто Нобиле. Спустя некоторое время появились в воздухе один за другим девять советских дирижаблей, и хотя самый крупный из них — «СССР В-6» был по объему раз в шесть меньше немецкого дирижабля «Цеппелин», с которым мы встретились в Арктике, все же этот наш небольшой первенец установил в 1937 году мировой рекорд продолжительности полета, пробыв в воздухе свыше ста тридцати семи часов. Население Москвы восторженно приветствовало свои отечественные дирижабли, проплывавшие в поднебесье. А один из них даже участвовал в Великой Отечественной войне: он совершил около полутора тысяч вылетов, перевез сотни тонн грузов, забирался и в тыл врага.

Однако в 1938 году советское дирижаблестроение было почему-то законсервировано, и теперь в нашей стране нет ни одного дирижабля. Правда, еще остались кадры способных конструкторов дирижаблестроения и пилоты, существуют на общественных началах конструкторские бюро, в которых разрабатываются проекты новых, технически более совершенных дирижаблей, о которых так убедительно говорил К. Э. Циолковский. Ряды энтузиастов растут; их особенно много в Географическом обществе СССР. Запросы идут из северных районов страны, из тундры и тайги, с лесоразработок и нефтяных промыслов, с далеких новостроек и обживаемой целины: многие хотят знать, когда возродится советское дирижаблестроение и чем нужно помочь энтузиастам.

Дирижабль «Цеппелин» в 1931 году прибыл на Землю Франца-Иосифа.

А где же взять средства на постройку дирижаблей? Прежде всего у советского туризма, насчитывающего уже тридцать пять миллионов человек. Это они, любители путешествовать по родной стране, станут первыми пассажирами вновь построенных дирижаблей, чтобы «с птичьего полета» не спеша и внимательно обозревать из конца в конец и по нескольку раз нашу необъятную и богатую державу. Особенно школьники будут рады изучать географию таким сказочным способом: дирижабли могуче расширят их кругозор, усилят горячую любовь к Родине, помогут увидеть ее величавость и щедрость, разожгут у них, молодых хозяев, творческую жажду строителей коммунизма. Ради одной только этой великой цели стоит потрудиться над постройкой гигантов-дирижаблей, похожих на летающие города.

Много у нас научных и хозяйственных организаций, нуждающихся в дирижаблях: это старательные добытчики золота и алмазов, пытливые нефтепроводчики, усердные геологоразведчики, неустанные работники леса... И у них имеется совсем немало средств, и они нуждаются в еще более удобном транспорте. До сорока процентов всех расходов у них поглощает транспорт, поэтому предложите им сэкономить уже в этом году хотя бы незначительную часть своих транспортных средств, чтобы отдать ее в виде паевого взноса на строительство дирижаблей,— они согласятся.

Раздумывая, я вспоминал нашего старого друга, итальянского профессора Умберто Нобиле, которому недавно исполнилось восемьдесят лет. После своего возвращения на родину он подвергся грубым нападкам со стороны реакционеров, упрекавших его в дружеских чувствах к советскому народу... А в 1946 году Умберто Нобиле смело бросил вызов своим противникам, заявив о решении выставить свою кандидатуру на выборах в Учредительное собрание в списке Коммунистической партии Италии, хотя и в качестве независимого. Тогда же от имени коммунистической партии Пальмиро Тольятти обратился к Нобиле с ответным письмом, в котором сказал: «Мы горды тем, что в наших списках стоит имя человека, прославившего страну своим талантом, трудом и мужеством и от которого ожидают многого». В свою очередь, Нобиле в письме, опубликованном римскими газетами, подчеркнул свой «отчетливо социалистический образ мыслей, глубокую симпатию к Советскому Союзу в связи с его достижениями». Он открыто объявил: «В этот решающий момент национальной жизни я желаю принять участие в борьбе бок о бок с коммунистической партией, к которой чувствую себя близким по многим мотивам». И теперь очень важно было бы узнать, что думает Нобиле в наше время о возрождении дирижаблей. На наше обращение к нему было на днях получено ответное дружеское письмо. Оно имеет широкий общественный интерес, поэтому мы его и публикуем на страницах журнала «Огонек».

Говорит Умберто Нобиле

«Поставленные Вами вопросы до некоторой степени сложны, и я несколько затрудняюсь, как лучше ответить на них, но все-таки выскажу свое мнение откровенно.

Можно ли в наше время сверхзвуковых самолетов и космических кораблей утверждать, что дирижабли уже устарели или нет?

Конечно, по сравнению с ныне действующим транспортом дирижабль устарел. Например, вряд ли можно вообразить, что на авиалинии Европа — Америка дирижабли могли бы соперничать с реактивными самолетами, а тем более — со сверхзвуковыми, которые в ближайшие годы станут обычным явлением. Человек сейчас спешит, будь то бизнесмен или, скажем, московский ученый, выехавший в Нью-Йорк на научный съезд или совещание; каждый старается не растрачивать напрасно свое время и вместо океанского парохода предпочитает самолет.

Но есть все же одна область человеческой деятельности, которую я прежде всего назову,— это туризм, и в нем дирижабли смогут играть выдающуюся роль. Если пассажир избрал своей целью только путешествие, то для него не так уж важно экономить время, сколько использовать его со всеми удобствами — насладиться прекрасными картинами природы. Дирижабль — идеальное средство для туризма.

Несомненные выгоды представляет дирижабль и для исследовательских работ, в том числе для полярных экспедиций, хотя здесь и выступает в качестве сильного конкурента вертолет.

Выгодны ли грузовые дирижабли? Да, на дирижаблях можно легко доставлять полезные грузы весом в сотни тонн на весьма значительные расстояния — тысячи километров. Особенно ценны дирижабли для перевозки тяжелых грузов в отдаленные районы, где мало или совсем нет дорог, но куда нужно доставить машинное оборудование и другие крайне необходимые грузы. Известно, что дирижабли могут свободно маневрировать, но все же следует тщательно механизировать на их стоянках наземные работы.

Я думаю, что мы можем мечтать о возрождении дирижаблей, но таких, которые будут особенно пригодны в указанных условиях для перевозки тяжелых грузов на далекие расстояния.

Поэтому надо строить большие дирижабли, которые могут долго, даже много недель, оставаться в воздухе; они, не приземляясь, будут производить ремонт, брать на борт и высаживать пассажиров, принимать и выгружать полезные грузы. В таких случаях для дирижаблей не понадобятся громадные эллинги, достаточно будет причальных мачт.

Из сказанного следует, что дирижабли могут стать одним из самых безопасных видов воздушного транспорта; если возникнет угроза непогоды, то они могут уйти от опасности, обладая огромным радиусом действия.

Конечно, само собой разумеется, что дирижабли, особенно пассажирские, должны быть наполнены невоспламеняемым подъемным газом.

В итоге мы подошли к вопросу об употреблении гелия. Расход его можно будет сильно сократить, если в дирижаблях произвести некоторые технические усовершенствования. Остается решить еще одну задачу, где должен находиться гелий, необходимый для наполнения им впервые дирижаблей. Это — тонкое дело!

Итак, из моих ответов можно сделать выводы: дирижабли лучше всего строить больших размеров; не стоит даже пытаться делать их такими же быстроходными, как современные самолеты; для дирижаблей вполне достаточна скорость в 150—200 километров в час, и эта скорость совершенно реальна. Повторяю, что самое важное для дирижаблей — не скорость, а огромный радиус их действия и их способность доставлять большие полезные грузы на далекие расстояния. В этих главных преимуществах и заключаются бесспорные качества современных дирижаблей.

Рим».

Космос, космос...

Иван ЕФРЕМОВ

Крес — оператор головной антарктической станции ППВ — склонился над графиком, когда голос друга позвал его из глубины экрана. Обрадованный и немного ошеломленный внезапностью, он всматривался в лицо школьного товарища. Такой же и не такой... Они всегда в чем-то изменяются, возвращаясь из далей космоса. Это не штрихи резца времени, неизбежно оттеняющие лица оседлых жителей Земли. Что-то как бы оттиснутое на самой сущности человека, отчего по-иному складывается улыбка и смотрят глаза.

— Не ждал тебя так скоро. Всего два дня, как показывали ваше прибытие. Почему вы сели на старинный космодром Байконур вместо Эль-Хомры?

— Расскажу после. Меня включили на четыре минуты — узнать шифр твоего гостевого канала.

Крес назвал необходимые цифры и добавил:

— Мы можем увидеться сегодня же в двадцать часов по среднепланетному восточного полушария. Подошла моя очередь посмотреть «шесть картин», а ты их тоже не видел. Мне откроют гостевой канал, хоть это и совпало с дежурством в направляющей башне. Кстати, увидишь еще двух старых друзей. Я пригласил нашего Алька — он так и остался художником. И еще будет Та...

— Она уже вернулась с Пяти Темных Звезд? И ты все еще называешь ее по-школьному? А где же Не Та?

— И ее увидишь, потому что она, ее группа нашла шесть картин. Она даст объяснения на выставке в Совете звездоплавания.

Скупо отмеренные минуты истекли. Крес вернулся к графику транспортировки. Громадность задачи не смущала его, участвовавшего в затоплении пустынь Калахари и Намиб в Южной Африке. Теперь предстояло перебросить целое море пресной воды на материк Австралии. Там сотни лет назад нерасчетливое орошение пустынь подземными водами привело к массовому засолению почв, а недра материка могли дать лишь сильно минерализованный кипяток.

Опреснение морской воды не составляло проблемы, но ядовитая дистиллированная вода должна была подвергаться сложной химической обработке. Недавно лишь стало известно, как много веществ, хоть и в самых ничтожных количествах, было растворено в сложной структуре воды — минерала, когда-то считавшегося самым простым. Без этих веществ вода не могла служить жизни, а колоссальные ее количества, нужные для орошения целого материка, требовали столько труда, что не оправдывались ни земледелием, ни скотоводством Австралии.

Как всегда, выход из тупика нашелся раньше, чем думали, и в неожиданном направлении. Изобрели способ переноса водяных молекул в потоках заряженных частиц. Создавалось нечто вроде урагенного ветра, поднимавшегося исполинской дугой в стратосферу и переносившего любые количества воды. А здесь, на ледяном щите антарктического материка, небольшая термоядерная станция давала кубические километры пресной воды.

Совет экономики планеты торжествовал, что отказался в свое время от проекта растопления антарктических льдов и повышения уровня океанов. Незачем было мешать пресную воду с соленой, когда теперь стало возможным излить любое ее количество в любую точку планеты. После промывки засоленной почвы Австралии предстояло затопление Сахары, промывка Большой Соляной пустыни Ирана, создание пресноводных озер-морей в Центральной Азии.

Крес соединился со станцией, запрятанной глубоко в толще льда. Все было готово для создания заряженного потока. Непередаваемо низкое гудение излучателей затрудняло разговор даже в хорошо изолированном помещении главного пульта. Крес включил сигналы предупреждения. Через пятнадцать минут полоса атмосферы между Антарктикой и Австралией в две тысячи километров шириной станет опасной для самолетов на высоте от пятнадцати километров. Западная часть австралийского материка, и без того обезлюдевшая, была эвакуирована несколько дней назад.

Крес еще раз проверил настройку и вошел в крохотную кабинку, молниеносно взвившуюся на 600-метровую башню наблюдения. Некогда люди старались упрятать все наиболее важное под землю — отголосок эпох опасностей и войн. Теперь большинство наблюдательных и управленческих постов находилось на высоких башнях. Считалось, что человек, вознесенный над землей, лучше чувствует себя и как бы стягивается в узел напряжения и внимания.

Комната на башне раскачивалась, но не дрожала под нескончаемым ветром Антарктиды. Гасители вибраций надежно охраняли человека и его приборы. Крес удобно уселся, окинув взглядом четыре больших экрана. В двух крайних виднелись похожие на медленно качавшиеся цветы направляющие башни на островах Макуори и Принца Эдуарда. Их отделяло от Креса больше четырех тысяч километров. Кривизна земной поверхности не позволяла на таком расстоянии увидеть даже высочайшую гору мира — Джомолунгму, но сеть спутников-вреле, вращавшихся синхронно с планетой, обеспечивала любую дальность телепередач.

Долгий вибрирующий сигнал, и башня все же вздрогнула. Крес всем существом почувствовал, как ураганный поток воздуха понесся над голубым озером растопленного льда, подхватывая воду и взмывая вверх с нарастающей скоростью. Через несколько минут животворный ливень обрушится на пустыни Западной Австралии. Одна за другой башни сообщали о прохождении потока. Макуори, Тасмания, Балларат, Мосгрейв... Замыкающая башня на Гранитах докладывает о разрядке потока. Непрерывный каскад льет с неба над половиной материка. Лишь в конце дежурства надо будет снизить интенсивность наполовину, меньше нельзя. Еще не достигнута возможность работы на любом режиме.

Крес оглядел ленты графиков, медленно проползавшие в окошечках приборов. Мелодично и ритмически пели охранители-автоматы. Все хорошо! И оператор переключил боковые экраны на свой личный канал. Ровно в двадцать часов его приветствовали возникшие на экранах друзья.

Только что вернувшийся звездолетчик Ниокан, художник Альк со своей ласковой и беспомощной повадкой удивленного ребенка. Круглолицая Та с контрастом смешливо приподнятых уголков губ и тревожно сосредоточенных глаз. Едва успели они рассмотреть друг друга и обменяться несколькими словами, как на четвертом экране появилась Не Та. Она стояла в круглом помещении под сверкавшим тысячегранником многоканального приемника ТВФ. Это была запись, сделанная около двух месяцев тому назад, и Не Та, конечно, не могла увидеть своих друзей. Она не изменилась. Может быть, стали немного резче ее аскетические черты и ярче горящие глаза библейской пророчицы. Исследовательница древнего искусства не скрывала своего счастья. Действительно, найти среди миллиардов произведений живописи, накопившихся за столетия всеобщего мира на планете, когда ничто не могло разрушить творения искусства, нужные картины было исключительной удачей. Шесть картин, написанных в начальные годы космической эры в России — стране, первой разрушившей устарелые формы общественного строя и первой пославшей спутники и людей в орбитальный облет планеты.

Первая картина изображала космический корабль-ракету, вонзавшуюся в глубочайшую черноту звездного неба над радужной дугой земной атмосферы и голубым сегментом планеты с темными пятнами материков, кое-где проступавшими под серебристым облачным покровом. За кораблем тянулся на тысячи километров бело-радужный хвост газов.

Вторая картина говорила о высадке на далекую планету, где высокая цивилизация создала странные сооружения, устремленные в полосы сверкавших звездных скоплений глубокого, лишенного атмосферы небосвода.

Третья — в синевато-зелено-серебристой гамме прозрачных красок показывала высадку на холодную планету типа Урана или Нептуна. Гигантские хрустальные иглы застывшей до твердости стали воды, аммиака и метана светились, заграждая черноту неба. С верхушки ракетного корабля звездолетчики опускали на прозрачном баллоне какую-то неуклюжую машину, очевидно, самоходное устройство.

Дальше — Венера. Ее электрические смерчи, пронизанные стремительным полетом космического корабля. Его белый след прочертил грозное фиолетовое с лиловыми полосами небо и пересек зелено-голубое сияние смерчей над фиолетовым океаном.

На пятой картине автоматическая ракета летела в метеорном потоке, извергавшемся ей навстречу из глубин сине-лилового неба. Ярко-желтые вспышки метеорных ударов озаряли стальное, с багровыми отблесками тело ракеты.

И, наконец, последняя из шести картин, вся в калено-желтых, оранжевых и багровых тонах, показывала круглое озеро огненной лавы, может быть, жерло вулкана, проплавившее поверхностный слой шлака, изборожденный мелкими трещинами. Три космонавта в термозащитных скафандрах бесстрашно стояли около озера, у транспортной машины или, может быть, временной наблюдательной станции.

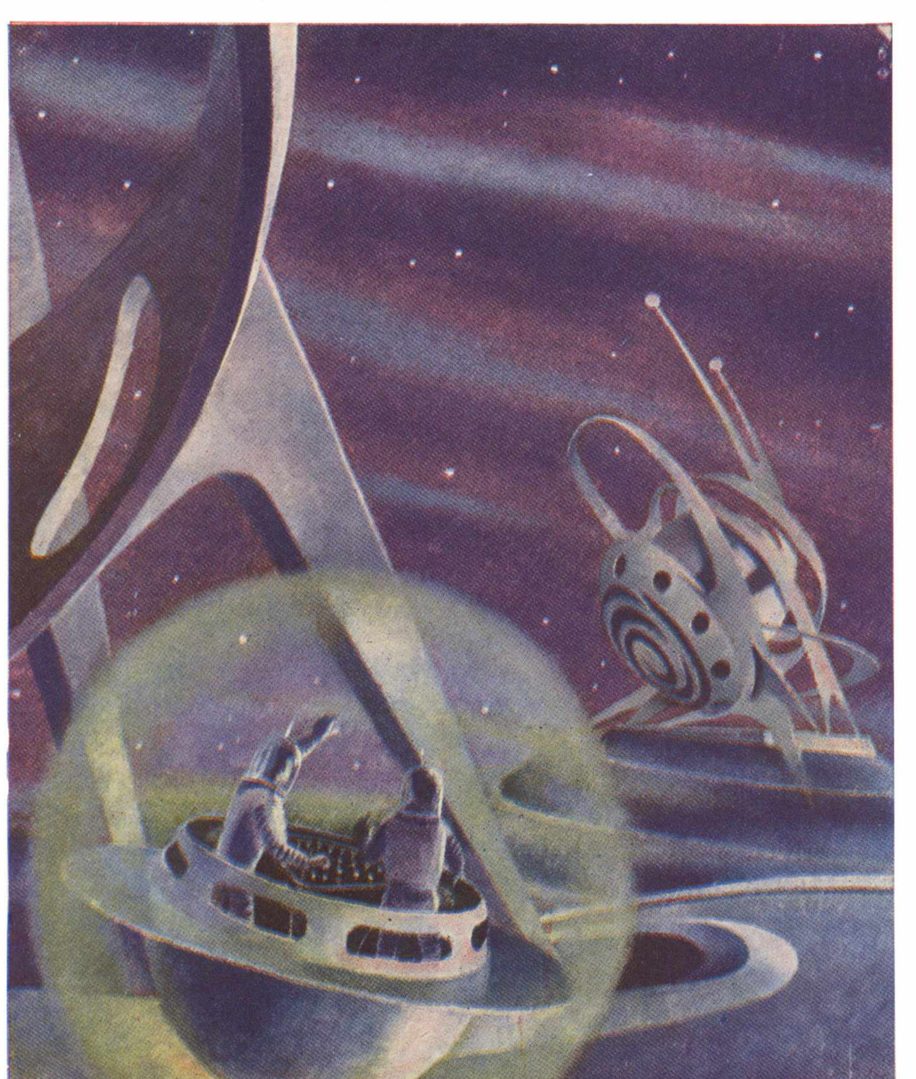
Медленная череда древних картин повторилась еще раз. Затем экран показал отдельные детали живописи и угас, предоставив зрителям по-своему пережить встречу с картинами русского художника.

* * *

Крес усилил подачу направляющего тока и терпеливо ждал окончания бури, стараясь представить себе людей прошлого — первых покорителей космоса.

А. Соколов. НАВСТРЕЧУ СОЛНЦУ.

В МИРЕ НЕЗЕМНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

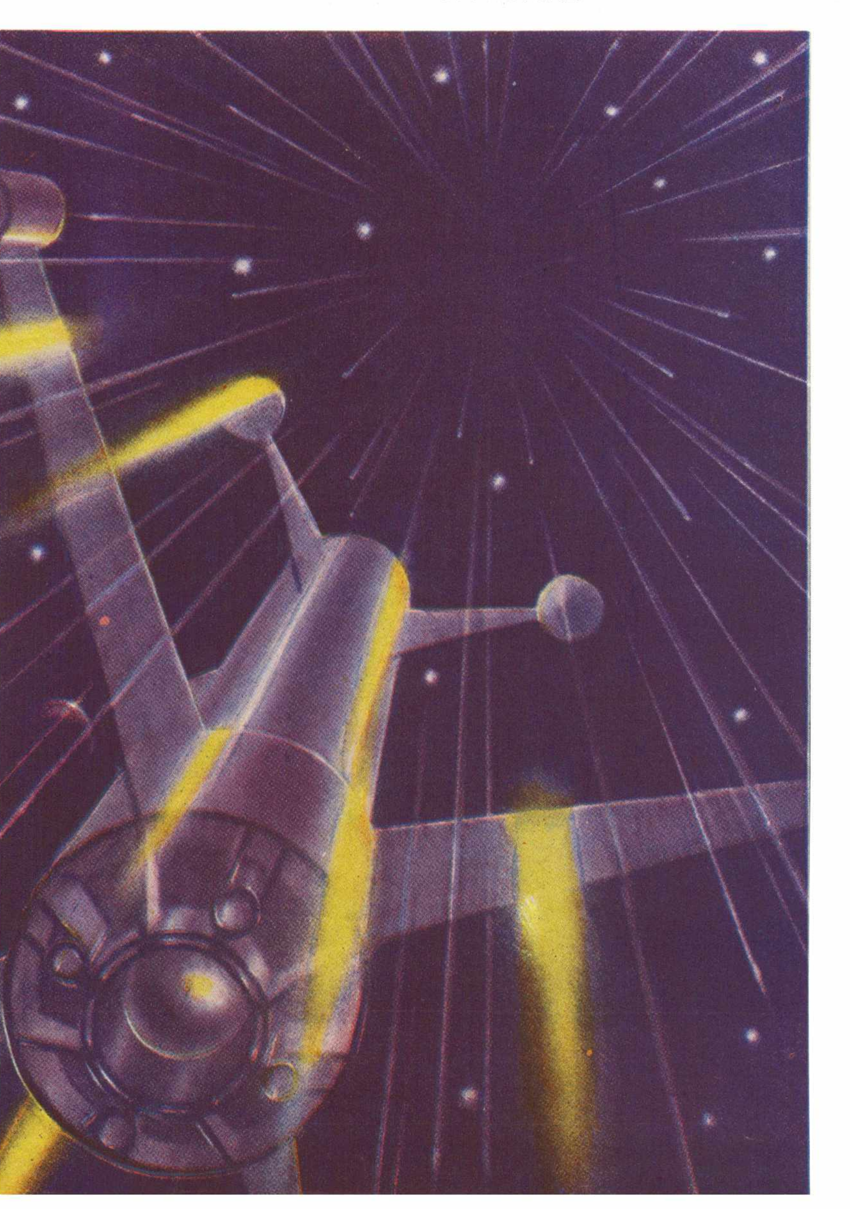

НА ЛЕДЯНОЙ ПЛАНЕТЕ.

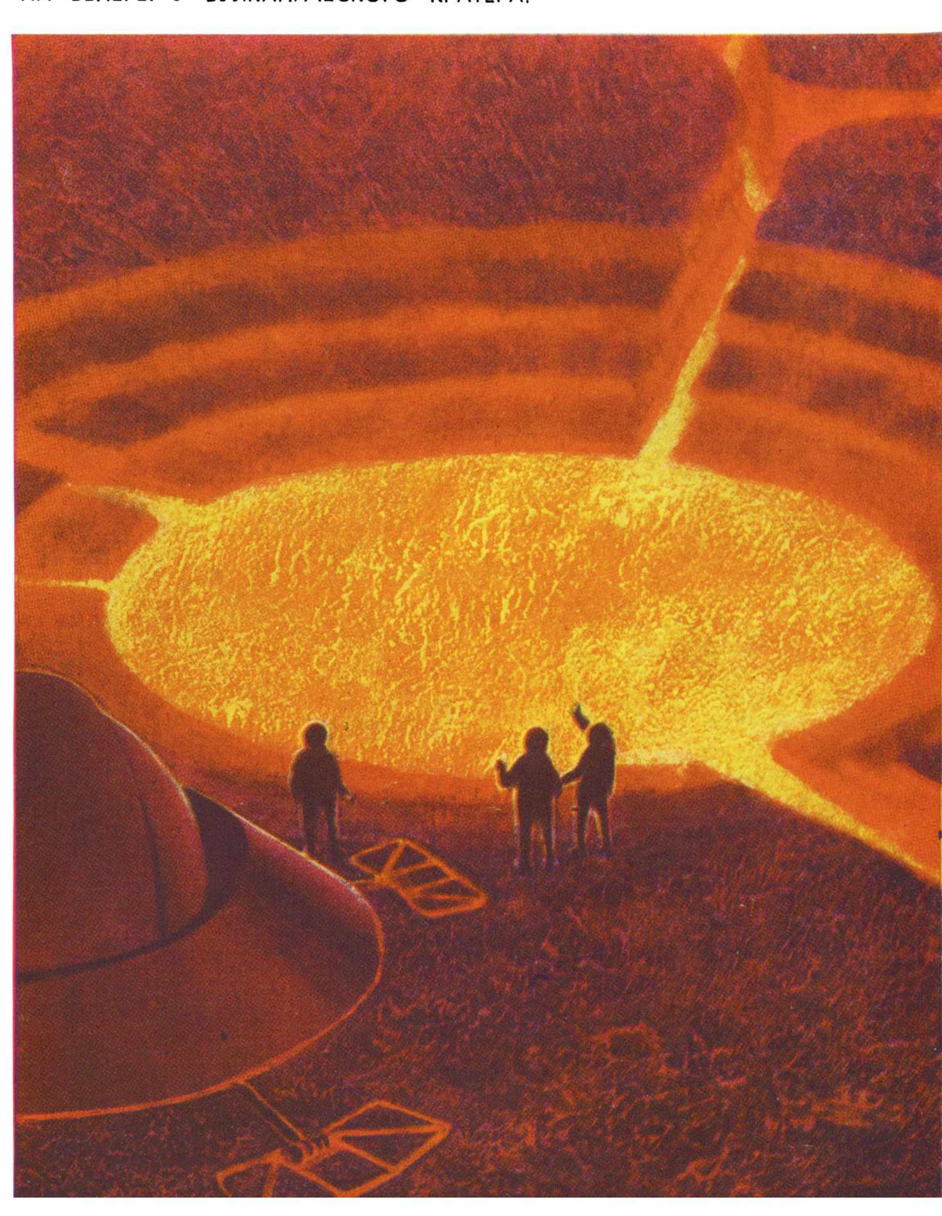

А. Соколов. ПЛАНЕТА ГОЛУБОГО СОЛНЦА. СМЕРЧИ-МОЛНИИ.

РАКЕТА В МЕТЕОРИТНОМ ПОТОКЕ.

НА ВЕНЕРЕ. У ВУЛКАНИЧЕСКОГО КРАТЕРА.

Письмо в редакцию

ДУМАТЬ ТОЛЬКО О СЕБЕ — ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ СКУЧНЕЕ!

Дорогая редакция! У меня много друзей чудесных, но все они не рядом, а порой нужен друг сразу, сегодня же.

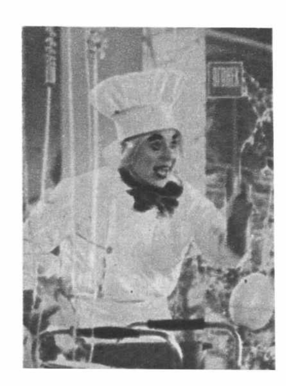
А здесь девушки ничего, хорошие. Одна мне нравится, но я никак не найду с ней общего языка. У нее скверный характер, а душа хорошая. Представляете, в человеке два человека. Снаружи — ерш, внутри — душа. У нас много общего, но есть и существенные различия. Она все хочет переделать меня на свой лад. Говорит, что мне надо было родиться столетием раньше, когда жили люди чувствами, думали не только о себе, но и о ближнем. А сейчас, мол, XX век, век действий, решений, эгоизма, ни о каких чувствах и речи быть не может.

Я ей доказываю противоположное. Ведь жить без чувств — значит быть равнодушной ко всему. Сидеть рядом с товарищем и не увидеть, что он чем-то расстроен или чему-то рад,— это ведь равнодушие. Я его боюсь, как чумы.

Мне кажется, равнодушный человек не живет, он мертвый. Ведь его сердце никогда не волнуется ни от чего и ни за кого. А думать только о себе — что может быть скучнее?! Хотелось бы, чтобы я всегда нужна была, чтобы всегда обращались ко мне за советом, с радостью, с горем. Наверное, для этого мало иметь доброе сердце, нужно быть мудрой и знающей и, наверное, забыть совершенно свое «я». А я нет-нет да и ношусь со своим «я». Ведь иногда хочется, чтобы и о тебе подумали, проявили бы кое-какие чувства. Может быть, я не права?

ЛАРИСА Р.
г. Куйбышев.

От редакции:
А ваше мнение, дорогие читатели!

ИСКУССТВО СМЕХА

Вы замечали, как смеются люди, когда на арене цирка появляется Олег Попов? Нет, это не тот смех, которым встречают просто удачную шутку, остроту, забавный трюк, а такой, когда смеются всем существом. А потом, при одном только воспоминании, вдруг опять неожиданно заливаются смехом, конечно, на удивление всем окружающим...

Если принять утверждение специалистов, что смех продлевает жизнь человека, то можно представить, сколько человеко-часов и человеко-дней отвоевал для людей у вечности длинноволосый веселый клоун в несуразной клетчатой кепке, а теперь поварском колпаке!..

Во время гастролей О. Попова в Филадельфии пресса с удивлением отмечала, что смех неожиданно стал всеамериканским явлением. Тогда же произошел забавный разговор Олега с одним, по-видимому, не очень умным репортером.

— Скажите, вы, конечно, заставляете так смеяться зрителей только за рубежом?

— Почему? — удивился Олег.

— Но разве русские умеют смеяться?..

В ответ Олег засмеялся так, что опять все вокруг захохотали. И это было лучшим опровержением злой выдумки...

В самой природе комического, которым так щедро наделен О. Попов, много чисто русского: какая-то милая застенчивость простого, доброго человека, непосредственность и наивность чудака. Но этот чудак, оказывается, с непостижимой легкостью умеет жонглировать, показывать фокусы, ходить по проволоке.

С первого же выступления Попова, сначала в Саратове, потом в Риге и Москве, зрители почувствовали, что этот клоун удивительно близок им, есть в нем нечто родное. Популярность артиста росла с невероятной быстротой. Сейчас нет ни одного эстрадного самодеятельного коллектива, в котором не было бы своего Попова, а то и сразу нескольких!.. Представляете, сколько писем получает Олег с просьбой поделиться опытом, выслать репертуар, объяснить тот или иной трюк!

Впрочем, трюк поставить нетрудно. Но можно ли научить искусству смеха?..

Давайте заглянем в артистическую гримерную Попова в то время, когда он репетирует. Может быть, какие-то секреты нам и откроются...

Гримерная больше похожа на мастерскую. Вот верстачок, на котором сам артист лихо мастерит свой реквизит. Стружки так и летят! Не то, чтобы Олег Попов не доверял другим,— просто он любит сам возиться с вещами. А при этом и насвистывает и напевает, а потом раз — прошелся колесом! Остановился, глаза к потолку поднял, рот от удивления открыл, замер... Похоже — не репетирует, а играет в какую-то игру просто для себя, от избытка энергии.

Впрочем, это не кажется, а так и есть на самом деле. Так всегда бывает у настоящего артиста: он не «забавляет» публику, а порой совсем забывает о ней, поглощенный очередным фокусом. А эта открытая, милая улыбка Олега, о которой так много говорят критики, возникает на лице клоуна не наигранной, не отрепетированной заранее у зеркала — она настоящая. Такой уж этот клоун сам по себе.

А вы знаете, как называется новая его программа?

«Лечение смехом. Главврач О. Попов».

В успехе «лечения» можно не сомневаться! В сущности, лечение-то это уже испытано, не раз испробовано!

Л. ОСИПОВА

СЧАСТЛИВЫЙ ДАР

Исполнилось пятьдесят лет писателю Борису Зубавину. В литературу он пришел с фронта. В 1944 году в журнале «Знамя» были напечатаны первые его рассказы. Прочитав их, известный поэт Николай Тихонов сказал: «Зубавин стоит того, чтобы на него обратили внимание».

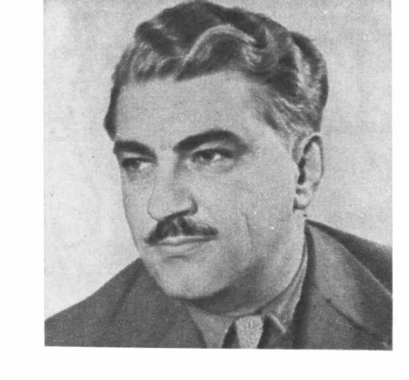
А Зубавин тогда еще командовал стрелковым батальоном...

Вернувшись с войны, он несколько лет работал спецкором журнала «Огонек», много ездил по стране, а потом целиком отдался литературному творчеству.

С тех пор у Зубавина вышло более двадцати пяти разных книг. Самое главное в этих книгах — современность, горячее дыхание нашей жизни. Зубавин пишет о том, что окружает его, волнует и властно стучится в сердце. Жизнелюб по натуре, он щедро одаряет людей своей радостью. Радость — самое естественное состояние его души. К радости стремятся и достигают ее герои повестей и рассказов Бориса Зубавина. Он несет читателю заряд бодрости и душевной энергии в своих светлых повестях и рассказах и в журнале «Наш современник», главным редактором которого работает в настоящее время.

Приносить людям радость — счастливый талант. Борис Зубавин в расцвете его.

В. ПОЛТОРАЦКИЙ

ЧЕТЫРЕХКРАТНАЯ...

Лавровый венок был уже в комнате советских спортсменок, а его хозяйка все еще не могла пробиться сквозь мощный затор финских любителей коньков, желающих получить автограф. Девушки бережно рассматривали дорогой трофей, и вдруг Валя Стенина сорвала листочек: пусть останется на память об Оулу. А за ней потянулись к венку и другие спортсменки, но старший тренер Елена Степаненко взмолилась:

— Девчата, оставьте что-нибудь Инге!

Стенина успокоила:

— Мы рвем с тыльной части. Все равно на стенке ему висеть.

Что ж, Стенина знает, как хранятся лавровые венки. У нее самой дома два да один супруга — Бориса, экс-чемпиона мира по конькам.

Когда Инга вернулась, она не заметила, конечно, «потерь». Пройдут зимы, венок обретет холодность музейной реликвии, но он все равно будет особенно дорог Инге Ворониной, этот четвертый в ее коллекции. По три имели и другие спортсменки, но никто еще из женщин не выигрывал звания чемпионки мира по конькам четыре раза!

А добиться победы на сей раз было, пожалуй, потруднее, чем в предыдущие годы. Случалось и прежде, что зарубежные соперницы отбирали по нескольку медалей, и даже золотых, за победу на отдельных дистанциях, однако, когда заканчивались состязания по многоборью, неизменно общую победу одерживала советская спортсменка. И вот у наших скороходок появилась достойная соперница. Двадцатишестилетняя машинистка из Нидерландов Стин Кайзер показала третье время на дистанциях 500 и 3 тысячи метров, а в беге на 1 500 метров завоевала серебряную медаль.

Куда только не забрасывала судьба спортсменок! Но на сей раз — почти к Полярному кругу. Оулу — самый северный город, в котором приходилось когда-либо разыгрывать первенство мира. Его называют Белым городом, потому что летом почти не заходит солнце, а зимой светло от снежной белизны.

Нет необходимости пересказывать, как сложилась борьба на ледяной дорожке. Это вы видели по телевизору и прочитали в газетах. Напомню только, что Инге Ворониной суждено было на всех дистанциях стартовать в первой паре, и тем не менее три ее выстрела попали в золотые медали. А в итоге — лучшая сумма очков (198,583 очка) и звание чемпионки мира. На втором месте осталась двукратная чемпионка мира Валентина Стенина из Свердловска, а бронзовую награду получила Стин Кайзер.

Н. КИСЕЛЕВ

Оулу.
По телефону.

«Чайка» на советской выставке в Нью-Йорке.

Поля колхозные, поля бескрайние...

Kristall

БО РАБОТАЕТЕ, ГОСПОДА !

Западногерманский журнал «Кристалл» не впервые предлагает своим читателям репортажи о жизни советских людей. И каждый раз с удивительным постоянством подбирает такого рода «темы» и «факты», от которых еще издалека попахивает мусорной свалкой. В этом отношении очерк Рольфа Винтера, опубликованный в № 3 за этот год, мало чем отличается от других подобных материалов «Кристалла». Что его отличает, так это крайняя примитивность и грубость пропагандистских приемов, от которых давно уже были вынуждены отказаться даже самые оголтелые буржуазные журналисты. Не потому, что они стали лучше относиться к Советскому Союзу, а потому, что слишком много фактов о нашей стране стало известно читателям Запада, и уже нельзя теперь так бесстыдно и грубо врать, как это делалось. Что касается издателей «Кристалла», то, как видно, они несколько подзадержались в своем развитии, отстали от времени и явно не замечают реальной опасности на глазах у своих читателей усесться в грязную лужу...

Начнем с иллюстраций «Кристалла», которыми он хочет привлечь внимание читателя. Фотоснимки Ханнеса Бетцлера к репортажу Рольфа Винтера поданы крупно, броско, на четырех журнальных разворотах. В чем же, судя по этим снимкам, «Кристалл» хочет наглядно убедить читателя?

В том, что в Советском Союзе на колхозных полях преобладает ручной труд.

В том, что выставки достижений народного хозяйства в Советском Союзе пустуют, потому что эти достижения никого не интересуют.

В том, что множество телевизионных антенн на московских крышах свидетельствует только о жилищном кризисе в Москве.

В том, что облик сибирских городов, в частности Иркутска, со времени царизма совсем не изменился. Города остались такими же: бревенчатые дома, огороженные гнилыми заборами, проселочная немощеная дорога вдоль домов и т. п.

В том, что на великолепной набережной Волгограда нет автомобильного движения. Только изредка прогрохочет по ней телега, запряженная понурой клячей.

В том, что религиозных людей в Советском Союзе всячески тиранят и притесняют.

В том, что для советских людей американский «бьюик» «более привлекателен, чем коммунизм» (!).

По такому же принципу, как отобраны фотоснимки, написан и репортаж Рольфа Винтера. Он пишет не о том, что является преобладающим и характерным в жизни советского человека, а о том, что издатели «Кристалла» заранее поставили целью репортажа. Рольф Винтер совсем не замечает главных явлений, которые видит каждый зрячий, приезжающий из-за рубежа в Советский Союз. Зато с фанатическим упорством разыскивает по темным углам мусор и грязь, всякого рода «пороки» и «изъяны». В тех же случаях, когда Рольфу Винтеру не везет и «факт», о котором «Кристалл» собирался писать, уже совсем исчез из нашей жизни, журналист не стесняется прибегнуть к древнейшему приему желтой прессы: он попросту врет.

Свой репортаж Рольф Винтер начинает, конечно, с Красной площади. С первых же строк нагнетает он пелену этакой мрачной таинственности, намекает на всякого рода кошмары и ужасы «коммунистической диктатуры». «На этой площади,— пишет он,— стоят на страже полицейские и дружинники — добровольные помощники полицейских с красной повязкой на рукаве штатского костюма. Они смотрят за тем, чтобы никто не пересекал Красную площадь и чтобы никто не вошел в Кремль с сумкой или пакетом, потому что в них может оказаться взрывчатка».

На длинную вереницу людей, протянувшуюся к Мавзолею В. И. Ленина, репортер «Кристалла» рекомендует не обращать никакого внимания: так много людей здесь никогда бы не собралось, если бы не был распущен слух о предстоящем закрытии Мавзолея.

Гораздо важней, по мнению Рольфа Винтера, обратить внимание на некоего «благородного юношу», который стоит около ГУМа и, «опасливо озираясь на полицейских», тихо спрашивает проходящих мимо иностранцев, не продадут ли они ботинки, костюм, галстук, жевательную резинку или сигареты.

«Благородный юноша» может попасть на «сибирскую каторгу», но он вынужден так рисковать потому, что ГУМу, «очевидно, нечего предложить для молодых людей». Рольф Винтер не знает, точно ли так, и пишет: «очевидно». Между тем, если бы репортер «Кристалла» хотел узнать об этом точно, он поднялся бы на третий этаж в дирекцию ГУМа и получил бы развернутую справку. Тогда бы он обнаружил, что дневной оборот магазина-гиганта составляет около миллиона рублей, что в его ежедневном реестре более 800 тысяч названий товаров. Галстуков, к примеру, продается в день полторы тысячи штук, причем более 300 разных расцветок. Носков — 5—6 тысяч пар, в том числе достаточное количество импортных: из Японии, Югославии, Бельгии, Чехословакии и... ФРГ! Да, из ФРГ тоже! Спрашивается, зачем «благородному юноше» идти на «сибирскую каторгу», если он может купить себе такие же носки в одной из 6 специализированных секций ГУМа?

Будь у Рольфа Винтера искреннее желание узнать факты, он, конечно, мог бы легко получить их у администрации ГУМа. Но дело-то как раз и заключается в том, что ему нужны не факты, а явно случайная фигура «благородного юноши».

Фигура «благородного юноши» понадобилась Рольфу Винтеру для совершенно нелепого, но зато широчайшего обобщения: «Их (сиречь «благородных юношей») существование доказывает, как тяжело коммунистам создать классовосознательных, гордых и непоколебимых «новых коммунистических людей».

Конечно, читатели «Кристалла» догадываются, что в Советском Союзе, кроме дюжины «благородных юношей», живут миллионы молодых коммунистов, комсомольцев и пионеров. Но Рольф Винтер не затрудняется в объяснении этого факта.

«Поскольку,— пишет он,— коммунисты не доверяют семье, они форсируют строительство школ-интернатов с тем, чтобы иметь возмож-

ность постоянно держать детей под контролем партии.

Поскольку им, очевидно, недостаточно муштровать детей политически с девяти лет, они создали для семилетних объединения «октябрят».

Поскольку студенты все время проявляют склонность освободиться от объятий партии, она создала в университетах плотную сеть партийных кадров. Большинство студентов живет в общежитиях, «где господствует комсомол».

Как видите, все очень просто! Так вот — поточным методом — и делают коммунистов! (Вероятно, в своих последующих очерках Рольф Винтер будет объяснять растущее число коммунистов и комсомольцев тем, что советским младенцам еще в родильном доме вкладывают в черепа специальные, изготовленные фабричным способом коммунистические мозги!)

С такою же неуклюжестью базарного фокусника Рольф Винтер «доказывает», что советской молодежи вообще чужда и ненавистна коммунистическая идеология.

Во-первых, многие молодые люди хорошо, по моде одеты. Во-вторых, девушки носят высокие прически. (Правда, как утверждает Рольф Винтер, их за это штрафуют.) В-третьих, студенты в Советском Союзе среди прочих авторов читают романы Хемингуэя, Стейнбека и Генриха Бёлля.

Предвидя, что читателям «Кристалла» этих «аргументов» может показаться недостаточно, Рольф Винтер добавляет еще один, уже совершенно «неопровержимый»: оказывается, киевские студенты, готовясь к экзаменационной сессии, приходят на берег Днепра, к памятнику князю Владимиру. К святому! В руках которого православный крест!

Как же после этого читателю «Кристалла» не поверить, что у советской молодежи нет никакой симпатии к коммунизму? Тем более что компетентный автор, не утруждая себя подбором фактов, опять размашисто обобщает: «Миллионы советских людей еще поют «Господи, помилуй». (Компетентный автор пишет: «Господин, помилуй».)

Те же, кто не поет «Господи, помилуй»,— пьяницы и воры. Перечислив несколько уголовных преступлений, о которых в последние годы писали советские газеты, Рольф Винтер снова и снова обобщает: «...Попытка коммунистов воспитать из своих граждан «нового человека» до сих пор не принесла убедительных результатов», «Новый человек заставляет себя ждать». Последние слова Рольф Винтер повторяет несколько раз и ими же заключает свой трехполосный очерк.

Конечно, можно было бы спросить Рольфа Винтера: почему, малоуважаемый господин, вы решили искать нового человека среди кучки мелких барахольщиков, среди религиозных старушек, среди отгородившихся забором рыночных спекулянтов и осужденных советским судом уголовников? Не вернее ли искать нового человека на крупнейших новостройках, в университетах, в новосибирском Академгородке, в сельских Дворцах культуры или на учебных космодромах?

Но такой вопрос был бы слишком наивен. Ведь господа из «Кристалла» не только не искали в Советском Союзе нового человека, а бегали от него, как черт от ладана. Да и как им было не бегать? Ведь наша правда для них так горька!

Л. СТЕПАНОВ

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ФАКТОВ, ОКАЗАВШИХСЯ НЕПРИГОДНЫМИ ДЛЯ МАНИПУЛЯТОРОВ ИЗ «КРИСТАЛЛА»:

Парк уборочных сельскохозяйственных машин в СССР составляет больше 1 миллиона единиц.

На Выставке достижений народного хозяйства за последние 5 лет побывало 35 миллионов человек.

Только за 1964 год переселилось в новые квартиры и дома и улучшило свои жилищные условия более 10 миллионов человек.

В Иркутске за годы Советской власти жилой фонд увеличился в шесть раз, в основном за счет строительства каменных домов. До революции в Иркутске не было высших учебных заведений. Теперь в городе 40 тысяч студентов.

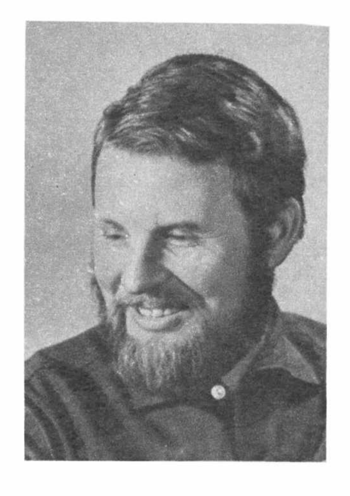
В Волгограде более 17 тысяч автомашин и только 400 рабочих лошадей.

Красную площадь можно пересечь в любом направлении. При входе в Кремль никого не обыскивают на предмет обнаружения «взрывчатки».

Фото А. Узляна и ТАСС.

Вот он — Новый человек! Это самая свежая фотография, которую только что привез в «Огонек» из командировки наш корреспондент А. Узлян. И люди на ней — самые обычные, с нашей точки зрения. Зато господа из «Кристалла» этот снимок могут посчитать уникальным. Какую броскую подпись можно дать: «Коммунистические агитаторы»! О том, как, за кого и за что они агитируют, мы расскажем в ближайшем номере нашего журнала.

Лада

* * *

Речь бойца должна быть ясной!
Говорится так не зря.
Все неясное погасло
В быстрине календаря.

Лишь болото за туманом
Прячет вязкое нутро
И рекою разливанной
Манит путника хитро.

Речь бойца должна быть чистой
И прямой, без закавык,
Как граненый, как лучистый,
Знаменитый русский штык.

Речь бойца должна быть краткой,
Меткой! Выстрелу под стать.
Тот поет краснó и гладко,
Кому нечего сказать!

Речь бойца должна быть мудрой,
Чтоб не каялись потом
Те, кто рвется синим утром
Вслед за ним в горящий дом!

Это речь не дипломата,—
Не ищи пути назад!
Не склоняйся виновато!
Стой, солдат! Умри, солдат!

Олений лес

По дороге
Оленьего леса
(Так он звался во все времена)
То из камня, а то из железа,
То пятнисты, а то без пятна,
То припав на худые колени,
То устало, как после боев,
Неподвижно застыли олени,
Словно думая что-то свое.

Но давно этот лес не олений —
Только ржавые гильзы в пыли,
Дубняка поредевшие тени,
Да горчит от горелой земли.

У дороги железо и камень —
Как навеки застывшая боль...
О судьба! Будь поласковей
с нами:
От такого бессмертья уволь!

Сказка

Одевайся, доченька, попроще.
Главное, была бы чистота!
Мы пойдем в березовые рощи,
В дивные и тихие места.
Расскажу тебе лесную сказку...
Видишь, как ромашки расцвели,
Как стрекозы затевают пляску,
Радуются радостью земли?!

Слышишь — над гречихою
душистой
Пчелы хлопотливые поют,
Жаворонки в небесах повисли,
Весело кузнечики куют?!
... Это все, ты знаешь ли, откуда?
Люди оставляют, уходя,
Доброту. Она восходит чудом —
От цветов до теплого дождя!

Злоба превращается в поганок,
Волчью ягоду и солончак,
На свою охоту спозаранок
Гадом выползает натощак!

Доченька, смотри позорче в оба:
Если б верх над добротой взяла
Радость убивающая злоба,—
Вся б земля колючкой заросла.

И луга и водопады света —
Все от доброты и от любви!..
А пока — дыши листвой нагретой,
Рви цветы и бабочек лови!

Зима

Соглашаться вам не стоит,
Но за воздуха глоток,
Что морозами настоян
В свой лучистый снежный срок,
Уступлю я месяц знойный
С жаркой лаской его...
Хоть сознаюсь: и весною
Время тоже ничего!

За клочок пушистый снега,
Отлетевший от сосны,
За разбуженное эхо
Средь искристой тишины,
За веселый скрип деревьев
И за дятла, что долбит
И долбит, топорща перья,—
И когда он только спит?—
За узоры лапок птичьих
На снегу, что светел весь,
За лыжню, впервые нынче
Нарисованную здесь,
Уступлю дороги лета,
Лес пронзившие насквозь,
Голубиные рассветы,
Дождь, секущий вкривь и вкось...
Уступлю, не надо спорить!
Я такую речь веду,
Чтоб иного подзадорить,
Кто с зимою не в ладу!

Девичник

У зеркала девчата вертятся,
Свое заветное тая,
И собственным глазам не верится:
«Какая я, какая я!»
По восемнадцать им, не более.
Предчувствий сладостных полны:
Не сдержишь никакою волею
Приход назначенной весны!
Сирень в окно духмяно клонится.
Изба натерта для гостей.
Но снова впереди бессонница
И сумасшедший соловей.

Стемнеет, опустеют улицы,
Погаснут редкие огни...
Мечты о суженых закружатся,
Но сбудутся не все они.
Частушки спойте о миленочке,
Как, отслужив, он в гимнастерочке
Колхоз сторонкой обойдет,
Цементный изберет завод.
... Наряды уберите, девушки!
Девичник кончился опять.
На сеновал ступайте дедушкин —
Ведь завтра затемно вставать!

* * *

Приносит женщина цветы,
Кладет на холмик к изваянью
И на скамье до темноты
Сидит с минувшим на свиданье...
Припоминается, видать,
Как он, что óтлит из металла,
Умел цветами осыпать
Ее, красивую, бывало...
Ей слышится весенний смех,
Живой, а не такой холодный,
Как этот налетевший снег,
Скульптуру облепивший плотно...

Платить цветами за цветы...
О, если б каждая умела!
А ты? Не поскупишься ты
Мне принести ромашек белых?!

* * *

Ветер стукнет калиткой,
Шторы тронет края...
Я — к окошку: накидка
Мне приснилась твоя...

Дождь ударит по жести,
Пробежит он травой...
Не сидится на месте,
Шаг мерещится твой.
Чуть дворняга забрешет,
Открывать я бегу...
Но рассвет уже брезжит,
Крыши в первом снегу.

Стынет ужин на блюде —
Разогрею еще!
А тебя уж не будет.
...Что-то зябнет плечо.

Хозяин

Ходит старикан. Да что там ходит!
Еле ноги ставит старикан...
Постоит в весеннем огороде
И на грядке выдернет бурьян...

Подойдет к трухлявому забору —
Гвоздик из кармана достает...
Яблоньку окинет долгим взором
И рогулькой ветку подопрет.
Руку козырьком — глядит на
кровлю:
Жухнет дранка, почернел карниз...
И дровишками неплохо б вволю
На зиму пораньше запастись...

От зари и до зари хлопочет.
Надобно хозяину успеть
Поддержать и самому упрочить
Каждую расшатанную жердь.

Что ж, родимый, наводи порядок!
Торопись! И слаще будет спать!
Только с отдыхом спешить
не надо.
Погляди: сорняк растет опять!

В зоомагазине

Уж так ли соловей в цене!
Еще не запоет он в клетке,
Хотя в зеленой стороне
Дивил народ напевом редким!
И то сказать:
куда верней
Не столь вольнолюбивый кенарь!
Он может петь, как соловей,
И под дрозда настроит тенор,
Чижом зальется, наконец,
Сумеет и чирикнуть тоже!
Ведь вот талантливый, стервец!
И как все ловко, как похоже!
Он в настроении всегда,
Нос от кормушки не воротит.

...Купили кенаря. Да, да!
Подделки исстари в почете!

Снег

На молоденьких ветвистых соснах
Медвежата белые снуют,
Кувыркаются в тиши морозной,
Лапу мягкую в лицо суют...

Белые, как лебеди, слонята
Опускают хоботы к земле.
И щенята смотрят виновато —
Шерстка тоже белого белей...

В гнездышках игольчатых
зайчишки
Солнечной лесною чистотой
Умываются, намылясь шишкой...

...Говорю себе: «Вот здесь постой!
Выгреби патроны из карманов!
Все обиды выбрось из души!
Ты значенье придавал им?
Странно!
С кем-то счеты? Что ты, не
греши!»

Вдруг я вижу, крадучись,
неслышно
Подползает человек с ружьем.
Я хотел патроны вон... Не вышло!
Что ж, пускай лежат.
Прибережем!

Алексей МАРКОВ

Смешки

Не надо обращать внимания
На легкомысленный смешок,
Когда стоишь ты в ожидании
И серебрит виски снежок.

На циферблате стрелки нервами
Дрожат, и закричишь вот-вот...
Хоть знаешь: не придет наверное,
А говоришь: «Придет! Придет!..»

Не надо обращать внимания,
Когда, собою упоен,
Иной готов на поругание
Отдать присутствие твое.

Что б ни сказал — глаза, как
олово,
Не слышат, сквозь тебя глядят,
Или измерит, словно голого,
Иронизирующий взгляд.

Не надо обращать внимания,
Когда споткнулся ты, упал,
А кто-то в человечьем звании
Так весело захохотал!

...Ты поднимись! Пройди
упрямыми
Шагами сквозь колючий лед!
Кто сам исполосован шрамами,
Над шрамом не смеется тот!

Тот, у кого душа изранена,
Болеет болями других.
Не надо обращать внимания,
Вниманьем возвышая их!

Лада

Лада моя, лада,
Надо мной не стой.
Ничего не надо —
Справлюсь сам с бедой!

Не впервой такое,
Знаю, как мне быть.
Дай босой ногою
На траву ступить!

Лада моя, лада,
Только бы привстать,
Яблоневым садом
Подышать опять...

Только бы умыться
Волжскою водой,
Только б всласть напиться
Свежести лесной!

Петухов услышать
Ранних на дворе.
Увидать над крышей
Дымку на заре.

И пройдет усталость,
Черт ее дери!
...Тишины бы малость.
Окна затвори!..

„Снегурочка" в Дании

Аллан ФРЕДЕРИЦИЯ,
директор Орхусского датского театра

У дома бобыля.
Снегурочка — Улла Бритта Ёргенсен. Бобылиха — Мари Бринк, Бобыль — Берге Хильберт.

Сейчас в Дании три постоянных театра; в последние годы в их репертуаре наряду с пьесами отечественных авторов большое место занимает иностранная литература. Чаще, чем на других сценах, произведения зарубежных писателей ставятся в театре города Орхуса, второго по величине города Дании. Труппа старается наверстать упущенное и знакомит своего зрителя с мировой драматургией.

В прошлом сезоне свет рампы увидели «Войцек» Бюхнера — 150 лет совершал он путь из Германии на датскую сцену — и «Снегурочка» Островского.

Творчество великого русского драматурга А. Н. Островского меня привлекало и раньше. В 1954 году я познакомил с ним датского зрителя, показав «Лес». Спектакль этот ставился в «Андельстеатре» — кооперативном театре, который разъезжал с ним по городам нашей страны. «Лес» обогатил представление датчан о русской драматургии. Раньше они знали ее только по пьесам Чехова, Тургенева и особенно — в начале этого столетия — по произведениям Толстого.

И вот вторая встреча с Островским...

Мне хотелось создать музыкальный спектакль. Поэтому-то я и остановил свой выбор на «Снегурочке», которую знал по немецкому переводу.

Успех постановки превзошел все ожидания. Почти месяц ежедневно переполненный зрительный зал гудел от рукоплесканий. Когда спектакль, прошедший 26 раз, был заменен следующей премьерой, в театр стали приходить письма с просьбой возобновить постановку.

Орхусский театр благодарен советскому посольству в Копенгагене, Министерству культуры СССР в Москве, поверившим в наш коллектив. Мы благодарны замечательному советскому режиссеру Сергею Майорову, создавшему спектакль.

Сергей Майоров приехал в Орхус в начале ноября 1963 года. Он не знал труппы, но я не хотел стеснять его творческой свободы и предоставил ему самостоятельный выбор исполнителей.

Во время первой же встречи с коллективом роли были распределены. И сразу же у постановщика установилось хорошее творческое сотрудничество с актерами, художником-декоратором Енсом Анкером Ольсеном, дирижером Пэром Дрейером, балетмейстером Эльзой-Марианне фон Розен.

Музыка Чайковского пронизала весь спектакль. Впервые за сценическую историю «Снегурочки» — после постановки А. П. Ленского при жизни автора — в спектакле использована вся партитура музыки Чайковского. Это стало возможным благодаря участию городского оркестра, хора и лучших певцов-солистов. Роли Леля и Весны исполняли оперные артисты, создавшие пленительные, интересные в драматическом и музыкальном отношении образы.

Необычно для Дании вел режиссер работу с художником: прямо на репетициях с карандашом в руках делал он рабочие эскизы, добиваясь единого образа спектакля.

В Дании на репетиции отводится гораздо меньше времени, чем в Советском Союзе. К тому же Майоров не знал датского языка, а мы — русского. Но все это не помешало ему увлечь коллектив своим замыслом.

Он сумел найти то общее, что есть в русском и скандинавском фольклоре, поэтому вся образность пьесы стала близка зрителю... Спектакль пленял поэтичностью русской сказки, которая во многом сродни датской. Царь Берендей чем-то неуловимо напоминал королей Х. Андерсена, и природа Северной Руси была схожа со скандинавской...

Поистине чудо произошло в этом сезоне: возобновленная постановка «Снегурочки» превзошла премьеру. Об этом можно судить по рецензиям, по тому, что в первые же три дня были распроданы билеты на все спектакли, по просьбам, полученным из других стран Западной Европы, помочь в постановке пьесы.

Естественно, коллективу хочется продолжать сотрудничество с Сергеем Майоровым. Следующей его работой у нас будет драма Лермонтова «Маскарад» с музыкой А. Хачатуряна. Для участия в спектакле приглашены известные театральные деятели. Декорации пишет крупный датский художник и писатель Ханс Шерфиг, текст переводят специалист русского языка Эрик Хорскьер (переводчик «Снегурочки») и поэт Франк Егер; балетмейстер — Эльза-Марианне фон Розен.

Премьера «Маскарада» должна состояться в конце апреля.

Сергей Майоров великолепно представил русское искусство в Дании. Благодаря ему возросло наше понимание, уважение и любовь к русской культуре.

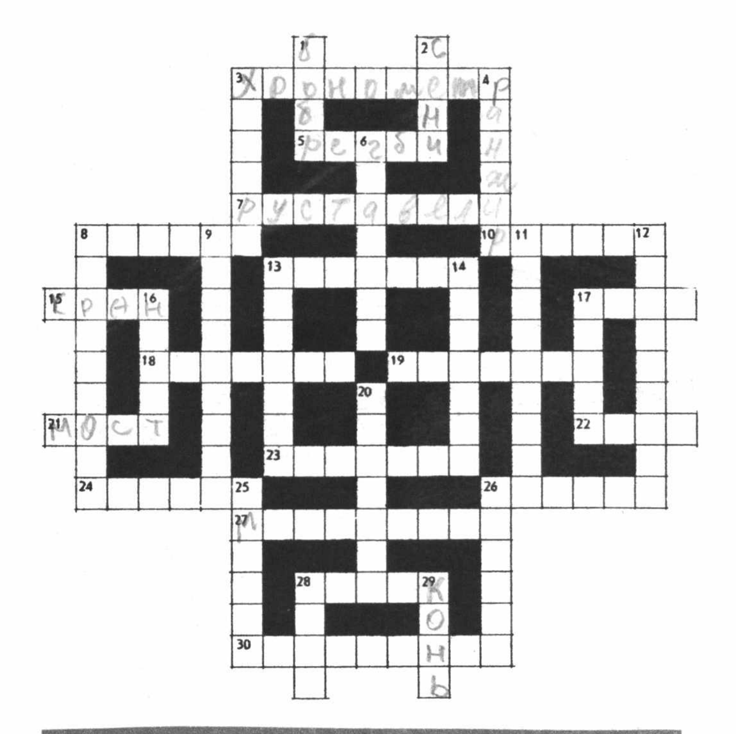
Печальный долг — писать о товарище, которого больше нет. Вспоминаешь его жизнь и думаешь о том, как трудно рассказать о ней в нескольких словах.

Григорий Аронович Фунштейн (А. Григорьев) всю жизнь был репортером и — как это репортеру положено — всегда в самой гуще событий.

Он начал работать в печати тридцать лет назад. Военная газета «Красный кавалерист» была его первым редакционным коллективом. Потом — «Комсомольская правда». С первого дня Отечественной войны — на фронте. Военным журналистом дошел до Берлина. Спокойный и храбрый человек, он имел много друзей среди фронтовых журналистов и особенно среди читателей, находившихся на линии огня. Он и после победы остался верным военной тематике, писал о мирных солдатских буднях в армейских газетах.

Двенадцать лет Григорий Аронович отдал «Огоньку». Работал оперативно. Писал остро. Дружелюбный, общительный, веселый, он быстро сходился с людьми и становился для них добрым товарищем.

Таким он был. Таким мы его будем помнить.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Точные часы. 5. Спортивная игра. 7. Грузинский поэт XII века. 8. Строительный материал. 10. Фламандский живописец. 13. Озеро в Швеции. 15. Приспособление для подъема тяжестей. 17. Пьеса В. Маяковского. 18. Коврик, дорожка. 19. Комната для занятий. 21. Сооружение для перехода, переезда. 22. Степень, звание. 23. Город в Югославии. 24. Легкий открытый экипаж. 26. Южное плодовое дерево. 27. Художественное произведение малых размеров. 28. Немецкий композитор XIX века. 30. Керамическое изделие.

По вертикали:

1. Пушной зверек. 2. Помещение в деревенских избах. 3. Порт на острове Тасмания. 4. Построение в шеренге по росту. 6. Автор картины «Зимний солнечный день». 8. Прозрачный термопластичный материал. 9. Металлорежущий инструмент. 11. Математическое равенство. 12. Декоративное растение. 13. Остров Канадского Арктического архипелага. 14. Река в Индии. 16. Откидная металлическая покрышка. 17. Небольшое судно. 20. Малая планета. 25. Ввоз товаров из-за границы. 26. Летняя шляпа. 28. Сильный, разрушительный ветер. 29. Шахматная фигура.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали:

4. Хренников. 6. Мета. 7. Лорх. 9. Спица. 11. Берген. 12. Неделя. 16. «Ермак». 18. Носорог. 19. Самос. 20. Экскаватор. 21. Баттерфляй. 23. Театр. 25. Нигерия. 26. Агава. 30. Арбитр. 31. «Фитиль». 32. Смерч. 34. Урюк. 35. Азия. 36. Котангенс.

По вертикали:

1. Венецианов. 2. Бекас. 3. Скала. 4. Хребет. 5. «Вертер». 8. Арка. 10. Сена. 11. Барисфера. 13. Ярославль. 14. Колорит. 15. Гораций. 17. Ковер. 19. Смета. 22. Нестеренко. 24. Туба. 27. Гриф. 28. «Старик». 29. Сириус. 32. Скотт. 33. Чапек.

На первой странице обложки: Выступает Олег Попов.
Фото А. Бочинина и Ю. Кривоносова.

На последней странице обложки: Зимний пейзаж.
Художник С. Рычагов.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются. Оформление А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 01926. Подписано к печати 10/II 1965 г.
Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 965 000. Изд. № 215. Заказ № 151.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Римма ЛИХАЧ

Тепло и уютно.

Снег на бульварах, снег на скамейках...

Куда же девались наши знакомые: влюбленные и старички, читающие газеты, и студенты с книжками?

Залы метро превратились в своеобразные зимние бульвары, ибо, как поется в песенке: «...летом в нем прохладно, а зимой тепло...»

Объектив фотоаппарата и рассказывает вам об этом.

Здесь зим

На улице мороз.

Подземный вариант летней скамейки.

ой тепло

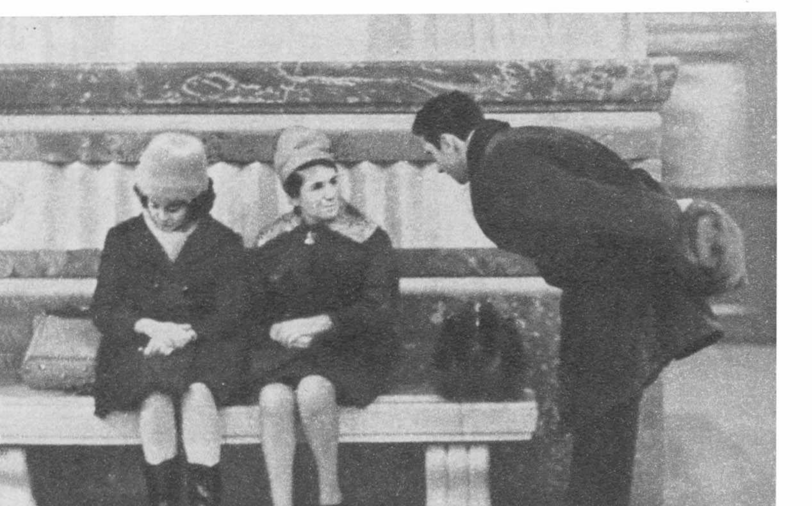

Может, еще придет...

Последние пассажиры.

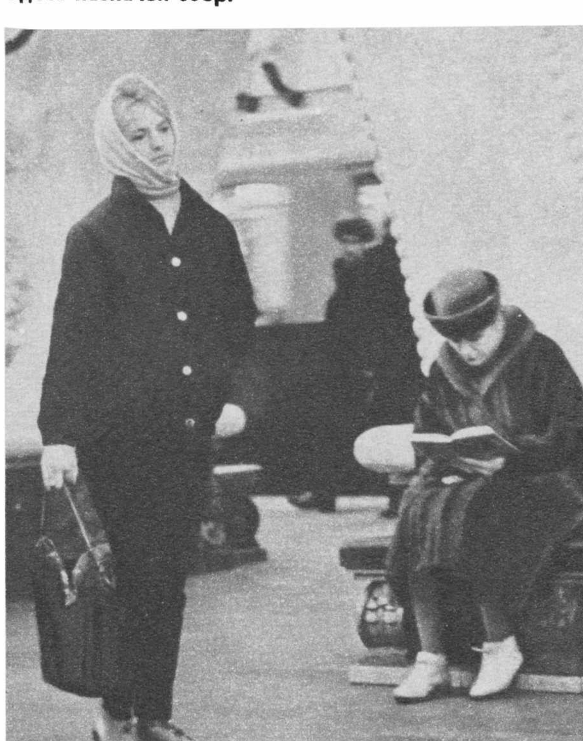
Давайте познакомимся.

Присели перед дальней дорогой.

Здесь назначен сбор.

Индекс 70663

Цена номера 30 коп.